

СМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1981

НЕПОКОРЕННЫЕ. ПОДВИГ РАБОЧЕЙ ТУЛЫ

КОМСОМБОРГ

ДЕЛОВАЯ ЧУТКОСТЬ,

Первичная организация: слово и дело

Перед вами, читатель, второй блок материалов нашей новой рубрики «Первичная организация: слово и дело». И разговор в них пойдет о комсорге.

Кто же он, этот человек, которого комсомольцы избрали своим вожаком? Каким должен быть? «И сейчас, много лет спустя, я с невольным волнением вспоминаю своего первого комсомольского вожака Ивана Мацул — горячего патриота, простого, хорошего человека. Все мы, комсомольцы техникума, были ему многим обязаны. А я, быть может, больше других». Эти слова принадлежат трижды Герою Советского Союза Ивану Кожедубу.

Трудно переоценить влияние личности комсорга на дела первичной. На него, лидера, равняются рядовые комсомольцы, с него берут пример. Именно поэтому комсорг не имеет права быть «середнячком» ни в работе, ни в учебе. Быть первым, вести комсомольскую массу за собой — вот главное его право. Оно не дается вместе с должностью. Оно утверждается поступками. Интересными, полезными делами.

В преддверии важнейшего события в жизни нашего Союза — XIX съезда ВЛКСМ — в первичных организациях проходят отчеты и выборы. На комсомольскую работу приходит тысячи и тысячи молодых людей, для которых работа комсорга становится первой школой управления общественными делами. Как им стать настоящими вожаками молодежных коллективов? Как лучше осваивать науку комсомольского управления? Как избежать возможных ошибок? Надеемся, что материалы этого блока помогут ответить на эти вопросы.

ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЕТСЯ,

ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК КОМСОРГА
ИСКЛЮЧИЛИ ИЗ КОМСОМОЛА

Вера КАРЗОВА,
заведующая отделом
комсомольской жизни газеты
«Комсомолец Кузбасса»

Секретаря комсомольской организации цеха № 31 завода «Кузбассрадио» Олега Ивлева исключили из комсомола. В постановлении бюро комитета ВЛКСМ причина этого печального события формулировалась так: «За грубое нарушение Устава ВЛКСМ, за систематические прогулы, за развал работы...»

Начало же этой истории было таким. Комсоргу 31-го цеха Валерию Учаеву неожиданно предложили перейти на должность мастера. Требовалось срочно найти себе замену, и Валерий остановился на кандидатуре Олега Ивлева.

— Я считал его наиболее подходящим из членов бюро, кто согласился бы заменить меня, — говорит Учаев. — Нравился мне этот парень. Интеллектуально развит, на гитаре играет, общителен. Да и возраст подходящий...

И все? Только это и послужило основанием для того, чтобы поставить человека во главе организации, насчитывающей 160 комсомольцев?

— Я думал, смогу помогать ему в работе, хотя бы в первое время, но мне достался такой напряженный участок, что не отвлекусь и на час, — пытается объяснить Валерий. — К тому же надеялся, что заводской комитет не оставит Олега без внимания и поддержки, а выйдет вон как...

Примечательно, что в самом цехе

существуют разные мнения, справедливо ли Ивлева исключили из комсомола.

— Справедливо, — бросает токарь Виктор Власенко. — Какой из Ивлева комсорг? У него главного не было — авторитета. Ну, а когда голосовали, думали: начальство так решило, ему видней...

— А я бы голосовал против исключения, — признался бригадир одной из лучших на заводе комсомольско-молодежных бригад Владимир Нестерюк. — Не один он виноват в том, что комсомольская работа в цехе заглохла. У нас для того, чтобы хорошим специалистом стать, не один год нужен. А вот комсоргом, считают, может быть кто угодно. Ведь знали же, что у Ивлева стаж комсомольской работы небольшой, а все-таки выдвигали...

Олега Ивлева я встретила на теперешнем его рабочем месте, у станка. После смены нам удалось поговорить. Я спросила Олега о нынешней работе, и он ответил, что по крайней мере теперь идет на завод без робости. Не то, что раньше... «Раньше» — это месяцы, когда он был комсоргом. Каким комсоргом, Ивлева сам рассказал.

Свою беспомощность в новой должности он почувствовал уже в первые недели.

— Володя Нестерюк как-то ко мне обратился: «Комсорг, твоя помощь нужна». И стал о новых расценках говорить, а я понятия не имею, чем могу помочь, потому что не сталкивался раньше с такими вопросами. Стыдно признаться, но даже сбор членских взносов был для меня проблемой: как получка, бегаю за каждым комсомольцем по цеху.

Еще хуже стало у него на душе после первого комсомольского собрания.

— Объявление повесил задолго до собрания, каждый его читал. А кончилась смена — все по домам. Я за руку ташу одного, второго, третьего, да разве мыслимо всех удержать? Какая после этого могла быть работа? Да и что это за секретарь, которому на собрание комсомольцев не собрать?

Вот тогда он и обратился к секретарю заводского комитета комсомола Владимиру Трофимову:

— Переизбирайте, не справляюсь...

Было это спустя два месяца после утверждения Ивлева секретарем. Трофимов посоветовал ему сначала найти себе замену. Но Ивлева вскоре пришел снова. С прежней просьбой. В комитете все-таки уговорили его дожидаться очередной отчетно-выборной конференции. Ждать надо было несколько месяцев, и Ивлева вообще перестал работать. Он надеялся, что так его быстрее освободят от должности, ставшей камнем на шее. Доходило до смешного: в цех он приходил, но как только слышал, что кто-то ищет комсорга, уебал.

А в это время в цехе сменилось руководство. Не найдя Ивлева на рабочем месте раз, другой и не разобравшись, в чем дело, новый начальник цеха распорядился ставить комсоргу прогулы, грозя уволить его «по статье». Вскоре вопрос об Ивлеве разбирался на комитете комсомола, и в протоколе заседания бюро появилась постановляющая строчка: «Исключить из рядов ВЛКСМ».

Возникает вопрос: почему Ивлева исключили из комсомола, минуя первичную организацию, игнорируя ее мнение?

— Мы имели на это право, — сказал секретарь заводского комитета ВЛКСМ Трофимов и достал из своего рабочего стола брошюру. — Вот Инструкция ЦК ВЛКСМ: «...Когда это необходимо, непосредственно разбирать персональные дела членов ВЛКСМ... без передачи дела на предварительное рассмотрение первичной комсомольской организации». — Владимир положил брошюру обратно и с силой задвинул ящик стола, тем самым как бы ставя точку в разговоре о судьбе бывшего комсомольца Олега Ивлева.

Мы же давайте дочитаем до конца рекомендацию ЦК ВЛКСМ: «...Однако комитет комсомола не должен злоупотреблять этим своим правом и прибегать к нему лишь в исключительных случаях. Необходимо учитывать, что обсуждение персональных дел на собрании комсомольской организации позволяет лучше разобраться в проступке, совершенном комсомольцем, имеет большое воспитательное значение для всех членов организации, способствует повышению ответственности членов ВЛКСМ за строгое соблюдение уставных обязанностей».

В том, что заводской комитет комсомола в ситуации, сложившейся с комсоргом Ивлевым, должен был учесть и эту часть инструкции ЦК ВЛКСМ, нет сомнения. Но он обязан был сделать еще и другое — признать и свою вину в ЧП, происшедшем в 31-м цехе. При-

знать, что подбор и расстановка комсомольских кадров — самое слабое звено в его работе. Случай с Олегом Ивлевым — не единственное тому подтверждение.

Заместитель секретаря комитета ВЛКСМ Валерий Яцков сопровождал меня по заводу. Было заметно, как трудно ему сдерживать себя всякий раз, когда я задавала своим собеседникам вопросы, касающиеся Ивлева. Но однажды он не сдержался:

— Ну что из Ивлева делать потерпевшего? Из комсомола его исключили за то, что комсомольское поручение не выполнил — завалил работу когда-то лучшей цеховой организации. Меня никто не переубедит, что по отношению к Ивлеву мы перегнули палку. Другим урок будет.

Поняв, что я не разделяю его позицию, Яцков еще не раз возвращался к разговору об исключенном комсорге.

— Способностей организаторских, говоришь, у него нет? А у меня они были, когда комсоргом стал? Поручили мне организацию возглавить, захотел, чтобы она лучшей стала, вот и способности появились. Главное — захотеть. А там уж и навыки придут. Комсоргами не рождаются!..

Да, тут я согласна с Яцковым: не рождаются. Но давайте тогда посмотрим, кто и как становится комсоргом на заводе «Кузбассрадио» в Белове?

У комсорга 27-го цеха Сергея Колпакова откровенно чемоданное настроение. Он уже подал заявление об уходе. Причина, как и у многих, покидающих сегодня «Кузбассрадио»: родился ребенок, а жить молодой семье негде. Жена Колпакова — слесарь-сборщик, Сергей — слесарь-ремонтник. Завод терлет сразу двух молодых рабочих, а комсомольская организация — комсорга.

— Пятого за два года, — грустно суммирует секретарь партийной организации цеха Петр Иванович Панков. — Берутся сначала за дело горячо, а потом какая-то апатия наступает. У одних — от неумения работать с молодежью, у других, чего греха таить, — от того, что заводской комитет комсомола и требует и помогает мало. В нашем цехе 470 комсомольцев, 15 комсомольско-молодежных бригад. Резерв роста комсомольских рядов — 180 человек. То есть, как видите, хорошему, грамотному комсоргу есть где «разгуляться». А что получается? В прошлом году создали 6 комсомольско-молодежных коллективов, но происходило это без участия и инициативы комсомольских вожаков: производственная необходимость заставила.

Не лучше положение и в соседнем, 28-м цехе. Его начальник Василий Александрович Пусев с явным сожалением в голосе говорил, что действенной помощи от комсомольской организации он не ощущает. «Комсомольский прожектор» бездействует, а опоздания и ранние уходы с работы — явление частое. Многие от этой болезни могли бы излечить рейды «КП», но они не проводятся. Оформить наглядно итоги рейдов было

...Чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование.

В. И. ЛЕНИН

ТОССТЬ, ЗНАНИЕ

бы нетрудно: в цехе два отличных художника, свой фотограф. Нет одного — комсомольской инициативы.

— Я считаю: секретарь комсомольской организации наравне с другими руководителями цеха должен быть в курсе волнующих производство проблем, — сказал Пусев. — У нашего комсорга для этого все возможности есть: он присутствует на всех диспетчерских совещаниях, планерках, летучках. Дело только за самим комсоргом и членами цехового бюро, которые должны определить точку приложения комсомольцами своих знаний, мастерства, поиска...

Но комсорг цеха Любовь Денисенко об этих проблемах даже не заикнулась. Как будто они с Пусевым в разных цехах работают. Любу волновало другое:

— Трудно... Комсомольцев нигде не вытаскишь... Да и несоюзной молодежи у нас много — 173 человека. С ними вообще никакого мероприятия не проведешь.

— Меня в школе не приняли в комсомол — устав плохо выучила, — сказала одна из работниц цеха, числящаяся в рядах несоюзной молодежи. — Ну, и подетски тогда обиделась, второй раз не стала и пытаться. А вскоре после школы замуж вышла, уехали мы с мужем работать на железнодорожную станцию. Мы двое — вот и вся организация. В город с ребенком вернулись, я на «Кузбассрадио» пошла. Девчонки вокруг молоденькие, а мне уже 25. Стыдно всем объяснять, почему раньше не вступила...

Вот так, оказывается, может быть все и просто и сложно. Не заинтересовались вовремя, что у человека на душе, не попытались помочь, руку комсомольской дружбы не протянули, вот и кочует он из одного списка несоюзной в другой.

С Любовью мы много говорили, но на все мои вопросы о комсомольской работе и жизни цеха она отвечала как-то неопределенно, вяло, неохотно... Объяснилось же ее состояние, когда я спросила, как она стала комсоргом.

— Я на участке сверловщицей была. Работала хорошо. Вот и выдвинули...

Да, плохой производственник не может быть вожаком молодежи: нужно иметь моральное право вести за собой. Но ведь бывает, человека избирают комсоргом только по производственным показателям, совершенно не учитывая при этом его человеческие качества. Организаторские способности, умение понимать людей и прислушиваться к их мнению, убежденность, компетентность, наконец, — разве можно руководить, не обладая этими качествами?

— Какие комсорги в цехах — такой и комитет комсомола, — сказала, как отрезала, Людмила Бардокина, секретарь комсомольской организации отдела технического контроля. — Как я радовалась, когда комсомольская организация отдела впервые победила в заводском соревновании! Это был настоящий праздник для нас, ведь тогда в цехах комсоргами были Нина Русанова — делегат XXV съезда КПСС, Анна Верхова — делегат XVIII съезда ВЛКСМ, другие, всей душой преданные комсомолу

люди. Они жизнь заводскую интересной делали. Короче, было нам с кем соперничать...

На последней заводской комсомольской конференции организация ОТК снова была названа лучшей. Узнала об этом Людмила Бардокина, сидя в президиуме, без особой радости: самые сильные из слабых — такая это победа?

Зашла речь у нас с Людмилой и о Трофимове.

— Что вам сказать о нашем секретаре? Не умеет он с людьми работать, — категорически заявила комсорг ОТК. — С других любит спрашивать, а сам?! Заводской стэнд «Молодые гвардейцы пятилетки» еще несколько месяцев назад решили оформить, а он до сих пор пустует — стыдно мимо проходить. Фотографии ребят давно готовы, пылятся в кабинете Трофимова. «Некому стэнд застеклить», — говорит. Это у нас то на заводе. Я не выдержала: «Давай я застеклю». Отшутился, и все. Зато о росте рядов комсомола поговорить любит, — возмущается Бардокина. — Я не спору: рост рядов — один из показателей нашей работы. Но только и к этому вопросу надо грамотно подходить. А то у нас в отделе всего три комсомолки, так за месяц три комиссии по работе с несоюзной молодежью перебивали.

У самого же Трофимова такое мнение на этот счет:

— Я считаю, не комсомольцев вообще нужно убирать из комсомольско-молодежных бригад. Ведь почетными грамотами, значками, премиями, путевками мы в первую очередь должны членов КМК отмечать. И получается, что не комсомольцы будут поощряться так же, как комсомольцы. Это неправильно. Кстати, отныне мы будем утверждать комсомольско-молодежные бригады только тогда, когда в них будет сто процентов комсомольцев.

Но позвольте, товарищ секретарь, это же в корне противоречит самой идее создания комсомольско-молодежных коллективов. Ведь КМК решает не только вопросы производственные, но и помогает духовному, социальному росту человека. КМК — это школа подрастающей смены рабочего класса. Свой опыт новичкам здесь передают кадровые рабочие, наставники. Да, основу, ядро такого коллектива составляют молодые коммунисты и комсомольцы. Но не закрыта сюда дорога и не комсомольцам, которые именно в комсомольско-молодежной бригаде мужают граждански, становятся комсомольцами по сути и по духу.

Вот этого как раз и не видят комсомольские руководители завода «Кузбассрадио». Зато их «нововведения» коснулись уже некоторых молодых заводчан.

«Меня заставляют вступить в комсомол. Если я этого не сделаю, грозят перевести в другую бригаду. В нашей я, видите ли, не имею права работать, потому что она комсомольско-молодежная. Ответьте мне, пожалуйста, имеют ли они право так поступать?» — написала в редакцию конт-

В КОМИТЕТЕ ВЛКСМ — ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ, ДРУЗЬЯ, ТОВАРИЩИ.

Фото Алексея АЛЕКСЕЕВА

ролер ОТК Нелли Лучкина, кстати, одна из трех не комсомолок отдела.

Комсомолкой Нелли стала в своем родном селе, когда училась еще в восьмом классе. Переехав в город, она попала в коллектив 28-го цеха завода «Кузбассрадио». «Ты комсомолка или нет?» — поинтересовался как-то на бегу у Нелли группкомсорг бригады. — Давай вступай, у нас как раз до плана одного человека не хватает». «Ты что, с ума сошел?» — единственное, что нашлась она ответить на это откровение. «Я спрашиваю, ты комсомолка или нет?» — не унимался парень. «Нет, и вступать у вас не буду», — дерзко бросила новенькая, сама поразившись собственным словам. Но отступить было поздно.

Так Нелли Лучкина до сих пор и числится в списках несоюзной молодежи. А дома у нее хранится комсомольский билет.

— Мне вот какой вопрос не дает покоя: чем наши не комсомольцы от комсомольцев отличаются? И работают на равных и во всех мероприятиях, какие в цехе или на заводе проходят, участвуют. А ведь должны же комсомольцы хоть чем-то выделяться?! — вот с таких позиций смотрит на комсомольскую организацию цеха Нелли Лучкина. О том, что Лучкина комсомолка, не знал никто. Только корреспонденту доверила она свою тайну, со слезами рассказывая, как нелегко складывались ее отношения с комсомольской организацией 28-го цеха. Но не она ли, Лучкина, сама и виновата в этом? Капризное... «вступать у вас не буду», брошенное комсоргу, нельзя истолковать иначе, как полное неуважение к товарищам по работе и пренебрежение своими обязанностями члена Союза молодежи. Тебе идут навстречу, протягивают руку — так укрепи обостренное чувство самовлюбленности, и не будет тогда необходимости проливать слезы из-за несложившихся отношений с комсомольской организацией, которая нуждается в твоей помощи. Как и ты, впрочем, нуждаешься в ней.

Но и комсорг, если он всерьез забо-

тится о росте рядов своей организации, должен делать это не так, как было сказано выше — на бегу, впопыхах, между делом, словно зазывала на ярмарке. — а вести планомерную, индивидуальную — вот что особенно важно! — работу с теми, кто действительно этого достоин — быть комсомольцем.

— Отсутствие живой работы, конкретного дела — вот что ослабило в последнее время нашу комсомольскую организацию, — с этим выводом секретаря парткома завода «Кузбассрадио» Виктора Никитовича Петрушина нельзя не согласиться.

И понимают это многие, с кем пришлось встретиться на заводе. Заместитель директора по производству Михаил Федорович Зайко назвал массу волнующих завод проблем, за решение которых могли бы взяться комсомольцы. В трудном положении находится пластмассовый цех. Работает он по непрерывному графику, то есть без выходных, — отсюда текучесть. На пластмассе почти все цеха работают, а ее не хватает. Комсомольская организация оказала бы заводу огромную помощь, если бы в порядке шефства направила туда комсомольцев. Еще одна точка приложения сил: 28-й цех, самый большой на заводе. Цех не выполняет план поставок, а большинство работающих здесь — молодежь. Комитету комсомола возглавить бы поход за качество изделий, за добросовестное отношение молодых рабочих к труду, но комитетчиков захлестывают другие заботы. А ведь именно комсомольцы «Кузбассрадио» несколько лет назад выступили с инициативой «Изделиям Кузбасса — комсомольскую гарантию качества!». Почему же сегодня забыт этот лозунг?

— Мы возродим былую славу комсомолки «Кузбассрадио», — сказал на прощание секретарь парткома Петрушин. — Но для этого, наверное, не один год потребуются.

Да, авторитет потерять легко. Вернуть же его можно только при одном условии: если комсомольская организация перейдет от слов к реальным интересным делам.

Наша обложка:
Монумент
защитникам Тулы.

Фото
Владимира
ЧЕИШВИЛИ

Очерк «ТУЛЬСКИЙ ПО-
РОГ» читайте на 12-й
странице.

Уметь работать — значит уметь ставить себе ясные цели, осознавать, на ряд каких частных последовательных целей каждая поставленная цель распадается, уметь выбирать наиболее целесообразные средства осуществления поставленной цели, то есть такие средства, которые давали бы возможность наилучшим образом, с наименьшей затратой сил и времени достигнуть поставленной цели. Уметь работать — значит уметь учитывать и свои силы, и силы других, и все условия работы, уметь подводить итоги сделанному.

Н. К. КРУПСКАЯ

Евгений КУЗЬМИН,
секретарь комитета ВЛКСМ
производственного объединения «АвтоЗИЛ»,
член ЦК ВЛКСМ

ПОХВАЛА ТОЧНОСТИ

Вспоминается недавний разговор с комсоргом одного из крупных цехов. Работник он опытный, раньше претензий у нас к нему не было, а тут вдруг от его комсомольцев узнаем, что зазнаваться стал. То ли масштабы вскружили

голову — комсомольская организация большая, около тысячи человек, — то ли уверовал в собственную непогрешимость, только увлекся парнем администрированием, почувствовал себя начальником, забыл, видно, что комсомольский руководитель прежде всего должен действовать убеждением. Он же вместо этого чуть ли не приказы отдавал, к мнению других перестал прислушиваться, большинство вопросов решал единолично, даже здороваться, приходя в цех, и то иногда забывал. Короче, стал комсорг терять авторитет. Пригласили мы его в комитет комсомола. Задаем вопросы: как оцениваешь работу низовых звеньев? Всегда ли группкомсорги внимательны к рядовым комсомольцам? Кто участвует в разработке и принятии решений? То есть, не унижая достоинства, пытаемся навести парня на размышления о собственном стиле работы. Приходит он после того разговора через два дня: «Ребята, я все понял. Критику принимаю. Помогите исправить положение...»

Кто-то скажет: зазнался комсорг, а вы с ним либеральничаете, «снять стружку» бы с него, да так, чтобы и другим было чему на его примере поучиться. Что ответить любителям подобных крутых мер? Конечно, и мы «снимаем стружку», бывает, от должности освобождаем, если видим, что ошиблись в человеке. Но в данном случае доверительного, товарищеского разговора с комсоргом оказалось достаточно.

На головном предприятии нашего объединения сейчас работают 22 тысячи комсомольцев. Они состоят в 84 комсомольских организациях структурных подразделений. Структурные подразделения — это корпуса, цеха, управления и отделы. Прибавьте сюда завод-вуз, комбинат общественного питания, общежития — везде своя специфика, везде разные категории комсомольцев. Без учета этой специфики грамотно, компетентно работать сегодня комсомольскому активу нельзя.

Одним из главных показателей компетентности комсомольского вожака является умение понимать и видеть за

обыденными делами конкретных людей. Это качество необходимо, конечно, любому руководителю, но комсоргу в особенности, потому что всю свою работу он строит на основе личных контактов с комсомольцами, на основе убеждения и личного примера.

Нельзя сразу, без специальной подготовки, стать, скажем, токарем пятого разряда — для этого придется преодолеть несколько ступеней. Точно так же приходится подниматься и комсомольскому активисту. И вот избрали парня группкомсоргом. Проходит год или два, становится наш комсорг членом цехового бюро, потом и секретарем цеховой организации. Вот тут от него требуется очень важное качество: умение наращивать свои знания, я бы сказал, в прогрессии. Потому что он только в том случае будет пользоваться авторитетом, если за короткое время станет на голову выше членов своего бюро в вопросах комсомольской работы. Этому умению — быстро наращивать знания — мы постоянно учим активистов. Скажем, открылась новая экспозиция на ВДНХ — съездите, пожалуйста, посмотрите. Различные лекции, встречи с интересными людьми для актива проводим.

И тогда нас, комитетчиков, начинает интересовать: а растет ли политически, нравственно, духовно человек, растет ли возглавляемая им организация? Допустим, на заседании комитета комсомола критикуют цехового секретаря. Действительно, неважное пока у него положение. Ну, а как обстояли там дела год, полгода назад? Выясняется, что все-таки есть изменения к лучшему. Значит, хоть и не все получается как надо у комсорга, но он работает, и нельзя в данном случае только сегодняшние недостатки видеть. Ведь чего проще — обнаружить недочеты, принять соответствующее постановление и поставить на этом точку. Только поможет ли это делу?

Хочется еще раз подчеркнуть, что знание дела и умение работать с разными категориями молодежи — одно из важнейших условий успешной работы комсорга. У нас в штампо-механическом цехе секретарем бюро ВЛКСМ работает Вита Якунин. Комсорг он добросовестный, только вот не любит детальным планированием заниматься, все записи у него обычно на листках календаря. Спрашиваем его однажды в комитете: какие категории молодежи у тебя в цехе? Сколько молодых специалистов, студентов вту-

1 ПЕРВИЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: СЛОВО И ДЕЛО.
«КОМСОРГ: ДЕЛОВИТОСТЬ, ЧУТКОСТЬ, ЗНАНИЕ».

4 Вальтер ХАЗЕНКЛЕВЕР.
«КОРИЧНЕВЫЙ ПАНОПТИКУМ».

8 Рассказ Калдарбека НАЙМАНБАЕВА
«СУПРУЖЕСКАЯ ПРОЗА».

11 Стихи Василя ЗАХАРЧЕНКО.

12 МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
Владислав ЯНЕЛИС, Владимир ЧЕИШВИЛИ.
«ТУЛЬСКИЙ ПОРОГ».

16 ФИЗКУЛЬТ-УРА!
Юрий МАСЛОВ. «ЛУЖНИКИ» У ОКОЛИЦЫ».

19 ПРОШУ СЛОВА!
«СБЕРЕЧЬ ЗЕЛЕНый ОКЕАН!»

20 Александр ХАРЬКОВ.
«МИР И ВЗГЛЯД ХУДОЖНИКА».

22 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

24 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Джон Д. МАКДОНАЛД. «ЛИНДА».

27 ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНИ».

29 «ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ «ВТОРОЙ СЦЕНЫ».
Беседа с народным артистом РСФСР
Олегом ТАБАКОВЫМ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОЗ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,

В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАБЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда», «Смена», 1981 г.

за, выпускников ПТУ? Сколько семейных, холостых, сколько молодых матерей? Точных данных у комсорга нет. А это ведь основа, с этого только и можно начинать настоящую работу — с анализа возрастного, образовательного состава организации.

Или обсуждали мы недавно подшефную работу в школе. Отчитывался Андрей Гавриленко, секретарь комсомольской организации автотранспортного цеха. Спрашиваем: сколько молодых инженеров цеха являются школьными вожатыми? Оказалось — ни одного. Да и в целом по головному предприятию молодые специалисты среди членов комсомольского педагогического отряда и вожатых-производственников составляют чуть более 30 процентов. А кому легче технический кружок в школе организовать, кому проще на каверзный вопрос ответить? Конечно, тому вожатому, за плечами у которого институт, техникум, а не средняя школа. В том, что мало молодых специалистов среди вожатых, вина, естественно, не только цеховых секретарей, но и наша — заводского комитета комсомола. Мы этот вопрос сейчас взяли на особый контроль.

Бывает так: придешь в цех, говоришь с секретарем комсомольского бюро, а он жалуетесь: и текучка заела, и оглядеться времени нет, и дела кажутся мелкими и неинтересными. Тогда приходится переубеждать: любое реальное дело, за которое комсомольцы принимают на себя ответственность, важно и полезно. Именно таким делом стала для нас работа с новичками.

Около пяти тысяч — столько новичков приходит ежегодно на ЗИЛ. В большинстве это молодежь. Станут ли они кадровыми зилотцами или спустя какое-то время напишут заявления: «Прошу уволить по собственному желанию», — зависит и от заводской комсомольской организации. Главное, мы должны помочь им сделать первые шаги. Чтобы они чувствовали, что комсомольская организация к ним неравнодушна, заинтересована в каждом из них. Проследить, чтобы новенький встретился с начальником цеха или с мастером, в первую же неделю побывать в общежитии, посмотреть, как человек с жильем устроен, поговорить с ним — все это забота группкомсоров, цеховых секретарей. Мы им постоянно напоминаем: не забудь новичков, выдвигай вновь пришедших. Да и на заседаниях комитета, по какому бы вопросу комсоров ни слушали, обязательно интересуемся, как поставлена работа с новичками.

И вот тут снова хочу сказать о компетентности. Ведь чем больше мы будем знать о новичках, тем легче нам строить с ними работу. Вот почему по предложению комитета ВЛКСМ завода социологи ЗИЛа разрабатывают сейчас так называемый «Социологический паспорт приходящего». В нем найдут отражение и его уровень образования, и мотивы поступления на ЗИЛ, и увлечения. Паспорт будет постоянно в работе у комсоров. Это очень важно, ибо до сих пор мы совершенно не анализировали, как развивается человек, в течение ряда лет живущий в одном коллективе. Растет ли с ростом материального благосостояния нравственный, культурный уровень молодого рабочего, его общественная активность? Или интерес недавнего выходца из деревни, да и коренного горожанина, пришедшего на современное предприятие, остаются порой на прежнем уровне и ограничиваются кружкой пива после смены? Тут есть над чем подумать комсоргу, секретарю цехового бюро, членам заводского комитета комсомола.

Люди с уважением относятся к мастерам своего дела. Мастерство комсорга — особого рода. Это мастерство лидера, вожака молодежи. Поэтому дилетантом лидеру быть никак нельзя.

РАБОТА ЛЮБИТ РАБОТНИКОВ

Борис УСМАНОВ,
заместитель заведующего
кафедрой комсомольского
строительства ВКШ
при ЦК ВЛКСМ,
кандидат философских наук

На одном из подмосковных заводов шла аттестация участников Ленинского зачета. Молодой инженер, командир заводского комсомольского оперативного отряда, отчитываясь, рассказал о рейдах, организованных им в общежитиях беседах на правовые темы, не забыв упомянуть и о количественном росте отряда. Складывалось впечатление, что работа проводится большая. Но когда секретарь парткома спросил, какова же эффективность этой работы, уменьшилось ли в микрорайоне количество правонарушений, сократилось ли число подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, командир не смог сказать ничего конкретного. Произошло это, очевидно, оттого, что, планируя работу, командир оперотряда не определил ни ее целей, ни ожидаемых результатов.

Подобные примеры нередки. Отчего получается, что усилия комсомольских активистов порой не дают предполагаемого эффекта? Думается, главная причина этого явления — в неопределенности поставленных целей. А ведь глубокое, детальное видение цели — один из главных показателей компетентности комсомольского работника.

Недавно довелось беседовать мне с двумя только что избранными группкомсоргами. Задал я им один и тот же вопрос: «Через год вам предстоит отчитываться перед своей комсомольской организацией. Каких итогов вы предполагаете достигнуть, каким видите конечный результат?» Первый, Сергей, вообще ничего не ответил, он даже не понял сути поставленного вопроса. А Володя сказал: «Если через год мне удастся сплотить своих ребят, создать сильный, боевой коллектив, то я буду считать, что достиг поставленной цели».

С четким представлением о цели связано и содержание планируемых дел. Тот же Володя рассказал мне, что сплочению группы способствовали коллективные дела — именно их он поставил во главу угла, распределяя поручения. К чести секретаря цеховой комсомольской организации, он учел Володины предложения и дал группе коллективное задание: шефство над воспитанниками школы-интерната.

Конечно, группкомсоргу, особенно начинающему, бывает порой трудно самому сформулировать цель предстоящей работы. И вот здесь на помощь ему должен прийти комитет комсомола. Но помощь его только в том случае окажется действенной, если комитетчики хорошо знают положение дел в цехах и в молодежных коллективах. Без этого знания не может быть и речи о компетентном руководстве.

...Идет заседание заводского комитета комсомола. Слушается вопрос о соревновании комсомольско-молодежных коллективов. Выступают бригадиры, группкомсорги: набравших проблем много. Когда приходит время для заключения, а это обязанность секретаря комитета комсомола, он несколькими общими фразами говорит о том, что, мол, «соревнование идет неплохо, но

его надо все-таки активизировать». Ни попытки анализа, ни оценки высказанных предложений — ничего этого нет в выступлении секретаря, поэтому и слушают его присутствующие вполуха.

Такая беспомощность объясняется тем, что он только в последний момент, буквально за час до начала заседания комитета, пролистал справку и проект постановления. Побывав накануне секретарь в цехах, побеседуй с комсомольцами, руководителями, выясни основные вопросы, совсем по-другому — убедительно, грамотно, компетентно — зазвучало бы его выступление на комитете.

Что же такое компетентность? Словами определяют ее как знания и опыт работника в той или иной области. Комсомольская работа — это работа по сути своей прежде всего воспитательная. Здесь не обойтись без знания основ педагогики, социальной психологии, прикладной социологии. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, — говорил К. Д. Ушинский, — то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях». Комсорг, не знающий своих комсомольцев «во всех отношениях», то есть не представляющий их интересов, запросов, увлечений, наконец, характеров, вряд ли станет для них авторитетом.

А вот другой пример. Молодой инженер после года пребывания на заводе избирается секретарем комсомольской организации цеха. До этого как инженер он обладал довольно высоким уровнем компетентности. Ему казалось, что и новая должность не вызовет особых трудностей. Но эта новая сфера деятельности требует знаний, совершенно отличных от инженерных. Человеку за очень короткий срок приходится овладевать фактически новой профессией. И прав секретарь комитета ВЛКСМ объединения «АвтоЗИЛ» Е. Кузьмин, когда утверждает, что вновь избранному комсоргу необходимо умение наращивать знания буквально в прогрессии. Такое по силам только тому, у кого есть склонность к общественной работе, желание оправдать доверие товарищей.

Обратим внимание и на еще одну важную грань компетентности комсорга — это его умение организовать молодежь. Тут нужны не только способности, но и навыки науки управления. Готовится, например, отчетно-выборная конференция. Нужно учесть десятки вопросов, секретарь комитета держит их на контроле, но в самый ответственный момент оказывается, что очень важное упущено и ничего уже нельзя поправить. Если же заранее разработать схему подготовки собрания, конференции, в ней можно учесть все.

Без научной организации труда комсоргу сегодня не обойтись. Внедрять НОТ — это значит научиться эффективно, с высокой отдачей работать. И начинать нужно с четкого распределения

Первичная
организация:
слово
и дело

обязанностей, вопросов, входящих в компетенцию того или иного комсомольского активиста. В. И. Ленин писал, что «если человек... не знает своих обязанностей, то отдача в его деятельности будет незначительной». Хотелось бы в этой связи сослаться на пример, который приводится в материале о комсомольской организации завода «Кузбассрадио». Секретарем комсомольской организации цеха избирают человека, от этой работы далекого. Никто не удосужился объяснить новичку круг задач, ввести в курс дела. Чем конкретно ему предстоит заниматься — он может только догадываться. Вот и пришлось ему действовать вслепую, методом проб и ошибок. Некомпетентный комсорг своей беспомощностью дискредитирует в глазах комсомольцев всю цеховую организацию — вот что печально.

Но меня в этой истории гораздо больше волнует другое, а именно та легкость, с которой руководители заводского комсомола решили судьбу молодого, неопытного комсорга, взвалив только на одного его неокрепшие плечи всю вину за развал работы в цехе. Я считаю, что точку в этой истории ставить рано, и комитет комсомола обязан вернуться к персональному делу Олега, подойдя к его рассмотрению не только с позиций критики, но и в не меньшей степени самокритики.

Неумение вожака организовать работу свою и своих коллег ведет к потерям и моральным. Вспоминается такой эпизод, правда, из жизни не первичной организации, а райкома ВЛКСМ.

...К двум часам дня на бюро были приглашены ребята, вступающие в комсомол. Вопросов на бюро предстояло обсудить много, вдобавок еще персональное дело всплыло неожиданно, и получилось так, что будущие комсомольцы чуть ли не четыре часа простояли в коридоре. Когда же ребята, наконец, зашли в кабинет, уставшие члены бюро задали им по два-три совершенно ничего не значащих вопроса. А затем секретарь скучным голосом поздравил их со знаменательным событием. Одна из девочек, побывавшая в тот день в райкоме, так расстроилась, что дома даже плакала. Бабушка ее, старый коммунист, рассказала мне, что внучка несколько месяцев с волнением ждала дня вступления в комсомол, готовилась к нему, как к самому торжественному событию. Но, к сожалению, в этот день девочка и ее товарищам преподнесли урок черствости, невнимания. Я говорил потом об этом с секретарем того самого райкома. Он искренне удивился. Закрученный делами, неспособный организовать свою работу и работу аппарата, секретарь этот даже и не задумывался о последствиях своей некомпетентности.

Компетентности можно и нужно учить. Скрупулезный анализ работы, занятия в школе комсомольского актива, деловые игры — все это способствует повышению компетентности комсоров. А главное — это научиться ставить конкретные цели работы и добиваться их осуществления. У компетентного комсорга слово никогда не разоидется с делом.

Итак, вы прочитали еще один блок материалов, посвященных важным проблемам комсомольской работы.

Очень хочется надеяться, что вы, уважаемые читатели, продолжите начатый нами разговор. Давайте вместе, сообща поразмышляем: из чего складывается авторитет комсомольского руководителя? Какими человеческими качествами, на ваш взгляд, должен он обладать? Было бы интересно узнать ваше мнение о том, каким представляется вам комсорг восьмидесятых годов. Если рядом с вами живут и работают комсорги, с которых вам хочется брать пример, расскажите о них: ведь добрый след, оставленный таким человеком в вашей судьбе, может продолжиться и в судьбах многих других людей.

Ждем ваших писем.

ЖИЗНЬ

Вальтер ХАЗЕНКЛЕВЕР

Перевод с немецкого
Бориса ПЧЕЛИНЦЕВА

Д-р Роберт Лей был последним в хороводе партийных деятелей, которых мне довелось допрашивать.

Он влачил довольно одинокое существование среди репрезентантов этой германской «элиты», ибо по природе своей был нахрапист и назойлив, считался тупицей, но тупицей жестоким и осмотрительным.

В свое время он обучался наукам и выслужил докторский титул по химии; какое-то время оставался химиком, потом сделался лавочником — настолько нечистоплотным, что ему пришлось отсидеть полтора года в тюрьме.

Вокруг его личной жизни ходило много разговоров. Его первая жена покончила с собой; вторая жена терпела его, несмотря на то, что, без сомнения, как и весь немецкий народ, знала подробности его образа жизни, а этот образ жизни никак нельзя было назвать образцовым.

Лей был закоренелым пьяницей, и это обстоятельство он объяснял тем, что родился на Мозеле, где потребление хмельного «органически увязывалось» с общим укладом жизни.

В состоянии опьянения он был склонен к эксцессам, которые оборачивались либо жестокостью, либо скандалами. Однако и это «свойство» его натуры официально не возбранялось, поскольку он представлял собою идола мелкотравчатого бюргерства, которое, всегда кичась умением выпить и некоей мужественностью, то есть мужланством, утверждает таким образом свое стремление к узурпаторству.

Лей был среднего роста, коренаст, толст, с грубыми чертами лица и с водянистыми глазами. Он производил очень неаппетитное впечатление. Организация его речи никак не намекала на академическое звание; он пользовался простонародными изречениями, которые, по-видимому, должны были расположить к нему слушателя.

В его речи явственно слышались рейнский акцент и иногда очень заметная шепелявость, так что, слушая его, хотелось рассмеяться. Это не было обычное заикание, когда говорящий спотыкается о какой-то звук и оказывается с ним в штопоре, нет, у Лей застревало само слово, и он, пытаясь одолеть его три, а то и четыре раза, переходил на его синоним, который мог произносить уже без заикания, без запинок. Я вспоминаю, как однажды он пытался изъясниться:

«И тогда фю... И тогда фю... И тогда фю... И тогда Гитлер сказал...»

Со словом «фюрер» он никак не мог сладить, но вот с «Гитлером» он справился запросто!

Лей ведал Трудовым фронтом. До войны Трудовой фронт Германии устраивал — вначале на реквизируемых, а затем на собственных пароходах — увеселительные прогулки во все части света. Первая такая прогулка, в которой Лей принял личное участие, была предпринята на Мадейру, и она была увеселительной в буквальном смысле этого слова. Для рядового немецкого бюргера это была практически первая возможность выбраться из тесных пределов Европы и предаться бражничанью, компанейским песнопениям и беспредельному разгулу в жарких тропических широтах земного шара.

Во всех предприятиях такого рода Лей был, что называется, «заводилой», и за это его прозвали «бешеной щукой». Из-за этой его слишком уж бурной деятельности, а также по той причине, что он отнюдь не чурался взяточничества, Лей был привлечен к судебной ответственности и признан виновным.

Лей добился аудиенции у Гитлера и заявил:

Окончание. Начало в № 18.

«Мой фюрер, я не святоша и не воздерженец. Я никогда не был ни тем, ни другим и никогда не стану. И если я не имею права быть таким, каков я есть, мне лучше отказаться от своих обязанностей».

Гитлер, по словам Лей, после такой тирады улыбнулся, похлопал его по плечу и сказал:

«Лей, оставайтесь таким, каков вы есть». — И не принял к сведению решения партийного суда.

Лей, честолюбие которого было несравненно выше, нежели его способности, старался урвать себе как можно больше власти и постоянно цапался с министрами, которые отвечали за использование рабочей силы и непосредственное производство. Людей, которые не устраивали его — как внутри, так и вне возглавляемой им организации, — Лей, если у него на это хватало власти, посылал в концентрационные лагеря или сразу же на эшафот. Число его жертв исчислялось тысячами.

В беседе со мной он совершенно серьезно заявил:

«Советую вам подумать, как поступить со мной дальше. Мне известно, что в Соединенных Штатах Америки, есть определенные трудности с рабочими, которые бастуют и тем самым замораживают производство. Полагаю, что в будущем вам не следовало бы отказываться от услуг человека с колоссальным опытом в деле организации рабочего потенциала. Я имею в виду себя. Я готов сотрудничать с американцами и отдать в их распоряжение весь свой опыт. Я даже не настаиваю на исполнении руководящих функций — я согласен работать под наблюдением вашего эксперта. Я хотел бы предупредить вас только в одном отношении: не убивайте меня слишком рано, потому что без меня вы никогда не будете в состоянии решить ваши проблемы».

На это я смог ответить следующее:

«Господин рейхсleiter, мне неизвестно, имеется ли в настоящее время интересующая вас вакансия, но если я об этом что-нибудь узнаю, я вас, естественно, уведомя».

«Был бы вам за это весьма признателен», — ответил Лей.

Адольф Гитлер был его идолом.

Национал-социализм был его религией.

Изю всех плененных, которых мне пришлось допрашивать, он был единственным, кто неприкрыто и безоговорочно поклонялся национал-социализму.

«Да», — говорил он, — я национал-социалист, а Адольф Гитлер — самый великий из людей, которых я встречал в жизни!»

Сам Гитлер относился к нему весьма благосклонно. Так как с течением времени ему все больше и больше мерещилось предательство и в каждом из ближайшего окружения он подозревал стремление совершить покушение на его жизнь, собачья преданность Лей была ему, вероятно, как балзам на душу.

Гитлер, надо заметить, не особенно-то испытывал тягу к «умным разговорам». Послеобеденные чаепития Гитлера и вечера с приглашением приближенных и доверенных гостей были отмечены страшной скукой.

Иногда фюрер вызывал Лей к себе.

В этих случаях он уединялся с ним в кабинете и начинал знакомить его, Лей, — человека, к которому искусство никаким боком не пристало, — со своими архитектурными планами. При этих «свиданиях» Гитлер всякий раз сводил разговор к планам расширения города Линца, на который всегда смотрел как на выпестованную его идолом и который — по прихотливому капризу фюрера — должен был сделаться самым прекрасным городом в мире. Гитлер знакомил Лей с местоположением зданий и прочих сооружений города, с тонкостями его архитектоники и величественностью планировки в ближайшем будущем. А Лей в это время стоял подле своего фюрера, хлопая глазами и не понимая ровным счетом ничего из его речей, но это отнюдь не мешало ему допотопать слова восхищения, ибо он-то знал, что его фюреру до этих планов было куда больше дела, чем до какой-то политики. При этом он глядел на фюрера своими водянистыми, навязкато, по-собачьи преданными глазами и в который раз — как он мне об этом говорил сам — давал ему обет вечной верности, ибо эти мгновения были для него незабываемыми.

Однако когда Лей попытался было уговорить меня разделить его восторги по поводу величия Гитлера, я напомнил о тех неисчислимых страданиях, которые Гитлер принес немецкому народу, о жертвах, прине-

ТРАГ

сенных в угоду его безумию, о той нетерпимости и своенравии, которые отличали политику руководимого им государства.

Лей отвечал так:

«Вы видите в национал-социализме только концлагеря. Чего вы не замечаете, так это того колоссального — колоссального — было его любимым словом, — колоссального органического роста, который обеспечивался народу и человечеству в пределах его государства».

После этого заявления моему терпению пришел конец.

«В чем же вы усматриваете суть «органического роста» вашего национал-социализма? — спросил я. — Национал-социализм был антисемитским, антидемократичным, антилиберальным, антимарксистским, антиинтеллектуальным, антихристианским, антинегритянским, антипольским, антирусским, антиазиатским — даром, что вы заключили союз с Японией, — он, ваш национал-социализм, был антипланетарен, если забыть о вашем вонючем мифе, прикрываясь которым вы «органически» убивали миллионы людей. Я не вижу у вас никакого стремления «роста» — куда бы я ни глянул, я вижу лишь стремление к уничтожению. А вонцом уничтожения, которое вы сумели культивировать, является уничтожение немецкого народа».

Лей приготовился возражать, но я ему сказал:

«На сегодня с меня хватит. У меня нет больше желания говорить с вами. Можете быть свободны».

Лей поднялся с кресла и пошел прочь.

Перед началом Нюрнбергского процесса Лей повесился в туалете на полотенце.

Герман Вильгельм Геринг, рейхсмаршал... Геринг был первым и единственным рейхсмаршалом Германии, ибо до него такого звания не существовало

никудашние дела с люфтваффе во многом объяснялись его пристрастием к «коллекционированию» великолепных произведений искусства из фондов Рима, Парижа, Голландии или Бельгии. Но это было общеизвестно. Так же, как было известно то, что в свое время Геринг снарядил восемь товарных составов и, загрузив их произведениями из «личной» коллекции, отправил их в свою так называемую «Альпийскую резиденцию».

То, что он оказался у Гитлера в немилости, Геринг объяснял следующим образом (следует отметить, что при этом он верно охарактеризовал своего фюрера):

«Гитлер не интересовался технической стороной разработок. Самолет, выполненный в чертеже, для него был пустым местом, ему нужно было показать уже готовую машину. Он хотел иметь самолеты, которые бы можно было уже завтра послать в бой. Причем эти самолеты должны быть легкими, но обязательно четырехмоторными и притом способными нести большой бомбовый груз, и притом — чтобы они могли использоваться как истребители. Такие требования были, конечно, технически невыполнимы».

По этой причине Гитлер неоднократно учинял своему рейхсмаршалу взбучку, тот, в свою очередь, устраивал разгон непосредственным подчиненным, после чего преспокойно продолжал сибаритствовать.

Другой и, вероятно, более серьезный конфликт с Гитлером произошел у Геринга в связи с вопросом об обеспечении с воздуха окруженной под Сталинградом группировки.

В те дни, когда шестая армия Паулюса, вероятно, еще имела шансы уйти из окружения под Сталинградом, Гитлер поставил перед генералитетом люфтваффе вопрос: возможно ли обеспечить сталинградскую группировку с воздуха как продовольствием, так и боеприпасами, необходимыми для успешного продолжения боевых операций?

Генералитет люфтваффе со всей определенностью доложил Гитлеру, что снабжение армии достаточным количеством продовольствия и боеприпасов с воздуха невозможно и что было бы правильнее, если бы фюрер приказал Паулюсу предпринять все возможное для выхода из окружения.

В этот момент в кабинете появился Геринг и патетически объявил, что немецкие солдаты, входящие в состав сталинградской группировки, смогут получить все необходимое продовольствие и боеприпасы с воздуха — он, Геринг, дает в этом свою личную гарантию!

Гитлер, у которого было в обычае принимать желаемое за действительное, после такого заявления отдал роковой приказ об обеспечении сталинградской группировки с воздуха и тем самым решил участь армии Паулюса.

Далее. В тот день, когда Англия объявила войну Германии, Геринг предложил Гитлеру нанести удар по британскому флоту всеми наличествующими силами люфтваффе, то есть поднять в воздух все самолеты одновременно. В то время весь британский флот базировался в Скапа Флоу или в каком-то другом порту Шотландии.

Гитлер, видите ли, отклонил это предложение и вместо этого приказал бросить всю авиацию на Польшу. Это, мол, важнее на настоящий момент, чем неожиданное нападение на Англию, потому что Англия, мол, все равно не сунется в войну. Когда польская операция была завершена, английский флот рассредоточился, и таким образом этой «блестящей идее» Геринга не суждено было осуществиться.

Свои основные «заслуги» Геринг приобрел не в ходе второй мировой войны, а во время предшествующей ей гражданской войны в Испании. Как он похвалялся сам, у него были «свои отношения» с генералом Франко, который в то время находился в Иберийском Марокко и планировал путч. Однако у Франко не было кораблей, не было самолетов, чтобы быстро и неожиданно нагрянуть вместе со своими войсками в Испанию.

22 июля 1936 года Франко посылает своего эmissара в Германию; эmissар встречается с Гитлером и Герингом, излагает обобщенную суть дела и задает вопрос, располагает ли Германия достаточным числом самолетов, чтобы перебросить франкистские войска вместе с вооружением в Испанию.

Геринг заверил Гитлера, что он может предоставить в распоряжение Франко нужное количество самолетов и в короткий срок обеспечить доставку войск в Испанию. Доверившись своему палладину, Гитлер отдал приказ обеспечить переброску войск Франко в Испанию.

Здесь я увидел возможность перепроверить полученную мной ранее информацию и спросил Геринга:

«Господин рейхсмаршал, вы знаете некоего доктора по фамилии Бернгардт, Иоганнес Бернгардт?»

Геринг вскочил со своего стула и спросил чуть ли не с откровенной наглостью:

«А что вам известно о докторе Бернгардте?»
«Одну минутку, господин рейхсмаршал, — осадил я его. — Давайте договоримся о том, что вопросы буду задавать я, а вы на эти вопросы будете отвечать».

Геринг, который успел уже оправиться от неожиданности, нашел мой вопрос «ужасно занятным» и сказал, что да, действительно, он знаком с доктором Иоганнесом Бернгардтом. Это в высшей степени интеллигентный и знающий свое дело человек и, коль скоро идеи национал-социализма уже все равно выброшены на свалку, он, Геринг, мог бы очень доверительно сообщить американцам, что такого человека, как Иоганнес Бернгардт, надо поберечь, потому что он может оказать массу полезных услуг.

Я спросил, не тот ли это человек, этот д-р Бернгардт, который выступал в роли эmissара от Франко.

«Да, — ответил Геринг. — Он самый».

После этого он попросил у меня позволения задать несколько вопросов. Я позволил.

«Откуда вы знаете доктора Иоганнеса Бернгардта?» — был его первый вопрос.

Бернгардт, ответил я, знаком мне понаслышке, ибо это имя часто употреблялось в разговорах, и о нем не всегда говорили как только об «интеллигентном и знающем» человеке, но еще и как о человеке, который являлся доверенным лицом Германа Геринга. И у меня, продолжал я, сложилось впечатление, что этот Бернгардт зондировал экономические возможности Испании в рамках проводимого Герингом четырехлетнего плана. Ну и при этом, конечно, малость баловался шпионажем.

Геринг довольно хмыкнул и, слегка посмеявшись чему-то, спросил:

«А откуда вам известно, что доктор Бернгардт тот самый человек, которого Франко посылал ко мне и к Гитлеру за помощью?»

«Но ведь вы мне сами только что об этом сказали!» — ответил я.

Геринг долго не мог прийти в себя, когда понял, что его обвели вокруг пальца. Свое задетое самолюбие он и на этот раз попытался скрыть за нарочитой игривостью.

Конечно, Геринг не упускал ни малейшей возможности дать понять: во многом из того, что творилось в национал-социалистической Германии, он не виноват.

Например, он заявил, что был решительным противником операции «хрустальная ночь» — имеются в виду события 10 ноября 1938 года, когда в еврейских фирмах и магазинах Германии был учинен погром. Геринг заметил, что он не был таким ярким антисемитом, как Гитлер, и потом — как ответственный за выполнение четырехлетнего плана — понимал, что такая операция чревата большим ущербом для экономики Германии: в то время, мол, страна не могла себе позволить такой «роскоши», как еврейские погромы.

Геринг не сваливал всю вину исключительно на Гитлера. Он также не заявлял, что считает себя жертвой национал-социализма. Оправдываться таким способом означало бы сводить на нет собственное величие. К этому времени он понял, что судебный процесс над ним неизбежен, и поэтому начал к нему готовиться.

Но однажды, когда он — уже в который раз! — упомянул о каком-то своем предложении, которое Гитлер отверг, потерпев по этой причине фиаско, я заметил:

«По тому, как вы описываете мне свои разногласия с Гитлером, могло показаться, что вы считали вашего фюрера идиотом, но признать это открыто вам мешала либо ваша вежливость, либо лояльность, либо осторожность».

Геринг усмехнулся и сказал:

«Нет, это было не совсем так... (Вероятно, он хотел дать понять, что доля правды в моей догадке есть.) Из всех советников Гитлера, — продолжал он, — я был единственным, кто решался хоть в чем-нибудь возражать ему. Все остальные только получали от него приказы и должны были неукоснительно выполнять их. Я же, напротив, мог противопоставить ему свое мнение, и это, естественно, приводило к тому, что мы частенько спорили, а иногда дело доходило до крутых разговоров».

Позднее, на Нюрнбергском процессе, он говорил то же самое. Вероятно, в беседе со мной он лишь «брал на пробу» свою тактику. На Нюрнбергском процессе он, встав со скамьи, сказал примерно следующее:

«Так как я был единственным, кто мог возразить Гитлеру и поэтому в полной мере ответствен за свои действия, я бы хотел сделать следующее предложение: вы ведете судебный процесс над Герингом, а те, прочие, кто лишь получал и слепо выполнял приказы Гитлера, к этому процессу не должны иметь никакого касательства».

Эта его речь произвела тогда свое впечатление. Безусловно, вызывало сомнение, чтобы «те, прочие» были в восторге от предписанной им таким образом роли простых пешек, бездумных приспешников и безвольных марионеток. Но тем не менее Геринг и здесь сумел себя выпятить на первый план.

Его отношение к Гитлеру было, конечно, не таким упрощенным, каким он его обрисовывал: большую роль играло для него то, что он официально был объявлен преемником Гитлера, а после «воздушно-десантного» вожака Гесса в Англию — и его заместителем. На этом он со временем начал откровенно спекулировать.

Одним из мотивов, определявших отношение Геринга к Гитлеру, было, несомненно, чувство соперничества. Он во всем стремился перещеголять фюрера. Это носило часто характер гротеска. Так, если у Гитлера на его вилле в Оберзальцберге выходная панорама оконного стекла имела ширину в четыре метра, то Геринг проследил за тем, чтобы «его» панорама в Каринхалле была по ширине на полметра больше.

Геринг был плохим актером. Отсюда его ущемленное самолюбие, его пристрастие к немислимому костюму — кое от кого из допрашиваемых я слышал, что Геринг, принимая их в своем доме, восседал на диване, облачившись в римскую тогу, шнурованные сандалии из желтого сафьяна и поигрывая бриллиантами на толстых пальцах; в эти минуты он, вероятно, мнил себя Нероном или еще каким-нибудь римским кесарем.

За его действиями не чувствовалось состоятельности характера. На исполняемые им функции он смотрел как на средство артистической «самоподачи», как на сцену, где он мог бы себя показать.

По этой же причине он вел себя как образцовый пленный, которому публика — а публикой были мы — не отказывала в «аплодисментах», ибо из его сподвижников ему никто аплодировать не хотел. Находясь в безвыходном положении, он полагал, что и здесь его игра в величие продемонстрирует всем «величие» его характера.

Геринг отлично понимал, что без Гитлера с его национал-социализмом он бы не занимал ни одной из перечисленных должностей. Но как бы ловко он ни исполнял своих ролей, как бы ни пытался оттенить многогранность своего «я», какую бы популярность ни приобрел у толпы, он был обречен играть в рейхе вторые роли. И здесь ему не помогало ничто — и он знал об этом, — ни большая, чем у фюрера, ширина видовой панорамы, ни большой, в сравнении с имперской канцелярией фюрера, кубический объем рейхсмаршальского ведомства. Ибо для толпы, для рейха и для всего мира Гитлер был игрок номер один. И пока Гитлер был жив, здесь ничего нельзя было изменить.

Разница между ними была разительной. Если Гитлер был в известной степени сухопар, то Геринг был толст; если Гитлер был вегетарианцем, питающимся по строгой диете, то Геринг потреблял все без разбора; если Гитлер носил строгий, всегда один и тот же коричневого тона мундир с Железным крестом первой степени, то у Геринга была чуть ли не целая сотня мундиров и целая коллекция орденов, которые изготовлялись как внутри Германии, так и за ее пределами.

Последнее утверждение, правда, не абсолютно. Однажды Геринг сказал мне:

«А знаете, в Германии есть один орден, которого в моей коллекции нет...»

Я ответил, что не могу в это поверить.

«И тем не менее это так, — отозвался Геринг. — Существует Золотой крест, который, насколько мне известно, вручался один-единственный раз полковнику по фамилии Рудель. А я этой награды так и не был удостоен!..»

Если у Гитлера была только одна маска, то у Геринга их была множество.

Сам Гитлер тоже был никудашным актером. Прежде всего он делал то, чего актеры должны остерегаться: он верил тому, что говорил, даже когда знал, что все это ложь. Иное дело Геринг: этот знал, когда он лжет, и пытался сделать так, чтобы ложь выглядела складно.

О том, как Геринг мог изобразить сценически тот или иной эпизод, которому он был свидетелем, говорит рассказанный им мне казус.

«Однажды, помню, это было совсем рано утром, — так начал свой рассказ Геринг, — меня вызвали к Гитлеру на его виллу, в Оберзальцберг. Я не ожидал для себя ничего худого и заявился у него в несколько игривом расположении духа. В гостиной я увидел целую кучу офицеров высшего командования, и все они как будто воды в рот набрали — молчали, уставившись глазами в расстеленный на полу ковер. На мое приветствие почти никто из них не ответил. Тогда я спросил, а что, собственно, произошло, и тоже не

получил никакого ответа. И только когда я настоятельно начал допытываться ответа, кто-то сказал мне сквозь зубы:

«Гесс улетел в Англию».

Мне показалось, что я ослышался, и я начал выпрашивать дальше, но мне понадобилось время, чтобы наконец уяснить, что к чему, то есть что Гесс улетел в Англию, и никто не знает, где он сейчас находится.

После этого я сказал:

«Но ведь этого не может быть!..»

И теперь была уже моя очередь плюхнуться в кресло и любоваться фестонами на ковре. Время от времени кто-нибудь из нас вскакивал со своего места и, надсадно выкрикнув: «Но ведь этого не может быть!..» — раза два-три пересекал гостиную из угла в угол, после чего снова плюхался в кресло и опускал глаза долу, на цветастый ковер, и молчал, потому что было ясно, что это было так, хотя этого никак не могло быть.

Гесс, — продолжал Геринг, — был, должен вам заметить, человеком настырным. Когда ему втемяшивалась в голову какая-нибудь идея, его уже ничто не могло удерживать от задуманного, потому что время от времени ему начинало казаться, что он призван быть спасителем человечества, мессией, так сказать...

Надо объявить Гитлеру об этом немецкому народу? Как мы сообщим об этом немецкому народу?»

Гейбельс, который тоже был здесь, выдвинул предложение — оно, видно, было у него наготове:

«Надо объявить, что Гесс действовал в состоянии помешательства и уж, во всяком случае, не по поручению правительства».

От такого предложения Гитлер пришел в бешенство и набросился на Гейбельса:

«Если заместитель фюрера, второй человек в рейхе, действует в приступе помешательства, тогда что же немецкий народ должен думать обо всех остальных, обо всех вас?!»

После этого была предложена, наверное, добрая сотня вариантов — как бы все это «подать» немецкому народу в более или менее удобоваримом виде, но в конце концов все начали склоняться к предложению, сделанному Гейбельсом, — мол, заместитель фюрера был давно подвержен душевной болезни, что в конечном итоге привело к кризису, в состоянии которого он и совершил этот поступок».

Приведенная выше история, рассказанная Герингом, была подана пластично, с красочными характеристиками всех участников этой сцены. Роль каждого была четко выписана, и мне даже показалось, что я пережил одну из сцен в трагикомедии «третьего рейха».

...Геринг любил театр и подчас забывался настолько, что облачался в личину своего любимого актера Грюндгенса; и когда, сидя в театре, он аплодировал в конце акта или в конце представления, он аплодировал не расшаркивающемуся на сцене Грюндгенсу, а, на поверку, самому себе.

Когда война начала явственно клониться к закату, Геринг принялся учить роль, которая, как ему казалось, могла принести ему исполнение всех его планов и желаний. Показалось, что его час пробил. То, что этот час так и не пробил, и то, что Гитлер, уже отходя в мир иной, сыграл с ним прямо-таки «предательскую шутку», составляло здесь, в Мондорфе, предмет постоянных жалоб Геринга перед своими слушателями — американскими следователями.

Пришли времена, когда всем стало ясно, что поражение Германии неотвратимо. Всем стало ясно также, что Гитлер не сможет подписать акт о капитуляции: союзные державы признали бы этот акт недействительным, и Гитлер это знал. Еще за две недели до своей смерти он заявил, что останется в Берлине и в Берлине умрет. Акт о капитуляции пусть подписывает Геринг, он, мол, специалист по делам такого рода, и, кроме того, уже вообще не имеет никакого значения, кто и на каких условиях этот акт о капитуляции станет подписывать.

В то время, как Гитлер, замуровавшись в бункере имперской канцелярии, отрезанный от мира в осажденном Берлине, все еще отдавал приказания войскам, которые существовали только на бумаге, и продолжал думать, что он все еще повелевает Германией, Геринг пребывал в горячем бреду ожидания того дня, когда ему будет передана вся власть в рейхе. После этого он, в ореоле полновластия, хотел, предварительно облачившись в самый великолепный из своих мундиров, нацепив на него все свои ордена и взяв в руки маршалский жезл, предстать перед главнокомандующими союзных войск и заявить:

«Я капитулирую от имени народа Германии!»

Однако Гитлер не хотел ни исчезать как фигура, ни умирать. Время шло, войска противника приближались, шансы Геринга уменьшались с каждым часом, и терпению рейхсмаршала пришел конец.

23 апреля 1945 года Геринг направляет Гитлеру телеграмму следующего содержания:

«Мой фюрер! Ввиду вашего решения остаться в Берлине, согласны ли вы с тем, чтобы я немедленно взял на себя в качестве вашего преемника на основе закона от 29 июня 1941 года общее руководство рейхом с полной свободой действий внутри страны и за рубежом? Если я не получу ответа до 10 часов вечера, я буду считать это подтверждением отсутствия у вас свободы действий и что условия, требуемые в вашем указе, имеют место, и буду действовать во имя блага нашей страны и нашего народа. Вы знаете, что я чувствую по отношению к вам в этот суровейший час моей жизни. Я не имею возможности выразить это словами. Может быть, бог защитит вас и быстро доставит сюда, несмотря ни на что. Преданный вам Геринг».

Геринг полагал, что телеграмма возымеет свое должное действие. В конце концов он дал понять Гитлеру необходимость покинуть Берлин, намекая на то, что столица окружена. Упоминание о необходимости передать власть сформулировано таким образом, что нельзя не заметить соболезнования к судьбе фюрера. А сама готовность к подписанию акта капитуляции читается лишь между строк. Оперативный ответ затребован в силу необходимости — из-за спешности решения вопроса. Какие-либо иные, явно обозначенные намерения в тексте не присутствуют.

Как бы то ни было, ответ на эту телеграмму пришел раньше, нежели Геринг мог этого ожидать. Он был направлен не только Герингу, но и командующему войсками СС в Оберзальцберге и содержал приказ, согласно которому рейхсмаршал Герман Вильгельм Геринг, обвиняемый в измене фатерланду, приговаривается к смерти; приговор следовало привести в исполнение незамедлительно.

Возможно, Герингу «изменила память», а возможно, он специально хотел драматизировать передо мной события тех дней. Ибо если Гитлер, предположим, отдал приказ о его уничтожении, то ведь в этом случае Геринга можно рассматривать в известном смысле как «жертву» национал-социализма...

Сокрушительным и в буквальном смысле слова уничтожающим ударом для Геринга было переданное 30 апреля по радио известие о том, что Гитлер, покончив с собой, перед смертью назначил своим преемником гросс-адмирала Деница.

Геринг утверждал, что это указание не могло идти просто от Гитлера. Уже сама текстология завещания говорила о том, что его сформулировал не кто иной, как Борман, и, кроме того, завещание было обнародовано после смерти фюрера, когда тот уже ничего не мог сказать.

В этом послании, уподобленном политическому завещанию, Гитлер отозвал свой закон о преемственности полномочий и видоизменил его, а это, заявил Геринг, само по себе незаконно по той самой причине, что «это не может быть, потому что этого быть не должно». Если у Гитлера был свой узаконенный им самим преемник, то любое другое предложение по кандидатуре было неправомочным и поэтому несостоятельным...

Народ поверженной в прах Германии пытался выкарабкаться из тупика разрухи и убожества. Поэтому в препирательстве по вопросу о верховодстве было нечто от какой-то мистерии, но вместе с тем это было показательным для финала этого чудовищного режима.

Возвращаясь к разговору о Геринге... Как он и предполагал, его ожидала смертная казнь через повешение. Этой смерти ему удалось избежать — за три часа до казни он покончил с собой, и эксперты все еще до сих пор бьются над загадкой — каким же способом Герингу удалось достать яд, которым он отравился. Я лично думаю, что он попросту «очаровал» кого-то, кому показалось, что такой «любезный человек» никак не мог быть таким чудовищем...

Если бы Геринг не был главнокомандующим люфтваффе, рейхсмаршалом и прочая и прочая, он был бы заурядным кривлякой из дешевого балагана — как по своему поведению, так и по стилю жизни. Ему нужны были мишурный блеск и побольше шумихи. Впрочем, он был еще и мастером по закулисным играм. И еще ему нужен был кто-нибудь, кто рефлектировал бы на него свое собственное световое пятно.

Несколько слов о его партнере по игре, о партнере по имени Адольф Гитлер.

По тем рассказам, которые я услышал от Геринга, а также по документам его сподвижников, это был человек, который обладал «неимоверной силой внушения».

Еще в то время, когда Гитлер был жив, я спросил одного моего доброго знакомого, по профессии кино-

режиссера, — на какую роль мог бы претендовать Гитлер.

«Конечно, не на роль диктатора, — ответил мне мой знакомый. — На эту роль он попросту не тянет. В известном фильме Чарли Чаплина «Диктатор» можно найти одну-две сцены, пародирующие Гитлера как диктатора, все остальные сами по себе смешные и очень удачные сцены пародируют действия парикмахера, похожего по внешности на диктатора».

На какие-нибудь другие «видные» роли Гитлер тоже не годился никак. И вдруг мой приятель радостно объявил:

«Все, теперь я знаю, на какую роль его поставить... Он незаменимый тип для брачного афериста, у которого претензия на гонорар не превышает пятисот марок. Да, именно не выше пятисот марок. Потому что после этой суммы идут другие титлажи».

Для роли дешевого брачного афериста у Гитлера есть все, — продолжал мой знакомый. — Маленькие, холеные усики, из-за которых он делается записным идиолом у служанок и белешвеек, челка с намеком на богемную, четко расчесанный пробор на правой стороне, взгляд — упрямый и нахальный, производящий впечатление мужественности.

Своим жертвам он никогда не произносит слова любви. Но зато обещает жениться. Требуется от них денег. До нежностей он не снисходит. Но его жертвы ужасно в него влюблены. Они считают его очаровательной. Они только и делают, что думают о нем.

Но вот настает момент, когда его жертва должна отдать ему свои деньги, и тут у нее вырывается:

— Но Адольф, Адольф!.. Ведь правда, Адольф, — ты ведь меня ни за что, ни за что не обманешь?..

У Адольфа раздуваются ноздри, и голосом, прерывающимся от благородного негодования, он кричит фистулой:

— Ты мне не веришь?!

Бедная жертва всплескивает руками и в мгновение раскаяния восклицает:

— Верю, о, верю, Адольф, я так верю тебе! И буду верить тебе всю свою жизнь!

После этого она отдает ему его пятьсот марок. На следующий день он исчезает. Обманутая девица бросается в слезы и при этом вспоминает про обещание жениться и еще про какие-то пятьсот марок...

Когда речь заходила о том, чтобы уничтожить, топить в крови множество людей, рас, народов и даже весь мир, фантазия Гитлера не знала границ. Громкие, устрашающие фразы типа: «Если должен погибнуть я, пусть вместе со мной погибает весь мир!» или: «Если народ Германии проиграет эту войну, это значит, что он оказался недостойным меня!» — такие фразы доказывали, что ему не было никакого дела ни до народа Германии, ни до всего мира — коль скоро Германия и мир не были в состоянии соответствовать его «победному началу». Если бы ему — мысль сама по себе ужасная! — дать в руки атомную бомбу, он за минуту до собственной смерти уничтожил бы человечество.

Он был ничтожен. Негодяй, который за динамикой действий хотел скрыть собственное невежество.

Разговоры, которые ходили о нем, не свидетельствовали о каком-то серьезном уме. Особенно словоохотливым он становился тогда, когда принимался обрисовывать способы уничтожения отдельных людей или людских масс независимо от того, шла ли речь о других народах, других расах или о народе Германии. Например, один из военных руководителей обратил внимание Гитлера на то, что бомбоубежища в стране рассчитаны лишь на один, самое большее, на два процента населения и может случиться, что народ когда-нибудь возмутится или, хуже того, поднимет восстание. Гитлер хладнокровно ответил на это:

«Тогда я подниму дивизию СС и прикажу расстрелять всю эту банду».

О немцах он и в самом деле был весьма невысокого мнения, особенно после того, как они начали проигрывать «его» войну.

Как и все прочие, он тоже был посредственностью. Но те качества, которые составляют суть посредственности, были раздуты в нем до гигантских размеров и огрублены.

Он был «гением» посредственности.

Национал-социализм как идея ни на один день не пережил своего правительства. В связи с этим, казалось бы, можно понять утверждения «коричневых негодяев» о том, что, по сути, они в общем-то и не были нацистами: национал-социализм как идея потерял для них всякий смысл, и они даже не могли дать определенного ответа на вопрос, что же их, собственно, в национал-социализме привлекало. Ну разве что блеск этой поначалу столь затейливо организованной суеты празднеств и парадов...

СМЕРЖЕВСКАЯ ПРОЗА

Калдарбек НАЙМАНБАЕВ

РАССКАЗ

Урия робко переступила через незнакомый порог. Сердце заколотилось вдруг так сильно и больно, словно она долго бежала по горячей полуденной степи. Мелькнула мысль: «Зачем я здесь?! Что я делаю?!» Мучительно захотелось закрыть лицо руками, броситься вон, но Урия поняла, что уже не сможет сделать этого.

С тихим стуком захлопнулась позади дверь. Она вздрогнула и испуганно вскинула глаза.

Нуржан стоял совсем рядом — красивый, сильный. И все вокруг наполнилось золотистым светом — тихим, теплым и ясным.

...Они сидели за столом, пили чай и, чтобы скрыть смущение, говорили без умолку о каких-то пустяках.

Урия, робко, смотрела в лицо Нуржана, ловила каждый его взгляд. Сердце ее переполнялось нежностью к этому, еще вчера просто знакомому человеку. Да, она давно любила Нуржана, но сегодня жизнь словно навсегда разделилась на то, что было вчера и что будет завтра.

Урии вдруг захотелось, чтобы никчемный, легкий разговор их прекратился, и тогда бы она рассказала Нуржану, поделилась бы с ним тем, о чем давно думала.

Она бы сказала: «Милый ты мой, разве это не удивительно, разве это не счастье, что мы встретились с тобой..?!» Или: «Если бы не встретила тебя, то просто не представляю, как бы жила на свете!.. Ведь я никогда и ни на кого бы не посмотрела... Вот, ты сидишь рядом, и я счастливая... Такая счастливая, что и слов не хватает, чтобы рассказать...»

Урии хочется, очень хочется обо всем этом говорить, но она околдована своим счастьем и не может пересилить себя.

И вдруг Нуржан словно угадал ее мысли. Он бережно коснулся рукой плеча Урии.

— Ты знаешь, — сказал он, — у меня такое чувство, что мой дом впервые по-настоящему стал моим домом. Ты пришла — и сделалось светло и просторно...

Лицо Урии залила краска смущения. Но вместо того, чтобы ответить на его порыв тем, о чем только что думала, она сказала:

— Ты, наверное, смеешься?

— Я?! Над тобой?! Ты, что, серьезно?!

— Не знаю.

Урия думала об одном, а язык выговаривал совсем другие, будто и не ее слова. Нуржан растерянно пожал плечами.

— Ну, люди! Говоришь правду — не верят.

— Почему? — преодолевая себя, горячо возразила Урия. — Похвала, теплое слово всегда приятны... И все же...

— Ты хочешь сказать — всему свое время?

— Нет, — серьезно возразила она. — Твои слова — очень добрые слова... Я очень люблю тебя. Так давай жить так, чтобы нам не пришлось раскисаться. Это самая большая моя просьба...

Нуржан хитро прищурился и сказал:

— Ну, разве так бывает, чтобы в доме ни разу не загремели посудой?

— Не шути так, — тихо попросила Урия.

— Нет, — настаивал Нуржан, — разве семья без звона посуды — семья?

— Я вот сейчас встану и иду.

Урия заплакала. Она понимала, — сама виновата, что разговор пошел не по тому руслу, но теперь уже ничего нельзя было поправить.

— Плохо же у тебя обстоит дело с шуткой. — Нуржан засмеялся, пытаясь сгладить неловкость.

— Ты уже взяла свадебное платье в ателье?

Размазывая по щекам ладошкой слезы и все еще продолжая сердиться, она сказала:

— Сам же говорил, что пойдем вместе.

— Тогда пошли.

Нуржан обрадованно засуетился вокруг стола, неловко пытаясь убрать посуду... Через несколько дней они отгуляли свадьбу.

Урия открыла глаза и зажмурилась — большое солнце смотрело в большое окно, заливая комнату радостным светом утра.

— Где я? Что со мной? — мелькнула тревожная мысль. Она торопливо вскочила с постели и оглянулась вокруг. На кровати спал Нуржан.

Урия подошла к окну и распахнула его. В комнату хлынул прохладный, еще не согретый солнцем воздух. По телу прошел легкий озноб. Урия ощутила необыкновенную легкость, а душу наполнило чувство восторга. «Хорошо-то как!» — прошептала она.

Урия посмотрела на улицу, и ей вдруг показалось, что мир со вчерашнего дня изменился — выросли за ночь тополя, стали выше и стройнее, а вода в арыках с вечера еще сделалась прозрачной и тихой.

Она пошла на кухню, поставила на плиту чайник. Из раскрытого окна донесся до нее протяжный женский голос:

— Мо-ло-ко-о-о...

Быстро одевшись, прихватив большую миску, Урия поспешила на улицу.

Возле тележки молочницы уже толпились женщины, и Урия встала в конце очереди. Она чувствовала — соседи внимательно рассматривают ее. Само по себе это было неприятно, но особенно не нравился взгляд темных пронзительных глаз высокой костлявой старушки с большим крючковатым носом.

Когда подошла ее очередь, молочница, ловко орудуя черпаком на длинной ручке, ласково сказала:

— Заждалась, девочка? Я сейчас, быстро... Если в следующий раз не сможешь выйти — не беспокойся, я сама занесу.

— Спасибо, ала¹. Я постараюсь сама...

— Если еще не обзавелись посудой, то приходи ко мне, в восемнадцатую квартиру. Выручу. Не стесняйся.

Только сейчас Урия вдруг поняла, что старушка смотрит не на нее, а на неудобную для молока миску в ее руках.

— Спасибо.

Поднимаясь на свой этаж, Урия с благодарностью вспомнила женщин из соседних квартир. Они были добрыми и готовы были во всем помочь ей. Хотелось и самой быть доброй и сделать для них что-нибудь приятное. Надо было бы по обычаю, как заведено в их ауле, пригласить соседок на чай. Урия пожалела, что эта мысль пришла к ней поздно.

Дома Урия сразу же занялась завтраком. Вскипятила молоко, расстелила на столе новую белоснежную скатерть, достала посуду. Друзья надарили ей и Нуржану много красивых и нужных в хозяйстве вещей: расписные чайные чашки и пиалы, ложки — большие и маленькие, вилки... Все сверкало новизной, свежестью, и смотреть на подарки было интересно и радостно. С нежностью подумала Урия о тех, кто пришел на их свадьбу: «Сколько хороших людей разделили нашу радость! И добрых слов сколько было сказано! Какие же мы с Нуржаном счастливые!»

Нуржан проснулся в полдень.

— Ну и заспался же я.

— И чай давно готов, и молоко вскипятила...

Лицо Урии лучилось радостью. Настороженность Нуржана сразу исчезла.

— Как же ты все успела?

Нуржан оделся, умылся и сел за стол. Ел он много, с аппетитом, и Урии было приятно видеть это.

— А ты сама почему не ешь?

Урия махнула рукой:

— Ешь, ешь. Я успею.

После завтрака она собрала и помыла посуду. Хотелось двигаться по квартире, что-то делать, переставлять, но Нуржан обнял ее и усадил на диван.

— Пока ты спал, — сказала Урия, — я кое с кем успела познакомиться.

Нуржан насторожился.

— Ну-ка, расскажи.

— Из соседней квартиры. И еще...

Он нетерпеливо перебил ее:

— Знакомства заводишь? С мужчинами?

— Да ты что? — в отчаянии сказала Урия. — Я говорю о соседке из восемнадцатой квартиры...

— А-а-а. Так ты о старушке? Тоже мне... — досадливо сказал Нуржан. — А я то подумал, что не успела ты порог переступить...

— Не говори мне больше такого. Никогда! — попросила Урия.

Заметив, что лицо жены словно потухло, он сказал:

— Пошутил я, а ты все всерьез приняла.

— Не хочу, чтобы ты так шутил.

Нуржан казался, что Урия должна понять его и простить. «Зачем он это говорит? — думала Урия. — Или жалеет, что кончилась его вольная жизнь? Три года мы дружили, и, кроме меня, ему никто не был нужен. Теперь получается, что я виновата...»

Чутье женщины подсказывало: «Остановись! Преврати все в шутку! Здесь что-то не так!» Но обида была сильнее. И закусив губу, Урия упорно молчала.

Раскаленное добела солнце палило нещадно. Была середина лета, а деревья стояли, словно смертельно усталые путники. Много дней подряд ветер не шевелил их ветви, и листья на них, похожие на детские ладошки, поникли и съжились.

После обеда дежурный врач роддома позвонил Нуржану.

Женщина сказала всего три слова: «Урия родила сына».

Нуржан узнал голос врача. Это была давняя подруга жены.

Посмотрев в окно на умирающие от зноя деревья, Нуржан пробормотал:

— Проклятая жара! Так и стореть недолго...

И вдруг он словно проснулся. До него наконец дошло — родился сын. Его сын.

— Интересно, на кого же он похож? — вслух спросил себя Нуржан. И так же вслух ответил сам себе:

— Раз сын, значит, на меня.

Ему стало весело, и он громко засмеялся.

Нуржан еще долго сидел в кабинете, переключаясь с места на место бумаги, потом набрал номер телефона роддома. Трубку подняла та же самая врач, подруга Урии.

— Значит, все еще сидишь? — с издевкой сказала она. — Машина есть — мог бы давно быть у нас... Удивляюсь твоей выдержке. А ведь тебя здесь ждет сын, в четверть пуда весом.

— Поговорим лучше о другом. С меня подарок.

— Успеем еще. Ты лучше скорее приезжай.

— Как там? Все нормально?

— Ты бы меньше болтал... Приезжай и все узнаешь.

— Ну, и характер же у тебя! — рассердился Нуржан. — Не завидую тому джигиту, который станет твоим мужем.

— Не переживай за меня.

Нуржан приехал не один. Шумная компания ввалилась в вестибюль, наполнила корзину для передач шампанским, конфетами, фруктами, цветами. Нуржан написал записку.

Нянечка с корзиной ушла. Томительно тянулись минуты. Все поздравления Нуржану друзья уже сделали, и ему было неловко заставлять их вместе с ним ждать ответа. Это было как-то не по-мужски, тем более что дежурная сказала, что Урия и ребенок чувствуют себя хорошо.

Нуржан не выдержал ожидания. С напускной бесшабашностью он сказал:

— Ну что, ребята, не пора ли нам идти? Не годится мужчинам стоять под дверью. Тем более что все хорошо. Теперь не грех и обмыть такое событие.

Весело галдя, компания мужчин вывалила на улицу.

Когда нянечка принесла корзину в палату, Урия первым делом потянулась к записке. А когда прочитала, засмеялась, прижала к груди. «Вот смешной, — подумала она. — Зачем говорить мне спасибо? Сын-то наш».

¹ Ала — уважительное обращение к пожилой женщине.

Рисунок Виктора Былинкина

Вошла подруга, глянула на счастливое лицо Урии.
 — Чему это ты так обрадовалась?
 — Прочитала записку от Нуржана.— Урия заглядывала в глаза подруги, искала поддержку своей радости.
 — Интересно, что он написал? Дай-ка я прочту.
 — Пишет: «Спасибо».
 — И всего-то?
 — Говорит: «Ты у меня сильная».
 — Хорошо пишет.— рассердилась подруга.— А подождать не смог. Уже ушел. Хоть бы у меня, близкого вам человека, спросил, что и как. Я бы этих мужиков...
 — Не ругай ты его.— попросила Урия.— Ну в чем он перед тобой виноват? Радость у него.
 — Ох, и распустила ты его,— перебила подруга.
 — Он же не один был, с товарищами.
 — Прощай ему все, прощай. Еще не то будет.
 Урия промолчала. Подруга говорила полшутя, нарочито грубовато, но глаза ее были серьезными, и это пугало Урию. «Все они такие, засидевшиеся в девках,— подумала она.— Откуда ей знать, что такое семья?»
 — Ладно,— миролюбиво сказала Урия,— не будем осуждать мужчин. У них многое по-другому. Давай-ка попробуем гостинцев.
 — Не знаю,— ворчала подруга.— Если мне попадет такой муж, как Нуржан, едва ли я с ним уживусь.
 — Ну что ты прицепилась?
 — Характер у него — не дай бог.
 — Вот когда найдешь своего, попробуй сделать все по-другому.
 — А-а-а! Ты снова со старой песней?!
 Урия перешла в наступление:
 — Сколько ты выбирать будешь? То глаза тебе не нравятся, то слова не те говорит...
 — А я, как вы, не могу. Устроили себе жизнь! Втихомолку плачут, а на людях в счастье и согласие играют.
 Урия устало откинулась на подушку.
 — Я сегодня матерью стала. Радость у меня. Разве может быть счастье выше?
 — Это быт.
 — Так ведь с быта все и начинается.
 — Не-ет. Чем так замужем быть, я лучше лет до сорока в крестных похожу.
 — Крестная — это хорошо. Но за тобой и долг материнства,— возразила Урия.
 — И чего это ты меня сегодня поучать взялась, будто сто лет на земле прожила?
 — Кто скажет тебе правду, если не я?
 — Ладно, лежи. Я пошла. Дела меня ждут.
 — Всегда ты так. Выбираешь, что полегче.
 — Все трудности отдаю тебе. Ты с ними и расправляйся.
 Поздно вечером, когда подруга снова заглянула в палату, Урия попросила:
 — Позвони домой.
 — Это зачем?
 — Соскучилась.
 — Неужели правда?
 — А что?
 Подружка вздохнула.

— Знает он об этом, потому и поступает так, как ему заблагорассудится.
 — Брось ты. Позвони лучше.
 — А я уже звонила. Не вытерпела. Возмутительно все-таки он поступил сегодня...— Подруга отвела глаза.— Никто не взял трубку, не ответил...
 — А-а-а,— спокойно сказала Урия,— значит, еще не вернулся. Значит, еще с друзьями.
 Вскоре Урия вышла на работу. Маленького Айдына, несмотря на все протесты, решила забрать к себе бабушка, приехавшая из аула.
 Бабушка сказала:
 — Знаю, молодые сейчас поступают по-своему. Но ведь вам будет с ребенком трудно — оба работаете. Знаю, сейчас отдают детей в ясли. Там хорошо. И все-таки... Жалко вам его мне отдавать? Вижу. А сколько лет я этого дня ждала. Пусть уж у меня побудет немного. Вырастет крепеньким и здоровым и вас не забудет, не бойтесь.
 Отрывать от себя Айдына было мучительно больно, но и Урия и Нуржан понимали, как трудно им будет с малышом в городе.
 В первые дни Урия не находила себе места. Она уже привыкла, сжилась с этим крохотным беспомощным существом. Его улыбка стояла перед глазами. Временами ей казалось, что она слышит плач Айдына. Урия вздрагивала — настолько реальным был его голос.
 Тоска по сыну изводила ее, и в такие минуты ей хотелось, чтобы Нуржан, как прежде, приласкал ее.
 — Почему у нас все не так, как раньше? Скажи честно — я тебе надоела? — спросила однажды Урия.
 — Ты скажешь... — растерялся Нуржан.
 — Да, да... Ты перестал танцевать со мной, когда мы бываем у друзей.
 — Но мы уже давно не молодожены.
 — Ну и пусть.
 — Ты должна меня понимать...
 Бабушка только через два года привезла Айдына в город.
 — Жалко мне малыша, а вас еще больше. Одиноко вам в пустой квартире. С ребенком совсем другая жизнь... — сказала старая женщина. — Только не избалуйте его.
 Урия, счастливая оттого, что сын снова рядом с ней, кивала головой.
 — Дети — это радость. Без них и солнце вроде не греет. — Бабушка лукаво посмотрела на Нуржана. — Плохо Айдынжану будет одному...
 Нуржан понял намек, сказал смущенно:
 — Как-то так все вышло...
 — Ладно, ладно, — перебила старая женщина, — все еще впереди. Вы молоды. Даст бог, и внук не останется один и у меня снова будет о ком заботиться...
 Лицо Урии залила краска смущения.
 Айдын привязался к отцу так быстро, словно и не было долгой разлуки. Урии порой казалось, что такими дружными и неразлучными они были всегда. И ее любил сын, но это была совсем другая любовь. Он принимал ее ласки, ее заботы — и только. С отцом же Айдын дружил.
 Стоило Нуржану задержаться, и сын не ложился спать. Он тер маленькими кулачками слипающиеся глазенки и прислушивался к каждому звуку за дверью. Айдын узнавал шаги Нуржана, как только тот входил в подъезд, и каким-то удивительным, непонятным для взрослых способом мог угадать настроение отца.
 — Открой мне секрет. — лукаво спросила Урия. — И я хочу все про папу знать.
 — Нельзя, — серьезно отвечал сын. — Это секрет мой и папин. Мы мужчины.

— Мужчина ты мой, мужчина! — смеялась Урия.
В год, когда Айдыну исполнилось пять лет, Нуржан получил новую трехкомнатную квартиру. Во время переезда Урия обратила внимание, что квартиры на их площадке заселили молодые семьи. Она с радостью подумала, что это очень хорошо — будет хоть с кем перемолвиться словечком.

Как только утихла суета и хлопоты новоселья, наступила пора ерулика — старого как мир обычая. Соседи стали приглашать друг друга на званые обеды, чтобы познакомиться, а может, и подружиться.

Одну из соседок, веселую, легкую женщину, звали Асем. Муж ее Жомарт был старше Асем, смотрелся солидно, держался манерно, в разговоре старался показать свою незаурядность и оригинальность. И все-таки, как показалось Урии, слова его были какими-то неясными, иногда трудно было понять, за он или против того, о чем говорит.

У второй соседки, Балайым, муж был противоположностью Жомарту. В первый же вечер он очаровал всех своим весельем. Пил он много, с явным удовольствием, не привередничая, не ломаясь, но головы не терял, а только становился еще веселее.

У Асем детей не было, зато у Балайым было двое, и оба — мальчишки, шумные веселые, как и их отец.

— Хорошие попались нам соседи, — сказала однажды Урия мужу.
— Выходит, мы плохие, — отчего-то раздраженно отозвался вдруг Нуржан.
— Почему? — недоуменно спросила Урия.
— Но мы-то не похожи на них.
— Ну и что? Что в этом плохого?
— Ничего. Есть в этих семьях что-то такое, — Нуржан выразительно щелкнул пальцами, — что мне не нравится. Слово тень за ними какая-то ходит...
— Какая тень? — Урия, недоумевая, смотрела на мужа.
— Внешне живут хорошо, благополучно, а что и как на самом деле — не угадаешь, не рассмотришь.

— Всегда ты что-нибудь придумываешь...
— Не придумываю я. Мне так кажется.
— Сказал бы просто, что соседи не нравятся.
— При чем тут нравятся, не нравятся. Впечатление такое остается...
— Раньше ты никогда не отзывался так о знакомых тебе людях.

Нуржан досадливо поморщился. Он не любил, когда жена возражала ему или не соглашалась с ним.

— Хорошо, хорошо! Я больше не буду ни о чем говорить...
Они замолчали. Обоим сделалось вдруг неуютно, и разговор этот словно отодвинул их друг от друга.

Однажды Урия открыла вечернюю газету и замерла от неожиданности. Со второй страницы смотрел на нее Нуржан. Ему посвящался большой очерк.

Волнуясь, на одном дыхании, прочитала его Урия. Заканчивался очерк словами: «Какая, должно быть, счастливая жена у этого красивого душой, щедрого сердцем человека!»

Урия долго не могла прийти в себя. Ее переполнила радость. Хотелось разделить эту радость с кем-нибудь, и она побежала к соседям.

Вернувшись, торопливо прибралась в квартире, сбегала в магазин и все думала и думала о Нуржане. Растаяли под лучами радости все обиды на мужа. И казалось, нет на целом свете лучшего человека, чем он. Чуть-чуть было обидно, что Нуржан ничего не рассказывал ей о своей работе. Ну, да ладно. Такой уж, видимо, у него характер. Сегодня его день, и он должен быть праздником.

А вечером пришли гости — Асем и Балайым с мужьями.
— Ну-ка, покажи-ка еще газету, — попросила Асем.
— Нет! Вы на папин портрет посмотрите! — кричал Айдын, вертясь между взрослыми. — Какой он у меня красивый!

Асем вслух прочитала очерк.
Урия, занимаясь делами на кухне, беспрестанно выглядывала в окно. Нуржан явно опаздывал. Айдын поминутно выскакивал на кухню и нетерпеливо спрашивал:

— Ну где же папа?
— Совсем потерялся наш инженер! — подшучивала Асем.
— Придет. Скоро придет — говорила Урия, а на сердце было неспокойно, и тревога все сильнее овладевала ею. И уже не столько соседей, сколько себя успокаивала Урия. — Директор у них в отпуске. Нуржан сейчас и за него и за себя. Дело, наверное, появилось какое-то срочное.
— Задержаться всегда найдется повод, — с усмешкой сказала Асем.

Урия смутилась совсем.
— Не было за ним привычки к поводам.
Время шло, а Нуржана все не было. Урия пригласила гостей к столу. Радость потухала, и все чувствовали себя неловко. Раскапризничались малыши Балайым, и гости засобирались домой.

— Вы уж извините, — сказала Урия. — Никогда он так не задерживался. Видимо, все-таки что-то срочное.

— Нет, ты так не отделеаешься, — стараясь хоть как-то помочь Урии, говорила Асем. — Завтра мы снова придем поздравлять твоего инженера.

— Да какой может быть разговор. Мы обязательно соберемся.
А муж Балайым Абдибек, рассматривая Урию так, словно видел впервые, сказал с завистью:

— И где это люди находят таких красавиц, как ты?
Он играл, этот добрый, веселый человек, играл, чтобы Урии было легче скрыть растерянность и смущение. Она ответила ему в тон:

— А уж об этом ты у Нуржана спроси.
— Придет Нуржан, так ты на него не очень-то шуми из-за нас, — сочувственно сказала Балайым.

Урия закрыла за гостями дверь и бессильно привалилась к косяку. Было горько, обидно и хотелось плакать. Она пересилила себя — убрала со стола, перемыла посуду. Время перевалило за полночь, а Нуржана все не было.

Зазвонил звонок, и Урия вздрогнула от неожиданности.
— Папа, папочка пришел! — кричал Айдын, выскакивая из своей комнаты.

Нуржан едва стоял на ногах. Голова его тяжело падала на грудь, а руки все время пытались что-то нащупать, схватить в воздухе. Он наконец отыскал худенькое плечо сына.

— Засиделись... мы... с одним товарищем...
Глаза Айдына тревожно смотрели в лицо отца.
— А мы тебя так ждали... Гости приходили...
— Угу.
— Покажи папе газету, — тихо сказала Урия и ушла на кухню.
— А-а-а. Вы уже видели... Смотри, какой папа красивый... А мама все время ругает его... — Нуржан искал глазами Урию, и было непонятно, то ли он хотел попросить прощения, то ли поругаться...

В эту ночь Урия так и не заснула. В голову лезли мысли одна страшнее другой. Предчувствия, подозрения — все смешалось. Болело сердце.

Утром она ни о чем не спросила и ни о чем не напоминала Нуржану. Да и что было говорить? Взрослые люди должны понимать друг друга без слов. Вчера в семье мог быть праздник, но он не вошел в дверь их квартиры.

В этот день Урия должна была пойти на работу после обеда. Как только за Нуржаном закрылась дверь, пришла Асем, веселая, возбужденная.

— Пойдем ко мне чай пить, — сказала она.
— Спасибо. Я только что позавтракала.
Глаза Асем загадочно блеснули.

— Пойдем, не пожалеешь.
Урии никуда не хотелось идти, но и отказывать было неловко.

Асем отперла дверь и пропустила Урию вперед. Та переступила порог и в растерянности остановилась. В комнате за столом сидели двое незнакомых мужчин, курили и о чем-то негромко разговаривали.

— Проходите, проходите. Заждались мы вас... — сказал весело один из них — плотный, широкий в плечах, вставая со своего места.
С трудом справляясь с растерянностью, Урия неуверенно поздоровалась.

— Ну вот, — весело затараторила Асем, — все мы теперь в сборе. Можно приниматься за бастангы¹.
Урия застыла в нерешительности, но Асем торопливо схватила ее за руку, потянула на кухню.

— Ты что это? Ты что? — голос ее вздрагивал.
— Что за бастангы и что это за люди?
Урия в упор смотрела на соседку.

— Знакомые просто. Зашли в гости.
— Гости с утра?!
В глазах Асем Урия увидела тоску, но так было только миг, потом ее сменило бесшабашное, отчаянное выражение.

— Глупая ты, глупая! Да какая разница, с утра или вечером! Тебе-то что? Стол накрыт. Повеселимся, а?
Урия покачала головой.

— Нет.
Она ушла домой и долго не могла забыть Асем, ее глаза. На душе было тревожно, но почему-то все мысли о том, что соседка поступает плохо, были вялыми. Ни оправдывать, ни осуждать ее не хотелось. Было все равно.

Однажды утром Нуржан сказал:
— Завтра, наверное, придется ехать в командировку. Приготовь все, что нужно.
— Далеко?

— В новый район, за Аккентом. Весна на носу. Помощь механизаторам нужна. Поедем группой.

— Надолго?
— Не знаю. Может, неделю, может, две пробудем.
— Жалко...

— А что случилось?
— Думала в субботу или в воскресенье сходить с тобой на концерт. Может, сегодня сходим?

Нуржан наморщил лоб, пытаясь понять или вспомнить, о чем говорит жена.
— Ленинградская эстрада приехала...

— Ну разве я против?
Урия обрадовалась.
— Я постараюсь достать билеты. Только ты не задерживайся, ладно?
— Обещаю.

...После обеда, возвратясь из больницы с дежурства, Урия сходила в магазин, собрала все, что нужно было в дорогу Нуржану, причесалась, долго выбирала и примеривала платье. Редко удавалось вот так уговорить Нуржана куда-нибудь выйти.

Уже должен был вернуться Нуржан, а его все не было. Урия посмотрела на часы — до начала концерта оставалось десять минут, и она поняла, что затея ее провалилась. Пересилив себя, Урия сходила к Балайым, забрала оставленного там Айдына, а когда вернулась, плотно заперла дверь, зашла на кухню и вдруг, уронив голову на руки, заплакала.

Айдын удивленно, ничего не понимая, смотрел на мать.
А потом был одинокий, тоскливый и длинный вечер. От первого до последнего дня вспомнила Урия свою жизнь с Нуржаном. И уже перед самым сном настала удивительная успокоенность.

Пришел из своей комнаты Айдын, спросил тихо:
— Мама, ты спишь?

Урия затаила дыхание, не ответила.
— Не спишь ведь... Тебя папа обидел?
И снова Урия ничего не ответила сыну.

— Не будешь ругаться, если я с тобой лягу?
— Иди, мой золотой.
— Только ты больше не плачь.

— Не буду, милый.
...Закончив разбирать скопившиеся за последние дни бумаги, Нуржан наконец поднялся из-за стола. В командировку нужно было ехать со спокойной совестью. Довольный, он посмотрел на часы. Время было позднее.

Домой он вернулся в полночь. Когда открыл дверь, его поразила непривычная тишина, словно все ушли из квартиры.

Нуржан встревоженно прислушался, поглядел в комнату. Там спал Айдын, не слышно было дыхания Урии, и он догадался, что жена не спит.

Нуржан прошел в прихожую. Ему показалось, что в квартире холодно. Он посмотрел на висевший у зеркала градусник. Красная нитка показывала обычные восемнадцать градусов. Нуржан поежился и вдруг понял, что произошло — впервые не бросился ему на шею сын, впервые не встала с постели, чтобы встретить и покормить ужином, Урия.

Стараясь ступать тихо, он вошел в свой кабинет и осторожно прикрыл за собой дверь.

Утром он проснулся чуть свет. И все так же тихо, крадучись бродил по дому, пока не закончил собираться.

Урия слышала, как Нуржан что-то искал, но не встала. Она лежала, прислушиваясь к себе. Страшное равнодушие навалилось на нее, и не было ни сил, ни желания с ним бороться.

Дня через два вечером к Урии прибежала Асем.
— И где ты до сих пор ходишь?

¹ Бастангы — угощение, устраиваемое молодой хозяйкой подругам по случаю отъезда из дома кого-нибудь из старших.

— На работе была.
 — Пойдем ко мне. Чайком побалуемся.
 — Как тогда?
 Глаза Асем виновато забегали.
 — Они опять пришли. Пристали—позови да позови соседку.
 — Устала я...
 — Вечно тебя упрашивать приходится...
 — Что, им делать нечего, твоим гостям?
 — Помнишь того, что с тобой разговаривал,—зашептала Асем.—Так он говорит, что без тебя у него даже кусок в горло не лезет.
 — Что ему от меня надо?—грубовато спросила Урия.
 — Как «что»? Ну, посидеть, познакомиться, настроение поднять... Я однажды Балайым пригласила. Так она явилась в своем ситцевом платье. Вся какая-то измятая. И говорить, оказывается, с культурными людьми не умеет. Так за нее стыдно было...
 — Я не смогу, наверное,—сказала Урия.—Айдын скоро должен из садика прийти.

— Пойдем. Соседи мы с тобой все же...
 Урия действительно колебалась, не зная, как поступить. Пойти—значит оскорбить, унижить Нуржана. Нет, ей совсем не страшна была почему-то ревность. Но пойти вот так... в компанию к незнакомым мужчинам... И не идти было непросто. Урия знала—Асем не откажется.

— Эх, ты!—с деланной грустью сказала Асем.—Чего киснешь? Не можешь чашку чая у меня выпить?
 — Ты же знаешь, одна я сейчас.
 — Ладно уж... Ты думаешь, что твой Нуржан святой? Подумай хорошо да прикинь, когда он домой приходит...

Слова Асем больно ударили по сердцу. А что, если это действительно так? И сама ведь не раз об этом думала. В короткий миг вспомнились обиды, которые нанес ей Нуржан: и не простился с ней, уезжая в командировку. А какими мучительно долгими были вечера ожидания? Как было стыдно, когда в гостях однажды отказался с ней потанцевать? Вспомнились глаза мужа, глаза, которыми он смотрел на встречаемых девушек и женщин. «А что?—подумала Урия.—Чем я в конце концов хуже других?» На сердце стало тревожно.

— Пойдем,—торопила Асем.—Чего доброго, пока мы рядимся здесь, Жомарт вернется.

— А с хозяином еще лучше,—засмеялась Урия.
 — Все понимаешь, а прикидываешься,—вздыхнула Асем.
 — Я долго сидеть не буду,—сказала Урия, на всякий случай готовя себе путь к отступлению.

Асем обрадованно закивала.
 — Знаю, знаю... Пойдем скорее.
 — Иди. Я сейчас.
 Соседка ушла.

Урия подошла к зеркалу. Она всмотрелась в свое лицо и попыталась улыбнуться. Горькие, чуть заметные складочки в уголках губ не разгладились.

Когда Урия пришла к Асем, знакомые ей мужчины быстро переглянулись и дружно заулыбались.

— Заждались мы вас...—сказал коренастый, тот самый, что разговаривал с ней в прошлый раз.

Урия ничего не ответила, только улыбнулась.
 — Мы ведь, кажется, ни в чем не виноваты перед вами, а вы так испытываете наше терпение,—мягко сказал второй мужчина. Он был невысок, смуглолиц, с красивыми темными глазами.

Урия снова не нашлась, что ответить.
 — Да хватит вам болтать!—досадливо перебила Асем.

Красивый сказал:
 — Мы это просто так. Просто приятно видеть в доме еще одну красивую женщину.

— Ох, уж эти мужчины!—сказала Урия.—Комплиментами сыпят, как мусором.
 — Хватит,—решительно перебила Асем,—не для того мы здесь собрались. Не всегда такая возможность выпадает.

— Гляди, какая смелая. Только ведь говорила, что Жомарт может вернуться,—насмешливо сказала Урия. Сказала и удивилась себе. Никогда ведь не было в ней раньше ни насмешливости, ни жесткости в словах.

— Это я просто так говорила.—Асем засмеялась.—Старик так далеко ушел, что раньше полночи не вернется.

— Асем...—с укором сказала Урия.
 — А что?—с вызовом спросила та.—Нуржан твой в командировке. Так что теряться?—Она прижалась головой к плечу Урии.

— Давайте,—сказал красивый мужчина и поднял бокал с шампанским.—За здоровье Урии.

Она подняла бокал, посмотрела сквозь него на свет. В золотистом вине вспыхивали крошечные искорки солнца.

— До конца, до конца пьем,—угваривал коренастый.
 Урия поднесла бокал к губам. Тихий стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Асем торопливо бросилась в прихожую.

— Мама у вас?
 Это был голос Айдына.

Урия хотела вскочить, броситься к сыну, но непонятная тяжесть словно придавила ее тело к стулу. Она слышала, как кудахтала в прихожей Асем:

— Айдынжан. Вот тебе конфеты. Положи их в карман. Бери больше... Иди погуляй... Мама скоро придет.

Вернувшись в комнату, Асем заговорщицки шепнула Урии:
 — Выпроводила. Все в порядке.

Время шло как во сне. Урия чувствовала, что лицо ее покраснелось от выпитого вина. Она слышала разговоры, что-то говорила сама, но все проходило словно мимо ее сознания. Несколько раз появлялось слабое желание подняться и уйти, но Урия без труда справлялась с ним. Временами начинало казаться, что ей действительно хорошо здесь и что жить вот так, легко и просто,—это прекрасно.

И снова стук в дверь вернул Урию к действительности. Стук был громкий, беспорядочный, тревожный. И снова она услышала голос сына:

— Мама! Скорее! Где же ты? Пошли домой!
 И, повинувшись вдруг вспыхнувшей в ней неведомой силе, Урия вскочила со стула, выбежала на лестничную площадку, подхватила сына на руки.

— Солнышко ты мое! Совесть моя!—тихо и горячо шептала Урия.
 Она не видела лица сына, только слышала его дыхание, чувствовала на шее его руки...

Глаза Урии блестели радостью.

Перевел с казахского
 Виктор МИРОГЛОВ.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Из индийской тетради

Старый рикша

Их пятеро—и все на одного
 Обрушились, как шумная лавина.
 А он стоит, не скажет ничего—
 Смеется он, хоть гол наполовину.
 Он видел все.

Он столько проутюжил
 Трусцой, бегом,

вразвалочку, внамет.
 Сух, как бамбук.

Вынослив по-верблюжьи.
 Все понимал,
 и это он поймет.

В резную самобеглую двуколку
 Карабкаются, громко хохоча.

Четвероклассники
 из местной школы,

Лишь галстуки—
 раскрывшем по плечам.

Ты всех возил—
 отягощенных жиром,
 Надменных и жестоких седоков,
 А вот таких

веселых пассажиров,
 Не приходилось...—Нам недалеко!
 — Нам прокатиться!

— Хоть до поворота...—
 Упрашивают баловни судьбы.
 Старик молчит.

Он слышал от кого-то,
 Что поворота к прошлому не быть.

А ну, влезай в оглобельки тугие.
 Жми на педали, слышишь, старина!
 И времена и седоки другие.

Да и страна—уже не та страна.
 Какой им путь открыт теперь... Они ли
 Достойны самобеглых рысаков?
 Прости, старик, ребята пошутили—
 Им далеко... Им очень далеко!..

В темных очках

В рубаше полосатой из матраса,
 В потертых джинсах, худ и утомлен,
 По раскаленным улицам Мадраса
 Шагал Христос в очках «хамелеон».

Не мыт,
 не брит
 от рождества Христова.

Брючонки полинялые узки.
 Лишь облик придавали современный
 Ему большие темные очки.

Их стекла
 хитрым обладали свойством:
 Чем больше света—тем они темней.

Чтобы спасти
 глаза от беспокойства.
 Поменьше солнца—
 пощедрей теней!

И было что-то
 горестно-острожье
 В слепом Христе
 с кудрями по плечам.

Великий боже,
 милосердный боже,
 Ну как же ты,
 родимый,
 помельчал!

Плечо тщедушно едва держало
 Какое-то подобие сумы.
 И был Христос
 до неприличья жалок.

К нему невольно
 обратились мы:

— Откуда вы?

— Приезжий.
 Англичанин.

Здесь жил мой дед...
 Жил, говорят, как бог...
 И память лет вставала за плечами,
 По Киплингу,
 как пыль из-под сапог.

Он вспоминал семейные поверья—
 О днях былых была его мечта.
 И вот он здесь,
 своим глазам не веря.

А жизнь вокруг совсем уже не та.
 Он разводил руками одиноко,
 По-птичьи разжимая кулачки,
 На мир взирая

просветленным оком
 Сквозь ультрасовременные очки.
 А жизнь вокруг

дымилась и блистала
 Апрельским улыбающимся днем.
 И «богу» как-то неуютно стало
 В хипповом облачении своем:
 — Каким богам сегодня поклоняться,
 Когда их нет ни здесь,
 ни в небеси?

И таяла,
 успевши примелькаться,
 Потертых джинсов
 выцветшая синь.

Но горечь слов,
 звучавшая убого,
 Запомнилась,
 не знаю почему.

И мы, как бога,
 проводили «бога».
 И даже ручкой сделали ему.

Индийской художнице

Амийне АХУДЖА,
 создающей полотна
 на есенинские темы

На полотне

березы и осоки,
 Нескошенное золото полей.
 Бессмертные

есенинские строки
 Нанизаны на пики тополей.
 Откуда ты взяла проникновенность
 Чужой земли?
 Как ты смогла понять,
 Какая кровь

течет по нашим венам?
 Как наша грусть
 смогла тебя пленять?

В твоей стране
 земля совсем иная.
 Там буйство красок
 хлещет по глазам.

Но ведь не только
 строки вспоминая,
 Ты жизнь дала есенинским словам:
 Я верю в неподкупность созиданья:
 В почти нечеловеческой глубине,
 Когда-то, кто-то
 в недрах подсознания
 Тебе шептал извечное:

— Люби...
 — Люби чужой народ,
 чужую землю.

— Люби ее законы...
 Да и сам
 С исконною доверчивостью внимлю
 Далеким предков
 мудрым голосам.

Я слышал в Дели
 русские названья.
 Каким путем пришли они ко мне?
 Смотрел почти на суздальские зданья
 С резьбой наличников,
 но из камней.
 Нет, что-то недосказано куда
 О древних наших связях...
 Не берусь

Все объяснить...
 Но знаю я, откуда
 К тебе пришла
 есенинская грусть.

Маршруты бессмертия

22 июня 1552 года пригнал в Коломну гонец от князя Григория Темкина, что сидел воеводой в Туле: «Сам царь (Девлет-Гирей) пришел и приступает к Туле, и иные многие люди воюют, а народ с ними многий и многие янычары турецкие». Иван IV думал недолго, повелел Курбскому идти выручать город, поднял к походу и царский полк.

Не по расчету быстры оказались крымцы. Степи прошли, несмотря на немалый обоз с осадной артиллерией, воронным летом, только и задержали войско что тульские засеки — живая рукотворная броня земли русской от Дикого поля. В пути кочевники не грабили, все разорено прошлыми набегами, да и время берегли. Думали взять Тулу первым приступом, ошеломить внезапностью. А там, за Тулой, городов богатых не счесть, хватило бы веревоч полонных людей вязать.

Впереди конных отрядов проворно бежали нукеры, рыскали по шляхам глазами, подбирали кованые «ежи», сработанные в тульских кузнях, — страшное оружие против конницы. Но все не выглядишь, и, то и дело храпя от боли, шарахались в сторону обезумевшие лошади с насквозь пронзенным копытом.

В один час опустели посады, не дорожа скарбом, укрылись туляки за стенами кремля — крепости, взяв с собой лишь оружие. И жены пустыми в крепость не шли — у которой цеп к плечу прижат, у которой в

ИВАН ПОЛДНА,
В СТРОИ ПАМЯТИ — ПОКОЛЕНИЯ.

ТУЛЬСКИЙ ПОРОГ

Владислав ЯНЕЛИС.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

**БЕСЦЕННЫМИ РЕЛИКВИЯМИ
СТАЛИ КОМСОМОЛЬСКИЕ БИЛЕТЫ,
ОБАГРЕННЫЕ КРОВЬЮ ПАТРИОТОВ.**

подоле камни с обочин, кои валить на врага сподручно. Только псы с глухим рыком метались из пустых дворов под ноги колченогим лошадям, норовя дотянуться зубами до ляжки узкоглазого всадника.

Ох, Тула, Тула, устоишь ли под натиском вражьим, дождешься ли помощи? Ведь у Девлета воинов, почитай, вдесятеро больше, чем людей тульских, даже если жен и детей числить. А уж сколь изведено тобой! Редкий год земли твои не стонали под копытами коней крымских, привычное вроде бы дело — отбиваться от неприятеля, но сей набег опаснее прошлых, такой силой ордынцы еще не наваливались.

Подойдя к городу, Девлет-Гирей не дал войску и часа отдыха, спешил всадников, бросил на крепость, велел не щадить ни старого, ни малого.

Вот запись об этой битве в Географическом словаре Российского государства:

«Июня в 22 день, в первом часу дня (около 4 часов утра по современному счету времени) хан приступил к Туле со всеми людьми и снарядами. Приступ продолжался весь день, били по городу из пушек, пускали огненные ядра и стрелы, от которых в городе многие дворы загорелись. Жители, угасив пожар, столь храбро оборонялись, что неприятель отбит от города, и в первый приступ ничего не успел. Хан, осматривая, что людей в городе немного, и опасаясь присылки от царя войск на оборону, на другой день возобновил приступ к городу с пушками и пищалями... Множество турков и татар легло близ самых стен, в том числе убит и шурин ханский, Камбирдей... Разбитый хан крымский Девлет-Гирей побежал от города в степные места, находящиеся за Тулою (через округу Богородицкую), спасаясь восвояси...»

В никоновской летописи находим мы строки, дополняющие картину разгрома врага. Видя растерянность крымцев у стен после второго штурма, решились защитники Тулы на смелую вылазку. «Вышли из города не только воеводы и воины, но и все мужчины и женщины, воспримавшие мужескую храбрость, и младые дети, и многих татар под городом побили... стрелы и зелье многое, на разоренье градное привезенное, взяли православные».

Так еще раз, в 1552 году, постояла Тула за землю русскую, заслонив ее грудью своею от Дикого поля, как и прежде заслоняла. Вскоре после июньского

**«ОНИ НЕ ПРОЙДУТ!»
ДИОРАМА ОБОРОНЫ ТУЛЫ.**

грехов — трусость на поле брани, высшая доблесть — в бою за отчизну кровь пролить.

Теперь уже, листая те давние страницы истории города, невольно задумываешься — ведь именно там, в глубине веков, и зарождались тот боевой дух туляков, неустрашимость их и стойкость, что изумляли потом Россию и врагов ее.

Не в дальней стороне, не с краю государства стоял этот город, а в самой сердцевине его, на пересечении многих главных дорог, на пути к столице. И потому почти все военные громы, шумевшие над Русью, отзывались и в Туле, потому не ржавело оружие в ножнах тульских ратников, не изывалась их боевая слава. Но сладка и ненавистна была Тула врагам Руси не только тем, что неподъемным камнем лежала на их пути к Москве, но и тем, что уже на пятом веку своей истории стала городом оружейников, арсеналом российским, ее огненным дулом и вороненым клинком.

В 1595 году по царскому указу для «обеспечения служилых людей оружием» за рекой Упой поселили в особой слободе 30 «казенных кузнецов» с семьями, обязав их производить «государево самопальное дело». Кузнецкая слобода в Заречье разрасталась быстро, уж больно ходок был товар, да и сырье недорого — вот оно, железо, бери, добро бы для дела. Ну, а как же не для дела, когда война за войной: то от шляхты надо отбиться, то от своих же лютых бояр, то разбойников степных, шляхи заполонивших, наказать. Только крестьянскую армию Болотникова пустила Тула за свои стены, так то был не враг, а своя же мужицкая рать, за холопскую же правду дравшаяся. Тульским штыком отворял Петр окно в Европу, брали на него и французов под Бородином, извели тульского железа и турки, и англичане, и японцы, и немцы. Напарывалась на него и мамонтовская конница, били тульским оружием и самого лютого врага — фашистов.

Но не будем спешить. Перелистаем страницы тульской славы в том порядке, как они писались. Прочтем иные отдельные строки этой истории, багровые от крови, соленые от пота.

«Эх, Тула, Тула, самовары вздула. Села Тула пить чай, души греть рабочаи». Что ж, и это было. И бумагу Тула делала не хуже голландской, и сахар сварила первой на Руси. Ну, а позже самовары строила. И гармони. Потому что народ в ней живет мастеровой, на всякое дело гораздый. Так что ж не повеселить

**ТУЛА ПОМНИТ И ЧИТ ТЕХ,
КТО ОТДАЛ ЖИЗНЬ В БОЯХ С ВРАГАМИ.
СИМВОЛАМИ НЕГАСНУЩЕЙ СЛАВЫ
ГЕРОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ВСТАЛИ НА ЕЕ ЗЕМЛЕ СОТНИ
ПАМЯТНИКОВ И МОНУМЕНТОВ.**

душу. Вспомним знаменитого Левшу. Но не самоварной столицей вошла Тула в историю русского государства, а оружейной кузницей. Вошла такими именами, как Яков Батищев, Марк Красильников, Сергей Шелашников, Андрей Нартов, Федор Гайдеров. Чудо-мастера, самоучки, они на многие десятилетия опередили инженерную мысль просвещенной Европы, создав уникальные станки, машины, печи, образцы оружия.

Цепкий глаз Петра I приметил силу и талант тульских умельцев. Да и как не приметить, если тульские пистолеты и фузеи не в пример иностранным, за которые платить приходилось Европе втридорога, осечки не дают и выют вдвое крепче. Повелел царь в 1712 году «...для лучшего в том деле способу при той оружейной слободе, изыскав удобное место, построить заводы, где можно бы ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттачивать, а палаш и ножи точить водою».

А спустя два года загрохотал, заревел казенный завод, со множеством уже машин, которые приводились в действие мощными водяными колесами. В 1718 году он уже был крупнейшим в Европе, построенный «на два жилья» (два этажа). В 12 кузницах жарко дышали 96 горнов, а над ними точили оружейное железо в 12 мастерских палатах. Но не всем мастеровым людям на заводе места хватало, многие, как и в прежние времена, работали дома, делая казенные заказы, и сдавали свое рукоделье на завод, в сборку.

Сошлись мастера цехами, чтоб удобнее было ремесло друг у друга перенимать и чужой бы глаз не мешал. Замочники отдельно, ствольщики отдельно. Так и пошли в Туле слободки, улицами сохранившиеся и поныне, — Штыковая, Курковая, Заварная, Замочная, Дульная и прочие. И на свадьбах гуляли, и младенцев крестили, и на ратное дело шли слободками. А в слободках, почитай, все родственники — общее дело судьбы людские связывало накрепко.

И понятно, отчего туляки на поле брани стояли против врагов тверже гранита, ведь к оружию привыкали с детства, мальчишками ворон били из отцовских ружей навскидку, знали секреты точного огня и штыкового удара.

В царствование наследников Петровых Тула от турецких и иных войн была уже отгорожена тысячеверстными расстояниями. А все же Тула воевала. Воевала на горящих печей и сверлильных станков, у чугуных наковален и в рудничных забоях. Потом рабочим дралась за Отчизну.

Нет, неотделима история Тулы от ее железных заводов. Ковалась эта история руками мастеров-оружейников, закалялась в горниле выигранных тульскими клинками батальев.

Катится колесница российской истории, норовя держаться колеи европейской. А отсюда новые напасти. Вот он — 1812-й, держись, держава, выручай, Тула! И Тула выручала. Обоз за обозом слал город к Москве. Лошадей едва хватало вывозить пехотные ружья и солдатские тесаки, тяжелые драгунские шапки и седельные пистолеты. Работа шла круглосуточно.

А враг все ближе. «Я иду на Москву и в одно или два сражения все кончу... Я сожгу Тулу и обезоружу Россию», — говорил Наполеон. Что ж, в известной прозорливости императору не откажешь, понимал, что, пока Тула работает, Россию не сломишь. Сановный царский двор настаивал на эвакуации оружейного завода в Ижевск. Кутузов противился: оружие нужно сейчас, без него армия наступать не может. И оружейники в ответ на доверие державы старались; 600 тысяч ружей, выпущенных ими за 2 года, не считая прочего оружия, — таков был их вклад в победу над Наполеоном. Но не только.

Послала Тула на войну и свое ополчение, в котором без малого насчитывалось 16 тысяч человек. И дралось оно с такими отменными искусством и дерзостью, что Кутузов повелел зачислить туляков в регулярную армию, в составе которой в 1814 году вступили они в Париж. И новые имена туляков сверкали славою в русской истории: знаменитого партизанского командира генерал-лейтенанта И. С. Дорохова, генералов Д. С. Дохтурова, М. А. Арсеньева, А. Ф. Щербакова.

«Ох, Тула, Тула, вороненое дуло, душа рабочая, до дела охочая». Схлынула военная пора, стал обрывать город новыми заводами и слободами, забирать Упу и Тулицу в каменные набережные, выстилать мостовые, ставить церкви и школы. Даже трек велосипедный соорудили туляки, первый в России и самый большой в Европе. А что жаться, делать, так делать. Не любила Тула второй быть ни в работе, ни в празднике, ко всему подходила с размахом. Одних прианков съедала в воскресенье под 100 тысяч, медовых, печатных, по фунту с лишком весу каждый.

Оружейники жили против остальных рабочих сытно, копейкой не дорожились, на гулянье шли в сапогах со скрипом, в дорогом сукне. Губернское начальство перед ними заискивало, спешило задобрить привилегиями, как же, «особое сословие», «рабочая аристократия». Чуть ли не у каждого дома с палисадником да под черепицей, в сарае животинка похрюкивает. Что

еще надо! Прочий мастеровой люд перед ними голь перекатная.

Но польхнул над Россией жаркий 1917-й, и рабочая Тула приняла его безоговорочно, разом, вся. И не последними присягнули на верность революции оружейники. Нет, не купили их сдобным калачом и аршином сукна, не променяли они рабочую совесть на дом под черепицей.

Что тогда было оружие? Все. Власть, жизнь, революция. И Тула дала его рабочим Москвы, Дона, Петрограда, Самары, Воронежа, Харькова. Город направляет на фронты гражданской войны 62 тысячи бойцов, цвет рабочего класса, партии, лучших из лучших. В 1919-м в ответ на призыв Владимира Ильича Ленина «Все на борьбу с Деникиным!» тульские металлисты дают «социалистическую клятву умереть, но победить» и обещают удешевить выпуск оружия. Вот цифры за один только 1919 год: заводами города произведено 288 тысяч винтовок, 6 тысяч пулеметов, 76 тысяч револьверов, 236 миллионов патронов. И это на старых мощностях, работая впроголодь, на ограниченном энергетическом пайке, без достаточного количества рабочих рук! Намного больше, чем в 1915-м. Понимали оружейники: от их производительности зависело будущее революции.

«Правда» отмечала в те дни, что на тульских заводах держалась вся Красная Армия. В своем письме в Тульский ревком 20 октября 1919 года В. И. Ленин писал: «Значение Тулы сейчас исключительно важно, — да и вообще, даже независимо от близости неприятеля, значение Тулы для Республики огромно».

А фронт уже подкатывается к Туле, конные разъезды Мамонтова рыщут возле Ефремова и Деделова. В городе ожила контрреволюция, купчихи из окон вслед рабочим патрулям гримасы строят: «Вот уж погодите, будет вам «всемирная». Тула на военном положении, мобилизованы все коммунисты и сочувствующие, оружие роздано заводской молодежи. Сводные отряды особого назначения один за другим выезжают на южный фронт.

...Мы встретились с Екатериной Михайловной Дагаевой в одном из читальных залов областного партархива. Легендарная Катюша, верховодившая всем комсомолом Заречья, неоднократно видевшая Ленина, слышавшая его на III съезде комсомола.

Она села на неудобный своей высотой стул, сложила перед собой на стол маленькие, сухие, почти детские руки.

— С чего мы начнем?

И тогда я увидел ее глаза — чистые, глубокие, молодые глаза Катюши Дагаевой, секретаря общегородского комитета РКСМ, вожак зареченской комсомолки. И я легко представил ее такой, какой она была тогда, — с каштановыми косами, спадающими на обтянутые ситцем угловатые девичьи плечи. Я видел, как она одним пальцем выстукивает на старом «Ундервуде» — воззвание к членам РКСМ об отчислении двухдневного пайка в пользу голодных детей Петрограда, как она стоит в углу зала бывшего офицерского собрания и затаив дыхание слушает слова предгубкома РКП(б) Каминского.

— Мы жили, казалось, на одном дыхании. Успеть хотелось всюду. Вставали в 6 утра и шли пулеметные ленты. Потом работа с молодежью — сколачивание ячеек, занятия военным делом, курсы медсестер, патрулирование по городу, диспуты, политулечеба. С каждым днем комсомолка Тулы становилась все более могучей силой.

Осенью 1919 года Екатерина Дагаева едет в составе тульского рабочего батальона на ликвидацию мамонтовского прорыва. Чудом сохранившийся документ: «Чулковская ячейка постановляет — направить Катюшу Дагаеву на фронт борьбы с Деникиным и выдать ей винтовку». Ее и ее подруг товарищи стремятся уберечь от казацких сабель, находят дело в тылу, в эвакуантах 8-й армии. Тогда Дагаева вместе с Лидией Рысиной и Александрой Чекалиной прорываются в штаб армии, находят начштаба и слезно умоляют его проверить их боеготовность. Они выходят во двор и всаживают, почти не целясь, каждая по три пули, одна в одну, в березовый чурбак, валяющийся возле крыльца.

Но начштаба неумолим:

— Вы нужны побеждающей революции живыми.

И они, подчинившись приказу, отправляются в эвакупункт, работают с каким-то бешеным отчаянием, спасая раненых.

Но сколько у нее будет еще фронтов! Фронт борьбы за ликвидацию безграмотности, борьбы с голодом, борьбы за организацию колхозов, за индустриализацию... Какая большая судьба у этого человека, вместившая в себя так много! Судьба, в которой ясны каждый прожитый день и цель, ради которой он прожит. Судьба — отблеск судьбы ее поколения.

— Как-то, выступая перед пионерами, я сказала, что в годы гражданской войны ежедневный паек рабочего Тулы составлял четверть фунта хлеба. «Это сколько?» — спросили меня дети. Я достала из сумки записную книжку. «Вот столько», — говорю. Смотрю на их лица. Чувствую, что

не верят... А может быть, это и хорошо, что не верят, как вы считаете?

...Нет, Тула, не валы и стены толщиной в сажень, высотой в три убергли тебя и рубежи, за тобой лежащие, в годину испытаний, а люди, что стен тех прочнее. Их военным и трудовым подвигом измеряется вклад в победы над врагом, над разрухой и голодом, их кровью и потом добывалась слава твоя, город Тула.

Апрельским утром 1921 года рабочая Тула салютовала ревом десятков заводских гудков оружейному и патронному заводам. Так отмечал город замечательное событие: Президиум ВЦИК эти предприятия награждал орденами Трудового Красного Знамени. Первыми в республике. За их подвиг на трудовом фронте.

Но можно ли разъединять подвиги трудовой и военной, если речь идет о «хлебе революции» — оружию!

1921-й, до следующей военной главы — двадцать лет. Как бесконечно мал этот срок в сравнении с девятисотлетней историей города! Но как велик он делами! Ни одно столетие так не преобразило город, не укрепляло его рабочую стать, как эти два десятилетия. За это время Тула из железной превратилась в металлургическую, были построены мощный Новотульский комбинат, комбайновый и Косогорский заводы, машиностроительный, ГРЭС, жилые кварталы, больницы, школы, институты, реконструированы оборонные предприятия. В 18 раз возросла добыча железной руды, угля — в 15 раз, выпуск чугуна — в 12...

Если сложить весь тот духовный порыв, все напряжение человеческих сил, воли, творчества, открытости, которыми создавался индустриальный фундамент страны в годы первых пятилеток, то сумма будет равна высокому понятию — подвигу. И было бы справедливо поднять на постаменты тысячи человеческих рук в бронзе, камне и чугуне в Липецке и Днепродзержинске, Москве и Нижнем Тагиле, Ленинграде и Комсомольске-на-Амуре, Запорожье и Минске, в десятках городов и поселков, где рождалась новая, индустриальная держава. И обязательно в Туле.

1941 год. Мы подступаем к высшему рубежу твоей героической истории, Тула. Но еще прежде ты делала все для того, чтобы врагу был дан достойный отпор. Оборонные заводы работали в три смены, постоянно наращивая производство. Только в апреле 1941 года ты дала стране тысячи винтовок. Так было надо. Но ты не только делала оружие, ты его изобретала и совершенствовала; приближавшаяся война требовала новых видов вооружения. Вспомним Ф. В. Токарева, В. А. Дегтярева, Г. С. Шагина. Талантливые конструкторы-оружейники, туляки, сколь многим обязана им армия, все ее рода войск!

Знал ли враг о том, что значила Тула для обороноспособности страны? Бесспорно. Вот почему один из главных ударов он направил на город, стремясь взять его с ходу, отсечь от коммуникаций, связывающих Тулу с Москвой, с другими центрами, и тем самым не дать возможности эвакуировать ценнейшее оборудование оборонных заводов. Но ни Ставка Верховного главнокомандования, ни сами туляки город сдавать не собирались. Тула готовилась драться до последнего человека.

Самым трудным осенним месяцем первого года войны был октябрь. Холодный от ветров, скользкий от дождей, черный от дыма пожарищ, он до сих пор отзывается в памяти ветеранов лязгом танковых гусениц, грохотом артиллерийских орудий, коротким, как хлопок, «Стоять насмерть!». И запахи того октября еще не выветрены временем, запахи окровавленных бинтов, гнилой листвы, солдатского пота и пороха, пороха, пороха.

Прорвав оборону 13-й армии, 2-я танковая группа Гудериана ворвалась в Севск 1 октября. Спустя два дня гитлеровцы взяли Орел. Брянский фронт оказался расщепленным. Чтобы спасти армию, было приказано отходить на восток. Собрав мощный моторизованный и танковый кулак, Гудериан устремился к Москве. Но на его пути была Тула.

Что мог противопоставить город, который уже отдал войне к тому времени так много, 15 дивизиям врага? Единство оставшихся на поле боя, ненависть к поработителям, чувство высочайшей ответственности за судьбу заслоненной им Москвы.

Но сначала был Миенск. куда, защищая подступы к Туле, город направил на помощь 1-му гвардейскому стрелковому корпусу 5500 бойцов — истребительные батальоны, Тульское оружейно-техническое училище, подразделения НКВД. О масштабах развернувшихся боев можно судить уже по тому, что на одну только 4-ю танковую бригаду, державшую фронт южнее Миенска, Гудериан бросил 150 бронированных машин, не считая пехоты. Итог был плачевным для врага. Потеряв 43 танка, орудия и батальон пехоты, гитлеровцы повернули назад.

Но силы были слишком неравны. Враг обтекал наши части с флангов. Выполняя приказ Ставки, войска Брянского фронта начали отход, чтобы прикрыть направление на Тамбов и Воронеж. С боями отходила

на восток и 50-я армия, которой была поручена оборона Тулы. Но реальные возможности ее были в тот момент очень невелики. В иных ротах насчитывалось не более полутора десятков бойцов, техника была искалечена в предыдущих боях, кадровый офицерский состав выбит. Но за каждый километр пути к Москве и Туле враг продолжал расплачиваться сотнями жизней своих солдат. Чернь, Плавск, Поречье, Черепеть, Косая гора — эти названия потом еще долго будут являться в кошмарных снах уцелевшим танкистам Гудериана.

А что же сам город? Тула жила. И готовилась к обороне. Стойкость частей, оборонявшихся подступы к городу, позволила эвакуировать на восток все ценное оборудование, часть кадровых рабочих и инженеров, продовольственные запасы. Прощаясь с прифронтовым городом, оружейники, патронщики и металлурги, уезжавшие в тыл, плакали. Седые мужчины, зеленая молодежь. Они знали, что им предстоит в рекордный срок наладить выпуск оружия на Урале, что это потребует от них нечеловеческих усилий, но большинство из них дорого бы дали за то, чтобы остаться в Туле. Остаться и драться с врагом. Но приказ уезжать подписала партия, спорить с чем-то доказывать было бесполезно.

Тула окапывалась со всех четырех сторон. На строительство укреплений работали все, кто мог держать в руках лопату или кирку. Каждый район отвечал за свой участок обороны. Город опоясывали противотанковые рвы и окопы, колючая проволока и «ежи». Каждое угловое здание на основных улицах оборудовалось как опорный пункт, создавались районные штабы обороны, боевые дружины, группы истребителей танков, специальные отряды для борьбы с десантом, санитарные посты. Город превращался в боевую цитадель.

11 октября в 4 часа дня в зрительном зале драмтеатра собрался партийный актив города. Повестка дня: «О текущем моменте и задачах парторганизации». «Окна наглухо зашторены, в зале полумрак (энергию берегли). На лицах присутствующих следы крайнего утомления, многие не спали уже несколько ночей. Почти все в полувоенной форме. Никаких жидких бесед, люди подтянуты, собраны в дружину, — вспоминает бывший секретарь обкома ВКП(б) Александр Владимирович Калиновский. — В эти дни обстановку обострилась чрезвычайно. Внезапно снялась с позиций 238-я стрелковая дивизия. Она была единственной кадровой частью, непосредственно защищавшей юго-западные подступы к городу. Значительно позже выяснилось, что 238-я дивизия должна была закрыть собой брешь, которая образовалась в обороне наших войск на калужском направлении. Не оказавшись она в тот момент под рукой у Ставки, гитлеровцы могли выйти на выгодные рубежи для удара на столицу. Больше того, в ту же ночь через Тулу прошла в сторону Москвы 4-я танковая бригада М. Е. Катукова. Это был личный приказ Верховного главнокомандующего. Бригада перебрасывалась для защиты Москвы.

Мы понимали, что все меры, предпринятые Ставкой, необходимы. Но с чем оставалась Тула? И вот на трибуну поднимается первый секретарь обкома Василий Гаврилович Жаворонков, который спустя неделю возглавит городской комитет обороны... Необыкновенный человек. Его энергия и воля неиссякаемы.

Помню, как однажды Жаворонков вышел из машины и направился навстречу группе отступающих через город солдат. Многие были ранены, вел их собой старшина. «Стойте, — сказал им Жаворонков, — я секретарь обкома. Приказываю от имени партии: «Раненые — на перевязку. Остальные — будут драться». Солдаты остановились, оправившись, подняли головы. Вперед вышел старшина.

— Есть, товарищ секретарь обкома. — И, оглядев своих солдат, добавил: — Драться будут все.

Выступая на активе, Василий Гаврилович был предельно конкретен. Он обрисовал обстановку и изложил задачи, решение которых обком считал первоочередными. В те дни это было для всех равносильно боевому приказу. В резолюции, принятой участниками актива, были такие слова: «Мы, большевики Тулы, заверяем Центральный Комитет ВКП(б), что все, как один, с оружием в руках будем драться до последней капли крови за нашу Родину, за наш любимый город и никогда не отдадим Тулу врагу».

Для всех защитников города те дни в октябре спрессовались в один ком часов и минут, не разделенный на ночи, дни, сутки. Обком, горком, райкомы партии и комсомола были переведены на казарменное положение. Спали урывками, не раздеваясь. Работали ночами.

23 октября городской комитет обороны принял решение объединить истребительные батальоны и отряды народного ополчения в тульский Рабочий полк. Формирование его было начато немедленно.

Рабочий полк. Гордость, слава и надежда Тулы. Все пятьдесят дней битвы полк был ядром обороны города. Потомки тех, кто отставал в отряд кочевников, сражался в отрядах Болотникова, преграждал путь мамонтовцам. Коммунисты и комсомольцы, оружейники и патронщики, металлурги и шахтеры, строители и железнодорожники, они встали в военный строй и дали солдатскую клятву умереть, но не сдать город врагу.

Внешне они мало напоминали солдат. Обмундирование им не полагалось. На их была замасленная телогрейка, на других драповое выходное пальто, на ногах сапоги с галошами или ботинки. Да и вооружение их было разным, тут и трехлинейки, и громоздкие трофейные «ребели», и наганы. У кого на поясе висели настоящие гранаты, у кого самодельные, у кого карманы оттопыривали бутылки с горючей смесью. Но они были солдатами в самом высоком смысле этого слова, их ряды спаяли железная дисциплина, ненависть к врагу, долг перед Родиной.

В последних числах октября 24-й танковый корпус Гудериана, усиленный пехотным полком «Великая Германия», подошел к Туле вплотную. Город обороняли Рабочий полк, 732-й отдельный зенитный полк ПВО, 156-й полк войск НКВД. Все, других частей в Туле в тот момент не было. Их ждали, Ставка обещала помощь. Но в те дни рассчитывать можно было только на наличные силы. Городской комитет обороны принял решение установить зенитные орудия в боевых порядках частей и на основных магистралях для ведения огня по танкам. Все понимали, что это рискованно — оставлять неприкрытым небо над Тулой, но главной опасностью были тогда танки. Южную окраину города, оседлав Орловское шоссе, оборонял 156-й полк НКВД, уже закаленный в боях. Его штаб расположился в полуподвале механического института, фасадом выходившего на шоссе. Правым плечом к нему примкнули позиции Рабочего полка, протянувшиеся до Воронежского шоссе.

Если октябрь был самым тяжелым месяцем осени, то самым тяжелым днем его стало для защитников города 30 октября. Гитлеровское командование, не считаясь с потерями, бросало в бой все новые и новые части. В ночь с 29-го на 30-е бронированный кулак из трех танковых дивизий и моторизованных частей изготовился раздвинуть, смешая с землей позиции туляков. Разведка Гудериана докладывала, что русские даже не удосужились заминировать поля перед линией своей обороны и не успели закончить противотанковый ров. Да, «не удосужились», потому что мин не было, а на ров не хватало времени.

Утром 30 октября Тула приняла бой. Вдоль Орловского и Воронежского шоссе к городу рванулись 50 вражеских танков — первая волна.

Ни тогда, ни тем более сейчас не удалось бы воспроизвести в точности тот день минута за минутой. Потому что уже в тот день не стало многих из тех, кто мог бы потом рассказать о нем. Потому что невозможно воспроизвести все мысли и поступки людей в бою вообще. Потому что никакой мерой не измерить их боль от ран и потерь, их радость при виде поверженного врага, их готовность умереть за Родину. Бой — это бой.

Но есть другие, привычные нам категории измерения боя. Сколько было отдано врагу территории? Город не уступил ни пяди! Сколько было отбито вражеских атак? Основных — четыре! Сколько враг потерял техники и людей? Перед позициями туляков горело больше трех десятков танков, трупы вражеских солдат в точности счесть было невозможно! По приблизительным подсчетам, около двух батальонов. Сколько мин и снарядов обрушилось на защитников города? Как минимум — три на каждого бойца. Каковы были наши потери? Были и они.

Смертью храбрых пал комиссар Рабочего полка шестостроитель Г. А. Агеев. Свинец сразил его, когда комиссар выносил из-под огня раненого бойца. Был убит лейтенант Григорий Волнянский. Но огневой взвод зениток (всего два орудия), которым командовал бесстрашный комсомолец, уничтожил 13 гитлеровских танков.

Враг был ошеломлен упорством и мужеством защитников города. Впоследствии Гудериан так писал о неудавшемся штурме Тулы: «Попытка захватить город с ходу натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

Да, хваленый бронированный кулак оказался бессилен перед мужеством патриотов. Танки утюжили позиции и шли вперед. Но из расплюснутых окопов поднимались люди в ватниках и драповых пальто и забрасывали танки бутылками с горючей смесью. Артиллерия врага сжигала и кромсала, казалось бы, каждый метр земли позиций советских зенитчиков, а оттуда вновь и вновь несся навстречу танкам смертоносный металл. Казалось, сама тульская земля вместо каждого убитого в бою рождала нового воина, бесстрашного, закаленного, беспощадного.

Так было все пятьдесят дней и ночей. Час за часом.

Вот что вспоминает ветеран обороны города, бывший мастер доменного цеха научно-производственного объединения «Тулачермет» Петр Георгиевич Борисов:

— 29 октября на позиции Рабочего полка приехал Василий Гаврилович Жаворонков. Наш взвод оборонял южную окраину Рогожинского поселка. Зашел секретарь обкома и к нам. Он осмотрел оружие, окопы. Кто-то спросил Жаворонкова, что будет, если танки прорвутся в город. Не задумываясь, тот ответил: «Будем драться на улицах, Тулу не отдадим ни при каких условиях».

Нам эти слова запомнились крепко. Ну, а потом — бой. Отсекали ружейным огнем немцев от техники, жгли танки, словом — воевали как умели. У каждого из нас за спиной были дом, семья, завод, улица, к которым привык с детства. У меня к тому времени было уже пятеро детей, мал мала меньше, все оставались в Туле, в нескольких кварталах от того места, где мы держали оборону. Доходило и до рукопашной, дрались штыковыми лопатами, голыми руками. А как они снова лезть начинают, припадешь к земле, думаешь: «Матушка родимая, дай силы».

Через неделю нас перебросили на другой участок, из Рогожина-то мы немцев уже выбили, пошли на Калугу. В декабре меня ранило, после госпиталя вернулся в Тулу. Работал, надо было фронту помогать. Ну, а мой Рабочий полк пошел дальше, до самого Кенигсберга.

Так Тула и выстояла. Через двое суток после начала боев на окраинах города Ставка нашла возможным перебросить в Тулу свежие части. Так что туляки уже были не одиноки. Не взяв города, гитлеровские войска обошли его и рванулись к Москве. Но время было упущено. Москва приоткрылась к обороне, к столице подошли первые резервные части из Сибири. Защищая себя, Тула защитила и Москву, сдержав натиск танков Гудериана, приняв на себя первый удар. Пятьдесят дней, находясь практически в тылу у гитлеровских войск, город продолжал драться. Продолжал жить и работать.

На следующий день после того, как гитлеровцев выбили с городских окраин, это было 10 ноября, там, на едва покрытых снегом горках, уже катались на санках дети. Тула пекла пряники, делала оружие, работали городские школы и родильные дома, парикмахерские и рынки, а по улицам бегали трамваи.

...7 декабря 1976 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и стойкость, проявленные защитниками Тулы при героической обороне города, сыгравшей важную роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой в период Великой Отечественной войны, городу Туле присвоено почетное звание «Город-герой» с вручением медали «Золотая Звезда».

Вручая городу награду, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал, вспоминая военные годы: «Да и тогда, когда противнику почти удалось замкнуть кольцо окружения, туляки не дрогнули. Оружейники и патронщики, шахтеры и металлурги стояли насмерть. С огненных рубежей сорок первого года доблестный Рабочий полк вошел в бессмертие».

Вошел в бессмертие. Не умаляя подвига тех, кто сражался за Тулу в солдатских шинелях, мы прежде всего еще раз склоняем головы перед воинами тульского Рабочего полка. Перед теми, кто шагнул в бой прямо из цехов, из шахт, со стройплощадок. Перед слабой и гордостью Тулы — рабочим классом! Они не были солдатами, но были патриотами, они не учились воевать, но сумели дать врагу такой отпор, что сделал бы честь самым умелым воинам. Таков уж он есть — класс рабочих.

Но бессмертие Рабочего полка не только в его военном подвиге, оно в мирных творениях рук его воинов: в миллионных плавках тульских домен, в новых кварталах домов, в станках и машинах с маркой города, в детях, продолжающих дело отцов. Подвиг военный рождает подвиг трудовой. Ибо не истончается связь рабочих поколений, связь прошлого, нынешнего и будущего.

Давно уже перешагнул город жилими кварталами свои довоенные пределы, и монумент защитникам Тулы, установленный на площади Победы, где когда-то проходила линия обороны, теперь уже оказался чуть ли не в центре. И «сорокапятки», так и оставшиеся на своих позициях с осени 1941 года, тоже теперь уже в далеком «тылу». А кленовый парк, посаженный руками комсомольцев и молодежи города вблизи поселка Мясного, летом почти совсем закрывает своей листвой противотанковый ров и ходы сообщений. Жизнь есть жизнь, у нее свои законы, она тесноты не любит.

Но, вступая в день завтрашний, мы оглядываемся нажитое нами, мы ищем опору в этом прошлом, черпаем в нем силы, опыт, мужество. Прошлое живет в нас и творит вместе с нами сегодня. Какой бы победой мы ни гордились завтра, корни ее и начало в победах вчерашних.

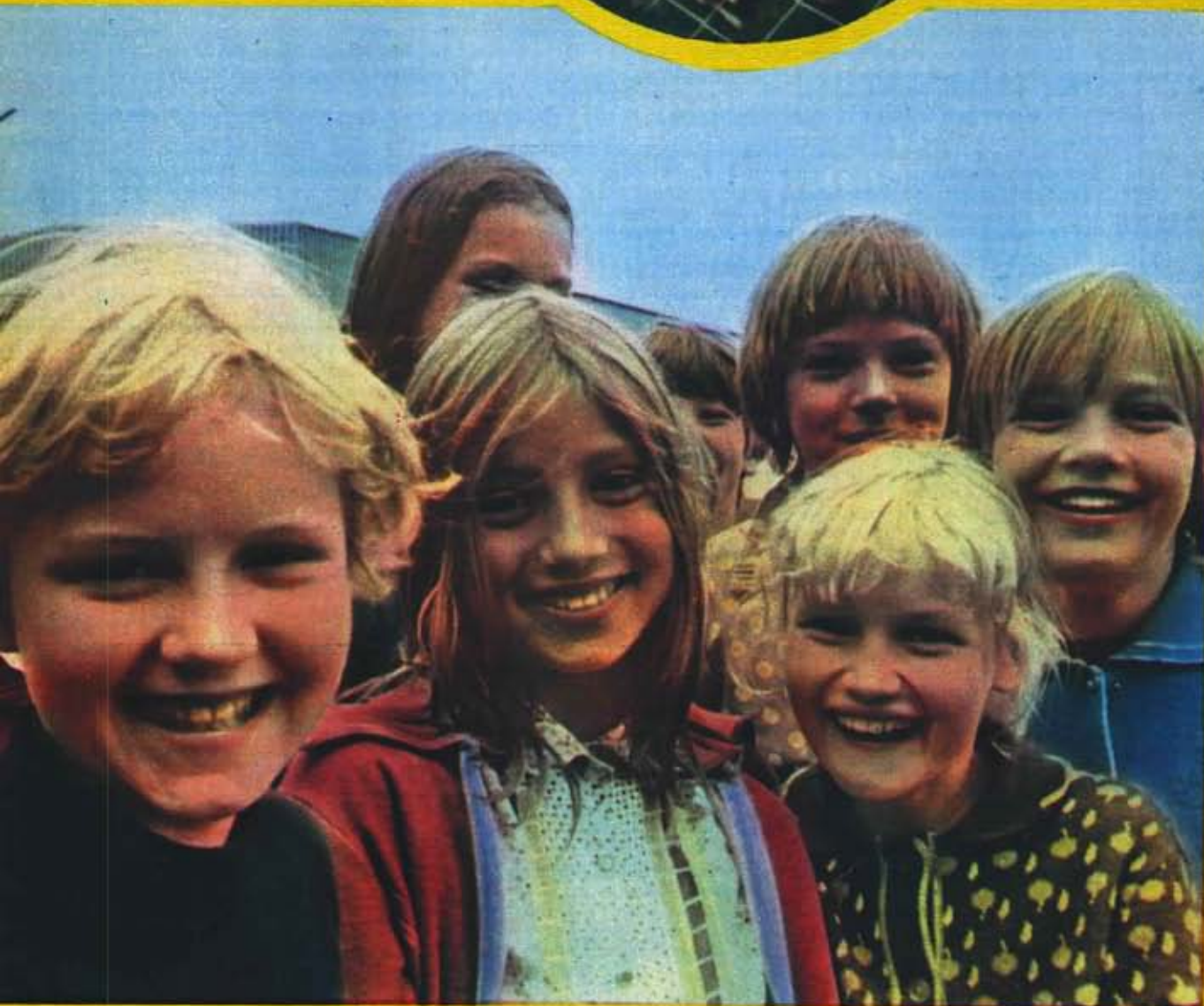
«ЛУЖ У ОКО»

СПОРТ В ДЕРЕВНЕ

СПОРТИВНАЯ СМЕНА.

ТАК
ВЫГЛЯДИТ
СПОРТКОМПЛЕКС
СНАРУЖИ.

Он был крепок и здоров, этот трехлетний аист, но длинный и тяжелый путь из Африки и драка за гнездо со своим старшим собратом, в которой он потерпел сокрушительное поражение, настолько измотали его, что каждый взмах крыльев отзывался в груди тупой болью и казался последним. И все-таки он продолжал полет — инстинкт подсказывал: через несколько дней прилетит подруга и потребуются дом...

В конце концов ему повезло. На краю совхоза «Мадлиена» он разглядел небольшую речку, болото, в котором, по всей вероятности, водились лягушки, и одинокую березу с раздвоенной макушкой и сломанным у этого разветвления толстым сучком. На него он и спланировал.

Директор совхоза Юлий Белявникс увидел его еще издали, обрадовался: аист — желанный гость в любом доме; и, подъехав к березе, затормозил.

— Ну, здравствуй, — сказал он, вылезая из машины. — Понравилось тебе в наших местах?

Аист не обратил на человека ни малейшего внимания. «Своих дел по горло», — говорил его озабоченный вид. Вскинул голову, еще разок осмотрелся и, запрокинув назад шею, так что затылок лег на спину, восторженно затрепал.

Директором совхоза Юлия Белявникса назначили в 1959 году. Первый год работы оказался успешным — совхоз

НИЖИ» ЛИЦЫ

Юрий МАСЛОВ.
Фото Алексея ФЕДОРОВА

**СОВХОЗ «МАДЛИЕНА»
НЕ ЖАЛЕЕТ СРЕДСТВ
НА РАЗВИТИЕ
ФИЗКУЛЬТУРНОЙ БАЗЫ.**

**НАЧАЛЬНИК ЦЕХА ТРАВЯНОЙ
МУКИ МАРТЫНШ ЛЕПИНЬШ,
ОН ЖЕ РУКОВОДИТЕЛЬ
МОТОСЕКЦИИ, ДЕЛИТСЯ ОПЫТОМ
С ЮНЫМИ СПОРТСМЕНАМИ.**

не предусмотрено сметой строительство, скажем, спортбазы. И вырисовывается неприглядная картина: план колхозники (работники совхозов) выполняют, а нормальных условий отдыха лишены — телевизор на все случаи жизни.

А теперь, уважаемый читатель, представьте себе, в каком незавидном, если не сказать смешном, положении оказался Юлий Белявникс, который захотел встретиться с будущим... двадцать лет назад.

Стояло солнечное майское утро. Юлий Белявникс в самом радужном настроении подъехал к Министерству сельского хозяйства Латвийской ССР, прошел в соответствующие инстанции и с видом победителя положил на стол план реконструкции уже не колхоза, а совхоза. С ним ознакомились, и кто-то (сейчас уже не важно кто — за давностью лет и не таков списывают) вполне серьезно спросил:

— Простите, вы не родственник Остапа Бендера?

— Не понял, — смутился директор.

— Я хотел сказать, что вы человек с размахом, — поправился говоривший. — Торговый центр, комбинат бытового обслуживания — куда ни шло, но стадион, тир, бассейн, велоклуб, лыжная база — это слишком, это называется архитектурные излишества... Вы что, хотите к пуговице пришить пальто?

Директор понял, что спорить бесполезно, а бесполезных вещей он делать не любил. Поэтому молча свалил чертежи в портфель и вышел на улицу.

Поражение предъясняет к человеку значительно более высокие требования, чем победа. В этот момент необходимо собраться, хладнокровно взвесить все «за» и «против» и, мобилизовав силы, снова идти вперед, к намеченной цели. Кому такая задача по плечу, тот, как правило, и побеждает в результате.

На следующий день директор собрал в клубе коммунистов, комсомольцев, физкультурников и без обиняков выложил правду. В заключение сказал:

— Вот в какой переплет мы с вами, дорогие товарищи, попали. Но падать духом не следует. Инициатива в строительстве и создании спортивного ком-

плекса должна принадлежать нам. Конкретно — вам, физкультурникам. Стройте, держайте, выдумывайте! Я всегда приду на помощь. Нужен на вечер трактор или бульдозер — пожалуйста. На субботу? Берите на субботу. Организовывайте секции. На спортивный инвентарь, форму деньги отпущу. В общем, начинайте. Камень тяжело только с места сдвинуть. Под гору — сам покатится!

После собрания директор вызвал к себе главного инженера совхоза Эгилу Вилнитиса. Едва последний переступил порог, сказал:

— Что ты толковый инженер — знаю. А как архитектор не пробовал свои силы?

— Если надр...

— Надо. Меня типовые проекты не устраивают. Мне нужно... Внешний вид... черт с ним, пусть будет стандартным, но внутри все должно быть сработано, как в лучших домах, — удобно, просто, экономично.

— Что вы имеете в виду?

— Специфику. Допустим, пришли родители поболеть за детей — так пусть располагаются с удобствами. Поэтому спортзал при школе надо спроектировать с трибунами, открытый бассейн сделать доступным для пользования всем жителям совхоза, закрытый — строить без излишеств, как можно проще и дешевле.

— А разрешат?

Директор нахмурился, сказал с нажимом:

— Мы строим баню, а при бане — бас-

выполнил поставленные перед ним задачи, вышел в передовые. Не менее удачным обещал быть и второй год и третий, да только увидел вдруг директор то, чему по неопытности не придавал сперва значения: скучно живет народ, разобщенно, неинтересно. Нет ни Дома культуры, ни торгового центра, ни спортивной базы. Никто, правда, пока не жаловался — на нет, мол, и суда нет, но радости это молчание директору не приносило, ибо понимал, что идет оно не от полного удовлетворения духовных запросов и нужд, а скорее от уклада жизни этих людей, привыкших жить хуторами, замкнуто и обособленно, а собираться вместе только по большим праздникам.

И все-таки город успел наложить свой отпечаток на жизнь мадлийчан, и в первую очередь, конечно, на молодежь, которая потихоньку потянулась поближе к культурным центрам, стадионам, театрам. А молодежь — это будущее, это завтрашний день совхоза, и если его правильно не спланировать, то...

— Мудрая птица. — Директор взял под руку сопровождавшего его в поездке секретаря партийной организации совхоза Яниса Икауникса. — Ты посмотри, с каким комфортом этот негодяй устроился. У него все под боком — и река, и болото, и луг, на котором полно кузнециков. Живи в свое удовольствие! А мы? Совхоз организовали, а условий для отдыха, занятий спортом никаких.

— Я уже думал об этом, — со вздохом признался секретарь.

— Теперь давай думать вместе. — Директор взглянул на аиста, торопливо укладывающего очередную ветку в каркас гнезда, и ткнул в него пальцем: — Дело надо поставить так, чтобы он у нас житейской мудрости учился, а не мы у него.

Вопрос: как жить в дальнейшем сельскому жителю? — сегодня с повестки дня снят. Всем ясно: современной жизнью — социальной, производственной, культурной. На языке социально-экономическом это явление выглядит как коренное переустройство села, сближение его уклада с городским бытом. Тема эта действительно остра, актуальна и, как правило, сопровождается — и устно и в печати — такими броскими и эффектными подзаголовками, как «Веление времени» или, например, «Встреча с будущим». Но истинное положение дел в современной деревне, к сожалению, до сих пор желает много лучшего.

Почему? Да потому, что собственными силами многим колхозам или совхозам такое мощное комплексное сооружение, как торговый центр или спортивная база, просто-напросто не поднять, а городские власти (ЦК профсоюза работников сельского хозяйства, Министерство сельского хозяйства) навстречу идут не слишком охотно, у них свои проблемы, им план подавай. А иногда и рады бы помочь, да нечем — денег нет,

сейн. Двадцатипятиметровый. С тремя дорожками. Понял?

— Понял.

— Стадион — по последнему слову техники, но чтоб в глаза не бросался. Тир... Совмещенный санузел — знаешь что такое?

— Прекрасно.

— Так вот, тир совмести с беговыми дорожками... Идея ясна?

— Ясна.

Любовь к спорту... Где, когда, с чего она начинается?

С победы? Поражения? А может быть, с желания быть самым сильным, ловким, смелым?

Двадцать семь лет работает преподавателем физкультуры в мадленовской средней школе Андрис Карлович Шрадерс и все двадцать семь лет пытается разрешить этот вопрос, не подозревая, что ответ на него кроется в нем самом, в его искренности, в добром и отзывчивом сердце.

Школьники, как правило, сперва влюбляются в учителя, а затем уже в его предмет. Именно это и произошло с учениками Шрадерса, причем увлечение спортом приобрело у ребят столь серьезный характер, что многие из них если и не избрали бы его своей основной профессией, то по крайней мере занимались бы им всю жизнь. Возможность представилась — директор разрешил строительство спорткомплекса. И комсомольцы совхоза не упустили ее. Не дожидаясь особых приглашений, они сами пришли на помощь строителям и с энтузиазмом трудились на всех объектах стройки — знали: строят для себя. А между делом продолжали тренироваться, создавать новые секции. В общем, так или иначе, но ко дню завершения строительства физкультурой стал заниматься почти весь совхоз — школьники, мамы, папы, а иногда спортивный азарт захватывал даже стариков.

Как-то из совхозной конюшни пропали две молодые кобылы. Вечером были, утром нет.

— Где лошади? — напустился директор.

— Не знаю. — Старший конюх совхоза Индулис Розенштейн вперил взгляд в небесное пространство и замолчал.

— Знаешь, по глазам вижу, что знаешь! На хутор, что ли, отвел? Огород пахать?

Такого обвинения старик Розенштейн не выдержал:

— На лугу они, выгуливаются. — И, поймав на себе недоверчивый взгляд директора, пояснил: — Ребяточки их под седло присмотрели.

И тут вспомнил Белявникс, как недели три назад лихо промчалась мимо него верхом Сарма, младшая дочка Розенштейна, и сразу все понял.

Осенью он выделил деньги на покупку скаковых лошадей.

Секцию верховой езды возглавила Сарма Розенштейн. У нее второй разряд по конкурсу, она мечтает поступить в сельскохозяйственную академию и стать ветврачом.

В следующий раз директора подкузьмили бывшие ученики Шрадерса шофер Иван Провеис и оператор кормоцеха Юрис Микельсон. Заявились однажды в контору и говорят:

— Мы к вам, директор, с просьбой. Дайте, пожалуйста, на субботу бульдозер, трассу расчистить.

— Какую трассу?!

— Мототрассу.

— Далеко?

— Рядом. У старой мельницы.

К технике директор с детства пристрастие имел. В школе увлекался моделизмом, в техникуме — мотоспортом, в армии, в своем подразделении, считался лучшим водителем танка. Поэтому трассу решил осмотреть лично. Приехал и удивился — деревья спилены, пни выкорчеваны, мусор собран в аккуратные кучи: убери в сторону — и трасса готова. И какая трасса! Крутые подъ-

емы — некоторые больше сорока пяти градусов, коварные спуски, неожиданные повороты! Есть где показать силу, ловкость, мужество и мастерство!

— Хорошо, бульдозер я вам дам, — сказал директор, — а мотоциклы? Где вы их возьмете? — Он говорил серьезно, но глаза его смеялись, и ребята поняли, что будут у них и мотоциклы. Через два года Юрис Микельсон и Иван Провеис выполнили нормативы мастеров спорта. Не отстают от них и товарищи — почти все перворазрядники. На районных и республиканских соревнованиях, которые, кстати, проводятся на их родной трассе — она признана одной из лучших в Латвии, — они не раз занимали призовые места.

На сегодняшний день в совхозе «Мадлиена» работают около пятнадцати спортивных секций — баскетбольная, волейбольная, стрелковая, лыжная, тяжелой атлетики, в общем, всех не перечислишь. И у каждого из этих видов спорта есть свои поклонники и свои чемпионы, но лидирующее положение, как и в старые добрые времена, когда еще не было стадиона и прекрасных беговых дорожек с битумным покрытием, по-прежнему занимает легкая атлетика. В этом виде спорта школьники совхоза «Мадлиена» не имеют себе равных. Третий год подряд они выигрывают и зимние и летние районные спартакиады. А лучшие, например, метатели молота Айвар Плулис и Гунар Шкутанс, бегуны Янис Петерсон, Валда Кудэ и многие другие выступают за сборную республики.

Но главный приз — серебряную медаль ВДНХ — мадленовская средняя школа завоевала в 1980 году. Такой высокой награды она удостоилась за свой спорткомплекс и за прекрасную организацию спортивной работы. Заслуга в этом в первую очередь Андриса Шрадерса и его помощников — секретаря комсомольской организации Инги Пуданэ и тренера Яниса Маркевица. Янис Маркевиц по специальности — гидротехник, по призванию — спортсмен. Он долго занимался многоборьем, имел первый разряд по волейболу и по ноусу — национальной латышской игре; во время службы в армии, тренируясь у нашего прославленного стайера Владимира Куца, хорошо бегал средние дистанции.

Спорт в конце концов победил — Янис перешел на тренерскую работу. На новом поприще он проявил себя не только как вдумчивый, заботливый тренер, но и как прекрасный организатор. Вместе с Ингой они утвердили день ГТО и, чтобы избежать хаоса в соревнованиях, весь совхоз разбили на команды — команды трактористов, строителей, шоферов, рабочих механических мастерских, электриков, работников сельских учреждений. И усилили эти команды школьниками. Таким образом, родители — естественно, те, кто имел детей, — получили существенное подкрепление.

— На эти соревнования обычно собирается весь совхоз — и стар и млад, — говорит Янис Маркевиц. — Поболеть, посмеяться. Представьте: сын передает эстафету отцу, а после распекает заганного родителя за то, что тот якобы не полностью выложился. Тут уж из кожи вылезешь, а норму ГТО сдашь. Такого рода семейственность мы поощряем — зимой и летом проводим семейные эстафеты на приз лучшего спортсмена года. Победитель награждается бесплатной туристической путевкой по Советскому Союзу.

В прошлом году борьба за этот приз развернулась в основном между семьями Арвида Биндзманиса и Мартина Балодиса. И отдать кому-либо предпочтение было довольно трудно. Судите сами. Мартин Балодис — заядлый охотник, лыжник, шахматист. Виды спорта сугубо мужские. Но его жена, Вилма, не разделяет этого мнения: у нее второй разряд по шахматам, она выступает за сборную совхоза по стрельбе. Когда отец возвращается с охоты пустым, дочь Ивета, отличная баскетболистка и

лыжница, шутило замечает: «Ты бы, отец, у матери стрелять поучился». «А ты бы у меня плавать», — заступает за отца сын Андрис. Он учится в седьмом классе, но как спортсмен заявил о себе уже во весь голос — по третьему разряду плавает, играет в баскетбол и завоевал юношеские разряды по всем видам легкой атлетики.

Не менее знаменита и семья Биндзманиса. Арвид — главный электрик совхоза, жена, Майя, — электромонтер, но эта разница в табели о рангах ее не смущает: муж беспрекословно подчиняется ей на спортивных площадках — у него по стрельбе третий разряд, а жена входит в сборную команду совхоза, у него по ноусу второй разряд, она — чемпионка района 1980 года. Но в хоре, где они вместе поют, Арвид и Майя добиваются абсолютной слитности — два голоса звучат как один.

Не отстают от родителей и дети. Сын Айвар заканчивает школу, мечтает поступить в Московский институт физкультуры, дочь Инита еще учится в восьмом классе, но в спорте имеет взрослые разряды по основным видам легкой атлетики, плаванию, баскетболу, комплексу ГТО.

Год выясняли между собой отношения эти два неугомонных семейства. Первый этап борьбы, летний, главным спортивным событием которого является день ГТО, принес победу семье Биндзманиса, но второй, зимний, выиграла Балодисы — быстрее всех прошли лыжную эстафету, меньше падали, спускаясь на санях с крутых гор, и, что не менее важно, лучшими трудовыми показателями отметили встречу Нового года.

После долгих колебаний приз «Лучший спортсмен 1980 года» — путевку в олимпийский Таллин судейская коллегия вручила Вилме Балодис. Ей отдали предпочтение за то, что она в трудной борьбе сумела выиграть звание чемпионки района по ноусу.

«Спорт — это хорошо, — скажет искушенный читатель. — Ну, а производство? Ведь бывает и так: выигрывая в одном, проигрываешь в другом. Сводит ли Белявникс в своем хозяйстве концы с концами?» Сводит. План не только выполняется, но из года в год перевыполняется. Имеет ли спорт к этому отношение? Имеет. Но если откровенно, то, приступая к реконструкции совхоза, Белявникс об этом не думал, перед ним стояла совершенно другая задача: максимально приблизить жизнь села к городским условиям — облегчить ее, сделать интереснее, содержательнее.

И он выполнил эту задачу. Открыл аптеку, построил больницу, ясли, детский сад на 90 мест, комбинат бытового обслуживания, в котором можно отремонтировать телевизор, стиральную машину, обувь, пошить пальто или выходной костюм. Он открыл торговый центр с двумя магазинами — продовольственным и промтоварным, книжный магазин, кафе, в котором приятно выпить чашку кофе и обсудить последние новости; великолепную школу, клуб, несколько жилых 36-квартирных домов, наконец, спорткомплекс... И только после этого взялся за карандаш. Что же он выиграл?

Еще до реконструкции Белявникс подсчитал, что если ежегодно вкладывать в строительство 500—600 тысяч рублей, то бюджет совхоза от этого не пострадает — вложенные деньги возвратятся в кассу в течение пяти-шести лет. Это при условии, что не упадет производительность труда. А если возрастет... Производительность труда повысилась, совхоз стал гораздо прибыльнее, чем был. Если в шестидесятые годы он выполнял план на 103—104 процента, в семидесятые — на 110—115, то в восьмидесятые эта цифра увеличилась до 125. Совхоз сдал государству 4500 тонн молока, 9 миллионов яиц, 1600 тонн картофеля и 665 тонн мяса.

За счет чего, каких внутренних ресурсов это произошло? За счет обновления машинно-тракторного парка? За счет механизации и автоматизации некоторых видов работ? За счет внедрения новой техники? Несомненно. И все-таки главной действующей силой, позволившей выйти совхозу на передовые позиции, оказалась изменившаяся моральная атмосфера в хозяйстве. Люди почувствовали себя хозяевами и поняли, что то прекрасное будущее, с которым они уже соприкоснулись, можно завоевать только творческим отношением к делу, собственными руками.

А теперь возвратим Юлиа Белявникса к его подсчетам, за которые он засел, окончил — вчерне — реконструкцию совхоза. Что же он выиграл? Человека. И помог ему в этом... спорт.

Да, приобщение людей к спорту привело к тому, что в совхозе «Мадлиена» нет ни одного пьяницы (в совхозе проживает 2000 человек), ни одного трудного подростка («Мы не знаем, что это такое», — развел руками Андрис Карлович Шрадерс), ни одной разбитой семьи. Если вдуматься в эти факты, то станет понятно утверждение директора (об этом он скажет несколько позже, окончательно взвесив плоды реконструкции), что спорт для него — это прежде всего экономика. У него нет прогулов, которые резко снижают производительность труда, нет брака, нет отстающих — плохо, по его мнению, работает только человек с похмелья, но есть хорошее настроение хорошо отдохнувших людей, в руках которых спорится любая работа.

Что спорт — благо, точка опоры в решении многих серьезных проблем, утверждает не только директор. Такого же мнения придерживается все руководство совхоза — плановики, бригадиры, партийные и комсомольские работники. И мнение это не случайно родившееся, а выношенное, обоснованное, единогласно одобренное.

— Я никогда не думал, что спорт обладает такой огромной притягательной силой, — говорит секретарь партийной организации совхоза Янис Антонович Икауникс. — Раньше мы испытывали острый недостаток в квалифицированных специалистах — народ предпочитал работать в городе. Теперь положение изменилось. К нам идут и едут из самых дальних мест, в основном молодежь, которую прельщают не только хорошие заработки и возможность получить квартиру — стимул материальной заинтересованности мы тоже со счетов не сбрасываем, — но и то, что у нас есть все условия для культурного отдыха и занятий спортом.

Да, сегодня желающих работать в совхозе «Мадлиена» много, предложение, как говорится, превысило спрос, а вакантных мест мало, да и те заняты — ждут возвращения специалистов, которых совхоз за свой счет ежегодно посылает на учебу в сельскохозяйственную академию. И они возвращаются. Пульсирующая жизнь города с его бесчисленными кинотеатрами, концертными и спортивными залами, вояты в которые порой так же трудно и тяжело, как в битком набитый автобус в часы пик, больше не притягивает их. Они торопятся домой, где их ждут любимая работа и гостеприимно распахнутые двери... в том числе и двери спортивных секций — входи в любую.

Возвращается каждую весну в родные места и аист. Сядет на гнездо, осмолит хозяйским глазом свои владения и, заметив на дороге пылящий «газик» директора (движущаяся по полям темно-зеленая коробка на колесах давно превратилась для него в неотъемлемую часть местного ландшафта), пронзительно затрещит — то ли радуется, то ли проявляет недовольство по поводу неугомонной деятельности этого человека — не поймешь.

Прошу слова!

СБЕРЕЖЬ ЗЕЛЕНЫЙ ОКЕАН!

В редакционной почте много читательских писем, связанных с отношением человека к природе. Год от года письма становятся все тревожнее и тревожнее. С разных концов страны раздаются сигналы SOS: где-то гибнут леса, мелеют реки, тут и там хищнически уничтожаются растительный и животный мир.

Все взаимосвязано в могучей и мудрой природе: космос и биосфера Земли, животные и растения; человек же — совершеннейшее создание природы — целиком от нее зависим. И чем здоровее, прекраснее природа, тем здоровее и прекраснее сам человек. «Созвучье полное в природе» — эта поэтическая и научная формула поэта и философа Ф. И. Тютчева сейчас, в наш век НТР, особенно жива и актуальна.

Власть человеческого разума над природой велика, но не бесконечна. Щедрость природы не бесконечна тоже. Достигнуть полного созвучья во взаимоотношениях человека и природы, то есть воспитать экологическое сознание в каждом человеке, относиться к природе бережно, с уважением и благодарностью, — первейшая задача человечества. На XXVI съезде КПСС эта задача сформулирована конкретно и четко: «Усилить охрану природы, земли и ее недр, атмосферного воздуха, водоемов, животного и растительного мира. Обеспечить рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов».

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» в разделе «Охрана природы» разработаны и рекомендованы многообразные формы охраны природы и природных ресурсов. Там есть строки, прямо относящиеся к поднимаемой читателями теме: «Совершенствовать государственное управление и усилить контроль в области природопользования и охраны окружающей среды. Шире привлекать общественность к охране природы».

БЕДА ПРИРОДЕ — БЕДА ЧЕЛОВЕКУ

Помню, в 1979 году «Смена» выступила со страстным материалом в защиту леса — «Адвокаты зеленой рощи». Чаще нужно будить совесть читателей, чаще выступать в печати, особенно молодежной, с этой темой, ставшей истинно кричащей.

Хочу написать о бедах нашего сибирского леса. В окрестностях нашего небольшого городка, расположенного на берегу Ангары, к сожалению, мало лесов. А еще, казалось бы, совсем недавно, на памяти моего поколения, березовая роща, заросшая густой травой, с яркой клубничкой в летнюю пору, подходила к самым домам. В тяжелые годы войны был вырублен хвойный лес с холма. Теперь это лысая горка, с редкими догнивающими пнями. В годы войны вынужденную рубку леса можно оправдать. Но как горько смотреть на поваленные стволы никчемно срубленных сосенок, березок. Они срублены не для хозяйственных нужд, а так, «раззудись плечо, размахнись рука». Кто это делает? Черствый человек или подросток, пробуяющий свои силы и ловкость на беззащитных деревьях?

Толпы отдыхающих, среди которых немало истинных любителей и ценителей природы, в зимнее время, когда нашу Ангару скуют морозы, ходят в лес на ту сторону по льду. После этих походов сколько срубленных деревьев, сколько вырванного целыми охапками багульника!

Настоящее бедствие — пожары в наших небольших лесах: результат безалаберности и бездушия туристов и рыбаков. В жаркое, сухое время лета воздух насыщен запахом горячей хвои. В предновогодние дни, не желая покупать елки на городских базарах, люди идут в лес и рубят молодые елочки, сосенки «под самый корешок». При столь массовом походе за соснами и елками службе охраны леса одной не справиться.

Значит, городской Совет народных депутатов в первую голову обязан организовать посты охраны, включить в них комсомольцев, школьников, наконец, членов Общества охраны природы, которое, кстати, в Свирске существует.

Любовь к природе воспитывается в наших детях с раннего возраста, но, вероятно, воспитание поставлено слабо. Я уверена, что наряду с другими проблемами века эта проблема, может быть, одна из главных. Наши дети — это будущие хозяева земли, и хозяевами они должны быть рачительными. Да, проблемы природы, в частности русского леса с его дубравами, березовыми рощами, сосновыми борами, должны быть включены в школьную программу, и вопрос этот нужно поставить так же серьезно, как и вопрос изучения математики, физики, химии.

Человек — часть природы, но часть, наделенная разумом, и кому, как не ему, беречь, любить, приумножать окружающий нас зеленый, живой мир. Человек должен быть сознательным и благодарным членом живой природы, в противном случае — беда природе, а значит, и человеку.

Татьяна ВАСИЛЬЕВА,
контрольный мастер
завода «Востсибэлемент»,
г. Свирск Иркутской обл.

ПРЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Сейчас так много говорят и пишут о нарушении экологического равновесия, что кажется, будто мы живем в соломенном доме, вокруг которого дети бегают со спичками. Человек и окружающая среда — проблема номер один. Отношение человека к природе находится в прямой зависимости от культуры человека вообще.

...Каждое лето тысячи жителей нашего города стремятся вырваться на природу из огромного лабиринта ультрасовременных улиц, от людской суеты, от надоевшего, как телевизор, соседа, от духоты, пыли и выхлопных газов автомашин. От всего того, что так раздражает в век нервного перенапряжения. Как спасение от всего этого — недалеко от города Боровецкий лес. Березняки, душистый бор на крутом берегу реки Шильники, непроходимые чащи, охотничьи угодья, на просеках и вырубках — заросли малины, среди берез много земляники, грибов. Лес одной стороной подходит к излучине Камы, вдоль другой течет Шильника. Это любимое место отдыха челнинцев, живущих в Новом городе.

Вот уже пятое лето подряд я бываю в Боровецком лесу. Тут у меня любимые места и затаенные уголки. По площади лес невелик, примерно сорок километров в длину и около десяти в ширину. С каждым годом он — незнакомое мне меняется: вырубается площадка для буровых установок и построек различного характера. Лес, словно паутиной, опутан бетонными, грунтовыми и иными дорогами. Казалось бы, что делать на машине в лесу, который под боком у города! Его за день можно пешком исходить вдоль и поперек. Но у нас ведь не принято ходить в лес пешком. Вот и едут: на мопедах и мотоциклах, на легковых и грузовых автомашинах, на автобусах и даже на колесных тракторах. Едут, едут, едут. Как говорят сейчас — «массовый выезд!» Везут в лес консервные банки и стеклотару, увозят из леса грибы, ягоды, целые снопы цветов и трав. И так из года в год. В лесу можно встретить бугор застывшего бетона, кучи мусора.

На правом берегу Камы, за плотинной ГЭС, — сосновый бор, вековые сосны которого еще при Екатерине II шли на мачты для русского флота. Здесь, близ Елабуги, — родины И. И. Шишкина, родились его знаменитые картины «Корабельная роща», «Рубка леса», «Утро в сосновом лесу». Спасибо, что осталась память о природе хоть на полотнах.

...Когда едешь из Нового города в поселок КамГЭС на трамвае, то за деревней Орловской видишь, как извивается, словно стремясь ускользнуть от колючих котлет, речка Челнинка, зажатая глыбами бетона и строительным мусором. По левую сторону от остановки «Орловское кольцо» видишь

свалку, вся грязь из которой течет в реку. В старину это место называлось Сухой лог. Позже жители Орловки переименовали его в Яков лог. До 1970 года здесь, на краю села на высоком каменном фундаменте стоял крепко срубленный сосновый дом, в котором жил крутого и решительного нрава сельский кузнец Яков Фаддеев. Больше всего на свете он любил, пожалуй, свою работу и свой сад. Не случайно этот сад считался лучшим в округе. Видел Яков, как чахнет лог, разрушаясь от эрозии, а вместе с ним чахнет и речка, которая питается в основном талым снегом, накопившимся за зиму в логу. Видел и не мог остаться равнодушным. Ведь что такое речка для деревни? Не велика она была, но водилась в ней рыба: и язь, и голавль, и плотва. Колхозный огород каждое лето поливался ее водой. Вот и стал Яков Фаддеев обсаживать склоны лога и реки тополями. Год за годом. Много лет подряд. Так и сохранил Челнинку людям. И как бы в награду лог стали называть Яковым логом.

Но пришла большая стройка. Лог превратился в свалку строительного мусора. Речка стала руслом сточных вод. Теперь в ней даже лягушки не живут.

Я вспоминаю эту историю, рассказанную старожилыми, и задаю себе вопрос: что же заставляло этого человека не только беречь, но и животворить природу? Но разве может художник ответить, почему он рисует, или поэт, почему он пишет? И кто думает о подвиге, совершая подвиг? Это дань земле, на которой жили наши деды и прадеды, на которой остаются жить наши дети и внуки.

Александр Околеснов,
г. Набережные Челны

НУЖНЫ ДЕЙСТВЕННЫЕ МЕРЫ!

В течение десяти лет я провожу весенние и летние месяцы на Оке, в Рязанской области; хорошо знаю район между г. Касимовом, селом Токарево и поселком Лашмой. С глубокой горечью убеждаюсь, что в этих местах сложилось бедственное положение в лесах и на реке. Много леса уничтожено впустую при постройке газопровода и дорог. Разве нет хозяина, который отвечал бы за порядок и сохранение леса, реки? Лес изводят кому угодно: и организации и частные лица вывозят бревна на машинах, тракторах, оставляя сучья гнить в завалах. Гоняют по лесу скотину, которая вытаптывает грибки, ягодник, траву. Раньше, во время войны, лес рубить не разрешали, собирали только сучья, чем очищали лес. Сейчас лес рубят, щепки летят в буквальном смысле.

Немного об Оке. Она тоже меняется не в лучшую сторону. Промышленные предприятия, суда, ходящие по реке, обрывают остатки нефтепродуктов, и часами можно наблюдать, как на воде держится радужная пленка. Рыба гибнет от этого; да еще к тому же ее уничтожают браконьеры. Работники рыбоохраны никого не привлекают к ответственности, а почему? Далее: на берегу Оки два карьера, Акишенский и Касимовский, где в плановом порядке добывают известняк и камень, часты случаи, когда одиночные баржи берут камень где попало, чаще всего возле села Малеево. Они уродуют берег, заваливают камнем русло реки. Этим самодеятельным добытчикам наплевать на последствия их «работы». Контроль за сохранностью природы со стороны районных и областных организаций отсутствует. Воспитание экологического сознания людей важно и нужно, но одних разговоров в печати недостаточно. Нужны действенные меры на местах.

А. Н. БУГРОВ,
ветеран войны и труда,
Москва

НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ГОРОДА

В Чебоксарах, в городе, где я живу, немало парков и скверов; северо-западная его граница соседствует со знаменитыми чувашскими дубравами. Что и говорить, пожаловаться на недостаток зелени Чебоксары не могут, но если присмотреться повнимательней к этим паркам и скверам, зайти в пригородную дубраву — невольный комок к горлу подкатывает! Под каждым деревом битые бутылки, пачки из-под сигарет, бумага. Действительно, дубрава наша без мусора была бы замечательна. Когда-то в ней росли трехсотлетние дубы; сейчас от них сохранились лишь огромные пни. Кстати, пни эти облюбовали для «застолья» местные «выпивохы», благо гастрономом через дорогу. Школьные лесничества в сельской местности и в небольших городах районного назначения совсем не редкость, а как же быть с ребятами, проживающими в крупных промышленных городах? Кто научит их, знающих природу лишь по книгам, по фильмам, по редким выездам за город, любить и понимать этот прекрасный, удивительный мир лесов, рек и озер? В крупных городах должны быть тоже «зеленые патрули». Так ли уж трудно очистить пригородные зоны лесов, парки и скверы от мусора, навести чистоту и порядок?

Наташа СИНЦОВА,
17 лет, студентка лесотехнического техникума
г. Чебоксары

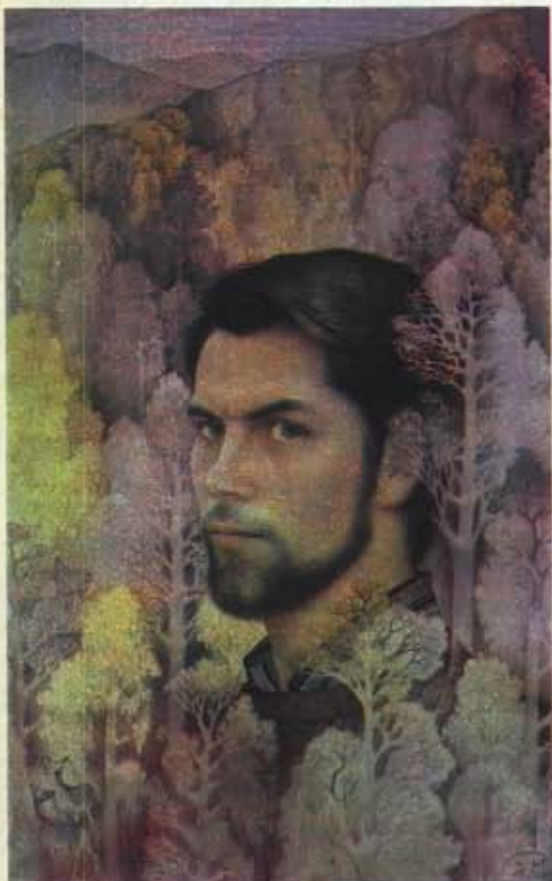
Первое чувство, которое я испытал здесь, — какая-то непонятная тревога. На меня смотрело множество глаз. С рисунков, картин, этюдов, набросков они следили пристально за каждым моим движением, ловили мои слова, безмолвно вступали в разговор...

Вероятно, подобное чувство испытает каждый, кто впервые войдет сюда, в мастерскую московского художника Юрия Михайловича Ракши. Особенно сейчас, когда художника нет среди нас.

Юрий Михайлович создавал мастерскую сам, по своему проекту. Именно создавал.

— Хотелось, чтобы мастерская стала продолжением моей творческой программы, — объяснял он. — И я старался сделать пространство активным, разнообразным, чтобы оно воспринималось долгое время, чтобы каждый раз возникали новые точки видения, новые ракурсы...

Поэтому и появились переходы, арки, ниши, разнообразные «уголки», «итальянский дворик». Дверь на небольшой балкон — дверь в ночной город: с высоты семнадцатого этажа дома кажутся макетами на киностудии, бегут машины, светятся окна. И над всем этим ночным точечным свечением, на стене балкона — белая мадонна Донателло. Как бы парит над городом...

АВТОПОРТРЕТ.

В создании интерьера художнику очень пригодился его опыт работы с пространством, накопленный в кино, куда Юрий Михайлович Ракша пришел совсем молодым, в 1963 году. Еще в институте кинематографии при защите диплома профессор Юрий Пименов, известный советский художник, старший друг и учитель Ракши, заметил: «Вам, Юрий, надо писать, обязательно писать!»

Но тогда Юрий Ракша был далек от живописи, он работал в кино, иллюстрировал книги, пробовал себя и в плакате и в театре. Лишь потом появились первые живописные композиции. Возникали замыслы, которые не отпускали, становились навязчивым. Так родилась картина «Воскресенье»... Звучала в ней тишина, и грусть, и сдержанная музыка деревьев, травы, неба. Она появилась в выставочных залах, была сразу замечена. Вроде бы надо писать, отбросив все постороннее, мешающее, но снова захватывает кино.

В работе над фильмом «Время, вперед!» для Юрия главным было эмоциональное прочтение и образное осмысление сценария. Первые пятiletки! Магнитострой! В воображении художника слились воедино и работы Пименова, и романтический энтузиазм 30-х годов, и судьба его матери, тоже строившей Магнитку.

А потом, года через три, появилась картина. Художник назвал ее «Моя мама». Она была посвящена ее молодости, ее памяти. Картина как бы лучится изнутри: и стены, и пол, и фигуры девушек

Александр ХАРЬКОВ

МИР И ВЗГЛЯД ХУДОЖНИКА

словно светятся. В них столько молодости, здоровья, духовной красоты! Кажется, ни один советский журнал не оставил картину без внимания, вот уже более десяти лет она путешествует по всему миру. В 1971 году во второй раз побывала в Париже и принесла художнику диплом всемирной Биеннале молодых. А после выставки в Лондоне, в галерее Хейуорд, английские газеты приравнивали успех «Моей мамы» к «Обороне Петрограда» Александра Дейнеки, классического произведения советской живописи.

И все же кинематограф удерживал Юрия — интересно и освоение различной стилистики и поиск изобразительного решения нового материала.

Фильм «Дерсу Узала». Когда я попросил Юрия рассказать о работе с Акиро Курасавой, он не смог сдержать улыбку — и это понятно: слишком традиционный вопрос. Огромный успех, первая премия на IX Московском международном кинофестивале и «Оскар» американской академии киноискусства за 1976 год.

— Мне, как художнику, была отдана, так сказать, на откуп этнографическая и историческая сторона. Я набрал столько материала, что огромная часть осталась за кадром.

Мы долго перебираем эскизы — их было сделано великое множество. Выполненные маслом, они явились своеобразной цветовой увертюрой к фильму.

ПРОДОЛЖЕНИЕ (МАТЬ И ДОЧЬ).

КУЛИКОВО ПОЛЕ.

С тех пор художник не раз возвращался в своем творчестве к дальневосточным мотивам.

— Один фильм сменялся другим. А это всегда поездки, новая натура, новые съемочные площадки, рисунки, этюды. И товарищи. Работа с различной драматургией, режиссурой очень помогала мне, — говорил художник.

Одним из единомышленников художника в кинематографе была режиссер Лариса Шепитько. С ней Ракша работал над фильмом «Восхождение», снятым по повести Василя Быкова «Сотников». В мастерской висит эскиз к этому фильму. Сотников перед казнью... Это был первый эскиз, и он явился заглавным, определяющим, стал основой образа. Исполнитель этой роли актер Борис Плотников был найден буквально с портретным сходством. Эскиз «Сотников» стал как бы носителем самой идеи фильма.

Все более и более художнику становилось ясно: нельзя служить двум музам, кино и живописи, одновременно. Не успеть. Как не успел близкий друг художника писатель Василий Шукшин закончить все задуманное им в кино и литературе. Как не успел сам Ракша написать портрет Василия Макаровича. И жизнь Шукшина, мечтавшего целиком посвятить себя литературе, и сама его смерть стали для Юрия последним, что заставило его сделать окончательный выбор.

Последняя дань кинематографу была отдана в

МАЛЕНЬКИЕ КУПАЛЬЩИЦЫ.

триптихе «Кино». Материалом послужила работа над фильмом «Восхождение», а героями картины стали создатели ленты — режиссер, оператор, художник, актеры...

Итак, живопись — только она!

На холсте — группа людей, среди которых и сам художник. Это люди одного поколения, одного возраста, люди в середине жизни, связанные друг с другом глубокой духовной общностью. Этот групповой портрет друзей назван «Современники». На одной из московских молодежных выставок картина отмечена премией Московского комсомола.

Однако мнения разделились. Все единодушно признавали мастерство художника, но некоторые критики считали, что герои мало связаны между собой, разобщены. Мне думается, картина выстроена очень осмысленно, хотя, быть может, художник отступил на этот раз от привычных канонических жанровых полотен. Действительно, прямой связи героев — жеста, действия — на полотне нет, но существует прочная внутренняя связь. Она подчеркивается композицией, цветом, линейным и перспективным построением.

«Рожденным жить» — картина о Вьетнаме.

Вьетнам. Огненная точка на карте. Поездка трудная, все так близко — ужас, горе, смерть. И — жизнь. Вновь и вновь поднимающаяся из руин.

— Меня поразила жизненная сила этого народа, где мужчины — воины и труженики одновременно, женщи-

ны — солдатки и матери, а дети совсем обыкновенные, такие же быстрые, любопытные...

На стенах мастерской — портреты, пейзажи.

Юрий Ракша очень любил новые впечатления, поездки. За ними всегда — новые холсты, полные папки рисунков.

Вот цикл небольших работ «У себя дома». Их девять. Эти милые художнику картины детства, родины, русской провинции, где уживаются и старое и новое, выполнены красочно, в манере, близкой к народным картинкам, к лубку. Собирая материал для своих полотен, художник не только много рисовал, он делал заметки, записывал разговоры прямо на полях рисунков.

Было все: замыслы, планы, желание работать. Мало оставалось одного — жизни, чтобы закончить, написать, реализовать, сделать. Вдруг обнаружилась тяжелая болезнь. Зная о ней, Юрий нашел в себе мужество и силы продолжать работать.

Нужно было успеть главное — написать свою картину. Тогда-то Юрию Ракше и было сделано неожиданное предложение — написать большое полотно на сюжет Куликовской битвы. Картина предназначалась для выставки иконописи, живописи и графики в Государственной Третьяковской галерее, посвященной 600-летию юбилею Куликова поля. Поначалу это не вызвало ничего, кроме недоумения. Ведь герой полотен Ракши — современник, человек, прочно обосновавшийся в веке двадцатом. Последняя работа художника называлась даже «Разговор о будущем». И вдруг — столь давнее событие.

...Колокола гудят по всей великой Руси. Собирается на битву весь народ русский... По-разному разрабатывался сюжет битвы на Куликовом поле в живописных композициях. Сразу вспоминаются иконописные лики, шлемы русских богатырей с полотен Васнецова, Нестерова, Фаворского.

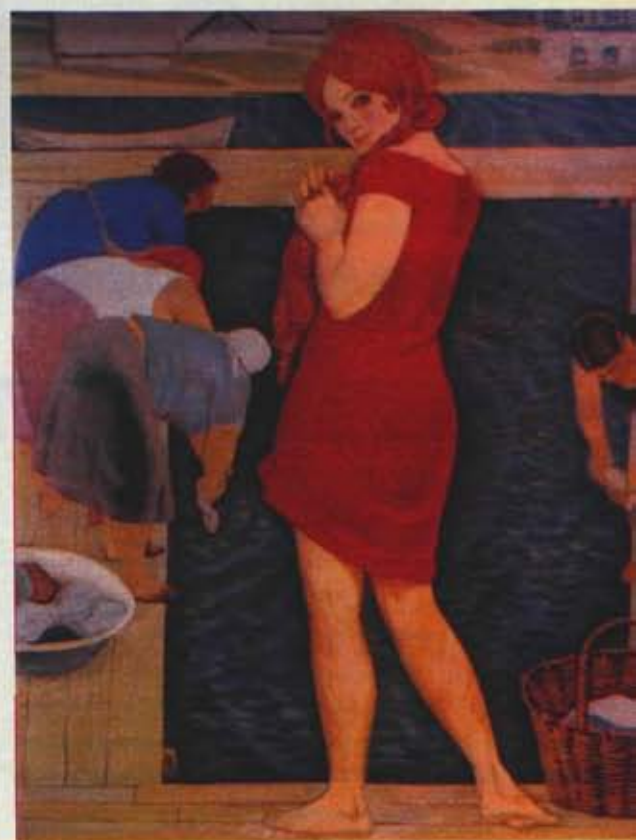
— Постепенно картина так вошла в меня, что уже не отпускала. За работой, за делами, отдыхая — я все время помнил о ней, был полон ею...

Первый период работы над картиной, когда необходимо отбросить все до тебя сделанное, до тебя увиденное, выкристаллизовать свое восприятие, был для Юрия Ракши трудным и продолжительным. Многие сюжеты, возникавшие в голове, еще не написанные, уже были. В процессе работы, изучая материалы, делая эскизы, размышляя над композицией будущей картины, художник так приблизился к давнему сентябрьскому утру, словно сам был там. И понял: не надо увлечений этнографической стороной, не надо стилизации под древнерусскую икону. Писать воинов Дмитрия с людей сегодняшних, с современников — только так!

Интуитивно угаданное подтвердилось, когда мастерскую заполнили друзья художника, с помощью взятых на «Мосфильме» костюмов превращенные в русских ратников.

Трудно давалась композиция будущего полотна. Слишком многое эмоционально должна вместить картина, оставаясь не перегруженной. Художник избирает форму триптиха. Это давало возможность продлить изображение во времени, усложнить внутреннюю драматургию картины «Куликово поле»

Продолжение на IV обл.

ДАРИТЬ ЖИЗНЬ!

Первым по сигналу «пожар» прибыли на совхозную ферму воины одного из мотострелковых подразделений, что располагалось неподалеку. Бойцы действовали быстро и четко: разделили загоревшиеся от грозы помещения на зоны, начали выводить скот, спасать оборудование, умирять пламя.

Благодаря мужеству солдат огонь был ликвидирован еще до прибытия пожарной команды, которой пришлось добираться до фермы не один километр. Полностью был спасен и скот, ценнейшее маточное стадо коров.

В этом поединке с огнем большинство воинов не пострадали, если не считать легких царапин и сгоревших гимнастеров. Серьезные ожоги получил лишь младший сержант Владимир Карамышев. Именно он первым проник в помещение фермы. Владимиру срочно требовалось переливание крови.

Как только весть об этом дошла до товарищей Владимира, подразделение выстроилось на плацу. Командир роты спросил, кто готов дать свою кровь для спасения товарища. Не сговариваясь, шаг вперед сделали все воины до одного. Врачи отобрали восьмерых. После переливания Владимир быстро пошел на поправку.

Это лишь один эпизод, когда донорская кровь спасает человеческую жизнь. Трудно переоценить значение безвозмездного донорства в масштабах всей страны.

Подводя итоги огромной работы, проделанной комитетами комсомола в ходе выполнения постановления Секретариата ЦК ВЛКСМ и Президиума исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца «О дальнейшем развитии донорского движения среди молодежи», следует отметить, что лучших показателей в этом наиважнейшем деле добились комсомольские организации Амурской, Оренбургской, Белгородской, Ярославской областей, Таджикской, Латвийской, Узбекской, Белорусской, Киргизской и Украинской ССР. К примеру, в Ярославском государственном медицинском институте из каждой тысячи студентов почетного звания доноров удостоены 780 юношей и девушек. Скольким же людям вернули здоровье только они!

Владислав ПЕТРОВ

УВЛЕЧЕНИЯ

СОТВОРИТЬ ГОЛУБЯ

У семипалатинца Николая Овсянникова мальчишеская страсть к голубям с годами переросла в творчество селекционера. В его многочисленных голубятнях около двухсот различных видов птиц. Некоторые он вывел сам. Десятилетия уходят на то, чтобы создать свой, оригинальный экстерьер птицы. Голубевод-любитель научился украшать голубя перьевой шалью, во-

ротником, бантом, чубом, может оперять лапы и изменять длину клюва птицы. В общем, творит чудеса.

Известный своим искусством в нашей стране, Н. И. Овсянников на недавней международной выставке голубеводов в городе Сочи за свою коллекцию декоративных голубей получил две золотые медали и диплом первой степени.

На ВДНХ СССР на одном из вольеров для голубей можно увидеть табличку с надписью: «Семипалатинские краснопалые, выведены голубеводом-любителем Н. И. Овсянниковым».

Владимир РЯБОВ

К ОТЕЧЕСТВУ С ЛЮБОВЬЮ

Удивительное это дерево. Стоит оно посреди огромного чистого поля, на самом краю земли нашей, на берегу Дуная—реки пограничной, вблизи города Измаила. Дерево возвышается над полем, как утес над морской гладью. Но камень мертв. А дерево—сама жизнь. Оно огромно и буйно, такую ольху встретишь редко, вершина ее от земли шагнула на тридцать с лишним метров, а под кроной может укрыться целиком тракторная бригада вместе со своей техникой.

Но знаменито дерево тем, что уже многие, многие годы птицы стаи, уходя за Дунай, словно прощаясь со своим домом, садятся на него. Сотни, тысячи птиц, сменяя друг друга, прощально поют и щебечут в его листве, прежде чем улететь в чужеземные края. Но и возвращаясь весной на свою родину из дальних мест, они не минуя своего пограничного дерева, обязательно прервут лет, чтобы коснуться его ветвей.

А ведь есть и у людей такое дерево, когда уходят они из дома в свои человеческие странствия. Ну пусть не дерево—камень на окраине села, старый парк у городского квартала, скамья во дворе. Мы уходим от них и возвращаемся к ним. Они символы того, что нам особенно близко и дорого, символы нашего Отечества.

Эту ольху мы снимали в сумерках. И как бы нам этого ни хотелось—фотопленка, даже самая чувствительная, не смогла воспроизвести очертания гнезда на самой вершине. Спали и его обитатели—аисты. Они старожилы дерева, хозяева и гнездятся здесь долгие годы. Прилетает их пара, но спустя месяцы уходят в небо пятеро, а то и шестеро. Продолжается жизнь.

Ян ВЛАДИН.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

ПОГРАНИЧНОЕ ДЕРЕВО

культета Ленинградского политехнического института—пришел в научно-технический кружок ракетчиков. Здесь он участвовал в изготовлении порохового двигателя и переносного стенда для его испытаний. Внутри институтского двора студенты осуществили около шестидесяти огневых запусков.

После перевода факультета в Московский авиационный институт кружок разросся—вместо пяти в нем занималось уже восемнадцать студентов. С 1930 года консультантом кружковцев стал Фридрих Артурович Цандер.

В 1932 году Н. И. Ефремов в период преддипломной практики занимался под руководством специалистов расчетами авиационных конструкций на прочность. А потом наступила пора самостоятельной инженерной деятельности в Бюро особых конструкций ЦАГИ. Но увлечение ракетами продолжалось. Собирались на Садовой улице, в доме № 19. Здесь тогда размещался ГИРД, возглавляемый С. П. Королевым и его коллегами М. К. Тихонравовым, Ю. А. Победоносцевым, Ф. А. Цандером. В том же году Ефремов полностью соединил свою судьбу с ГИРДом. Он заместитель начальника бригады М. К. Тихонравова по ракетам и двигателям к ним. С 1932 по 1934 год коммунист Н. И. Ефремов возглавлял партийную организацию ГИРДа, был ведущим инженером по первым жидкостным ракетам ГИРД-09, ГИРД-07, ГИРД-05, которые штурмовали небо Подмосковья.

...В удостоверении под номером семь о награждении медалью имени летчика-космонавта Ю. А. Гагарина стоит имя Николая Ивановича Ефремова. Этой высокой награды Федерации космонавтики СССР он удостоен в год двойного космического юбилея—пятидесятилетия ГИРДа и двадцатилетия первого полета человека в космос.

Н. И. Ефремов и сегодня в строю активных пропагандистов идей Циолковского, Королева, Цандера, их, последователей и учеников.

Виктор ТУРЬЯН

На снимке: август 1933 года. Перед запуском ракеты ГИРД-09. Третий слева Н. И. Ефремов, парторг ГИРДа

СТРАНИЦЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ПАРТОРГ ГИРДа

«Уважаемому ветерану ракетной техники и космонавтики, парторгу ГИРДа Николаю Ивановичу Ефремову от актива музея космонавтики Дзгсинской средней школы Усть-Алданского района Якутской АССР»—такая надпись сделана на альбоме, преподнесенном ребятами этим летом Н. И. Ефремову на третьей конференции актива школьных музеев авиации и космонавтики, где он выступил с воспоминаниями о работе ГИРДа.

А началось все в 1929 году, когда Ефремов—студент авиационного фа-

КОНКУРСЫ

НА РАБОЧУЮ ТЕМУ

В эти первые месяцы нового учебного года учащиеся средних профтехучилищ страны пишут сочинения о героике и красоте труда, о его непреходящей жизненной ценности—проходит Всесоюзный конкурс сочинений, организованный Государственным комитетом СССР по профессионально-техническому образованию и журналом «Смена».

Учащимся всех курсов предложены следующие темы:

- «Работа как дело жизни».
- «Человек, на которого я равняюсь».
- «Что я умею, что хочу уметь».
- «Своим трудом мы Родину прославим».

В профтехучилищах, в областных управлениях профтехобразования, госпрофобрах союзных республик созданы жюри, в которые входят лучшие учащиеся, комсомольский актив, преподаватели, рабочие базовых предприятий, ветераны труда, наставники, творческие работники.

Сочинения, отобранные в итоге конкурса, будут опубликованы на страницах нашего журнала.

ДЕТСКАЯ ДИСКОТЕКА

В Ереване при Дворце молодежи организована одна из лучших в стране дискотек для детей. Завуч 128-й ереванской школы Н. С. Петросян этим очень даже довольна — раз, а то и два в неделю ученики на дискотечных вечерах слушают лекции о детской музыке и песне, танцуют и поют. Увлекательно, с большой выдумкой ведет эти занятия диск-жокей Михаил Манвелян.

Каждая новая встреча ребят с музыкой особая, ведь на «огоньки» дискотеки приходят интересные люди. Однажды, например, тут «гостил» руководитель детского ансамбля «Аревик» Роберт Петросян. Ему понравился голос ученицы четвертого класса Нарине Егиазарян, и он пригласил ее в свой коллектив. Нарине стала солисткой, и, возможно, увлечение песней определит в будущем ее судьбу.

Только в этом году в детской дискотеке побывало около тысячи человек.

Леонид ЗАГАЛЬСКИЙ.
Фото Алексея ФЕДОРОВА

ВЕРНЫЕ И ВЕЧНЫЕ ДРУЗЬЯ ДЕТСТВА

В Москве состоялась советско-французская встреча «Литература для детей и юношества в нравственном становлении личности». Она была организована Ассоциацией деятелей литературы и искусства для детей Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами совместно с обществом «Франция—СССР».

Литература сегодня вышла — и прочно — на особый рубеж в деле воспитания подрастающего поколения: она стала мудрым наставником и помощником юных в создании духовного, нравственного багажа, с которым им предстоит вступить в многосложную и многогранную взрослую жизнь. Формирование круга чтения подростков — теперь это проблема не столько библиографического характера, сколько социального. Эта мысль была определяющей на встрече.

В зале заседаний.

Открытие выставки французской детской книги, на которой была представлена книгопродукция двадцати четырех издательства и творчество книжных графиков.

Критик Жаклин Дюбуа и издатель Катрин Скоб выразили в связи с этим большую озабоченность тем, что французский рынок искусства затоварен книжным, кино- и телеширпотребом. В этих условиях, подчеркнули они, важна умная и энергичная пропаганда классики, лучших образцов писательского творчества для детей и юношества. Гости высказали пожелание, чтобы книги современных советских авторов, пишущих для юных, расширили круг чтения французской детворы.

Выступившие на встрече советские писатели, художники, педагоги, библиотекари говорили об ответственности деятелей искусства в формировании юных характеров, поделились планами, рассказали о своей работе, о новых и перспективных формах пропаганды лучших произведений для детей.

Участники встречи побывали в Таллине, где беседовали с педагогами, деятелями театра и кино, детскими и юношескими писателями; посетили Дворец пионеров и школьников в Москве, библиотеки столицы, а также были гостями III Международной книжной выставки-ярмарки.

Встреча вызвала большое внимание и интерес советской общественности, молодежных и творческих организаций страны.

Бороться за счастливое будущее детей планеты — значит бороться за мир на Земле. Эта тема была ведущей во всех выступлениях.

Андрей ЯХОНТОВ,
вице-президент
Ассоциации деятелей литературы
и искусства для детей

МОЛОДОМУ СПЕЦИАЛИСТУ

ИГРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

В расписании лекций 5-го курса строительного факультета Киевского инженерно-строительного института можно увидеть довольно странную графу: «Игра». А если зайти в аудиторию, то убедишься, что тут на самом деле играют: в прорабов, бригадиров, начальников участков и строков. Возле каждого студента — табличка с его фамилией и «должностью».

Преподаватели института разработали десять крупных деловых игр. Они отражают производственные связи и ситуации, реально возникающие в жизни. В аудиториях студенты прорабатывают варианты решения важных народнохозяйственных задач и находят оптимальный.

В процессе игры постепенно поступает оперативная информация о том, как изменится ситуация на стройке. Как и в жизни,

здесь помогают знания, опыт и интуиция. Как и на практике, здесь могут подвести самые тщательно продуманные планы, схемы. Таким образом, игра значительно сокращает время, нужное для адаптации молодого специалиста на производстве.

Игре всегда сопутствует дух соревнования. Например, в разных аудиториях студенты разных групп решают одну задачу: строительство одного и того же объекта. Кто «построит» быстрее и интереснее, тот победитель.

Энтузиасты новой формы обучения считают, что у такой игры — большое будущее. Они предлагают проводить игры и между вузами одного профиля.

Елена ГОЛОВАНЬ

ЗНАНИЯ — ЮНЫМ

«ШВИТУРЕЛИС» ПОДНИМАЕТ ФЛАГ

Каждый год в летний лагерь «Швитурелис» («Маячок») собираются учащиеся школ из разных уголков Литвы. Иногда приезжают и гости из соседних республик — в прошлом году в лагере гостила группа ребят из Эстонской ССР. Жизнь детей здесь начинается с того, что они надевают синие мундирчики с белыми портупьями и выстраиваются на площади торжественных линеек. Взмывает ввысь флаг, и открывается лагерь юных инспекторов движения «Швитурелис».

Чем же здесь занимаются летом двести будущих юных инспекторов движения?

Под наблюдением инструкторов — а их роль выполняют опытные сотрудники ГАИ — ребята учатся водить мотоциклы. Каждый год вручаются водительские удостоверения мотоциклистов двадцати пяти юным инспекторам движения. И обязательно каждый воспитанник «Маячка» не меньше семи часов проводит за рулем настоящего автомобиля — разумеется, тоже под полным контролем инструктора. Но один из самых важных предметов — практические занятия на велосипеде, когда особое внимание уделяется соблюдению правил дорожного движения. Ну, и, разумеется, все самым внимательнейшим образом изучают «Дорожный кодекс». Во всем остальном ребята не меньше, чем их сверстники из других лагерей, вкушают радости лета. В конце лета дети получают удостоверение ЮИД.

А приобретаемые необходимые знания дорожных правил, юные инспектора движения дежурят на улицах городов. Объект их особого внимания — сверстники: и пешие и на колесах. Статистика утверждает: там, где работают воспитанники «Швитурелиса», резко уменьшается детский травматизм от автоаварий.

Леония-Гируте МАЦЮЛЯВИЧЕНЕ,
капитан милиции,
начальник отделения агитации и пропаганды
ГАИ МВД Литовской ССР

А ЧТО У ВАС?

Джон Д. МАКДОНАЛЬД

Перевод с английского
Татьяны ГИНЗБУРГ.

На северной оконечности города на автомобильной стоянке было полно машин. Я осторожно пробрался между ними, заглядывая в окна в поисках ключей от зажигания. Я едва не наткнулся на какую-то пару, сидевшую в машине. Только по счастью они меня не заметили. Пригнувшись, я пробежал дальше и забрался в кузов грузовика. Здесь оказалась пропахшая рыбой парусина, и я залез под нее.

Прошло не менее получаса, пока явились двое людей. По-моему, это были молодые парни. Они сели в кабину и повели машину на север. Дорога была хорошей, и ехали они быстро. Ветер свистел, хлопая краями парусины. Я старался считать мили. Неожиданно грузовик стал замедлять ход. Я рискнул выглянуть. Машина съезжала на проселочную дорогу. В стоящем под соснами доме горел одинокий огонь. Я отбросил в сторону парусину и, перевалившись через борт, полетел в кювет. Я упал ничком, но перевернулся на спину и посмотрел на звездное небо. Над моим ухом жужжали москиты. Грузовик уехал. Когда я выбрался из кювета, огонь в доме уже погас. Я поплелся на север, усилием воли заставляя себя переставлять ноги. Я был точно заводная игрушка. Закрученная до отказа пружина теперь раскрутилась, и я двинулся только по инерции.

Никогда еще не предпринимал я ничего подобного. Возможно, подсознательно я рассчитывал быть похожим на тех книжных героев, которых злость и отчаяние делают неутомимыми. Но сейчас мне просто хотелось лечь в канаву и лежать или попроситься во встречную машину и поехать назад. Ноги у меня гудели, зубы ныли, и я чувствовал себя совершенно вымотанным. Я не знал, куда и зачем бреду. Услышав далеко позади завывание сирены, я продолжал идти, твердя себе, что для меня ничто уже не имеет значения.

ЛИНДА

Затем во мне вдруг проснулся страх, заставив действовать. Я снова кинулся в кювет и застыл. Сирена, воя на высокой ноте, пронеслась мимо и заглохла вдали на севере. Просто невозможно, чтобы это был я, немисливо, чтобы я прятался, как зверь, прислушиваясь к биению собственного сердца. Прежний Пол Коули никогда не мог бы вести себя подобным образом. Но, может быть, он перестал существовать, когда прозвучал тот выстрел. Может быть, кусочек свинца, убивший Стеллу Джеффрис, убил и его.

У меня не было при себе часов. Когда я подошел к повороту на Верано Кей, было уже, верно, около четырех. Глаза мои привыкли к темноте. Пройдя еще с полмили по песчаной дороге, я остановился у старого деревянного моста и прислушался. Потом перешел мост и снова прислушался. Вдалеке виднелись огни вышедших на промысел рыбацких лодок. На отмели, в миле отсюда, находилась Линда. Я подумал, может ли она спокойно спать, не терзаемая ни раскаянием, ни укорами совести.

Я повернул туда, поглядывая время от времени на казавшийся чернильным под ночным небом залив. В

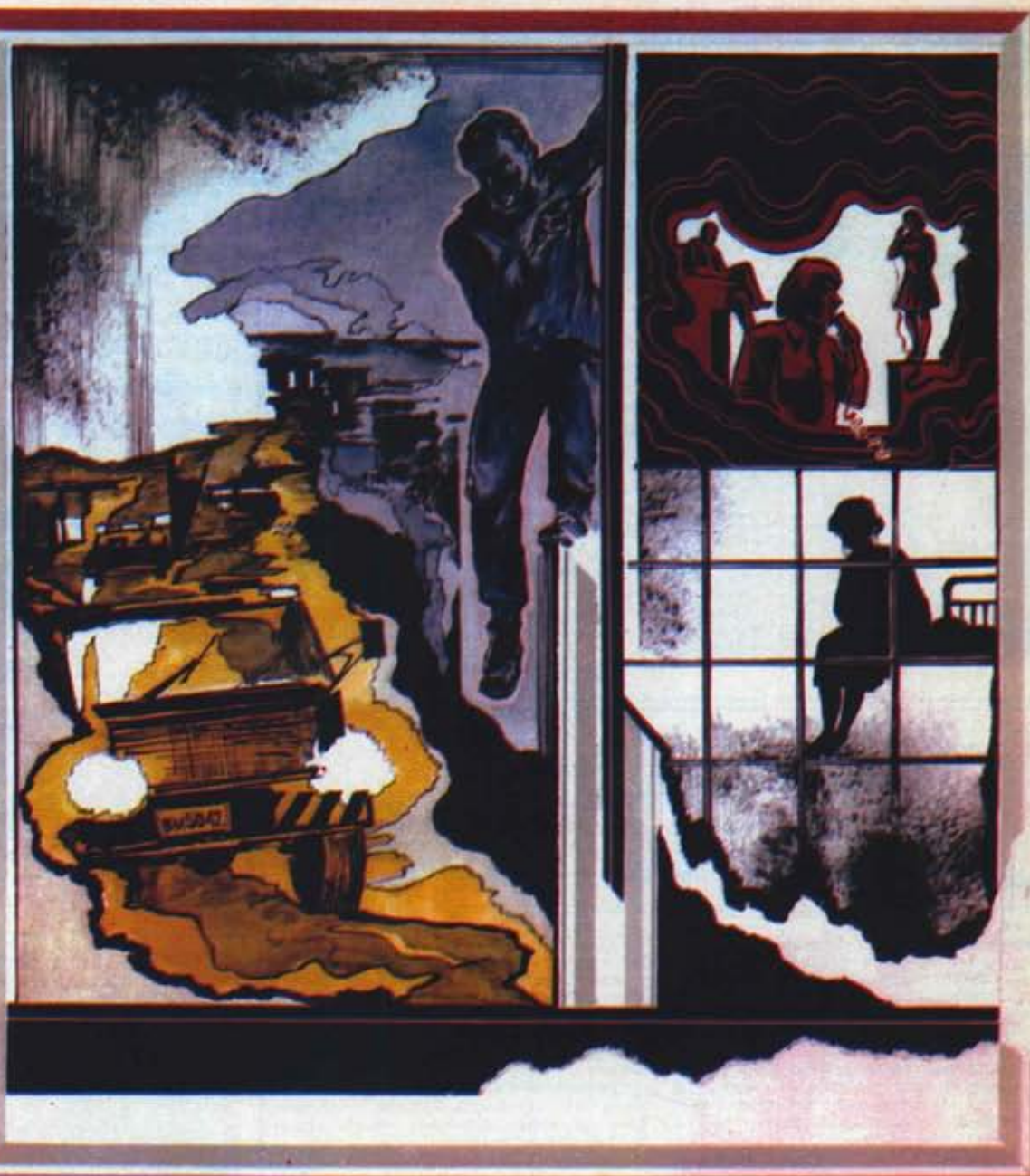

Рисунок Вениамина КОСТИЦИНА

добрался до лежавшей на берегу перевернутой вверх дном лодки и осторожно залез под нее. Она упиралась в песок носом и кормой, а ее изогнутые борта оставляли с обеих сторон два-три дюйма свободного пространства.

Еще возясь с лодкой, я услышал голоса. Теперь, уютившись под ней и переведя дыхание, я прислушался. Я мог различить голос Линды, но слов разобрать не мог. С ней было двое мужчин. Я не смел рискнуть придвинуться ближе.

Разговаривали они на веранде у Джеффа. Я узнал голос Дайка Мэтьюса, когда он несколько громче, чем раньше, сказал:

— Как я уже говорил, вам нечего беспокоиться. Оружия у него нет, а вы, мистер Джеффрис, похоже, справитесь с ним. К тому же не думаю, чтобы он направился сюда. Зачем ему это? Разве что эти знаменитые доктора ошиблись и он, как думают некоторые, все-таки ненормальный. По-моему, вы можете спокойно лечь спать. Полиция штата уведомлена, дорожные патрули тоже. Его схватят, едва начнет светать.

— Вы тогда сообщите нам, — сказала Линда.

Я понял, что все они спустились с крыльца. В голосе Линды звучала тревога.

— Конечно, сообщим.

— Утром мы приедем в город, — сказал Джефф.

— Наши многие дали бы, чтобы понять, как он выбрался из камеры. Замок не поврежден, и они все ломают себе голову.

— У него всегда были отличные руки, — сказала Линда.

Странно было слышать, как она говорит обо мне в прошедшем времени. Слово их замысел уже увенчался успехом. Слово меня, человека, за которым она некогда была замужем, нет уже в живых.

Мотор чихнул и загудел. Огни скользнули по лодке, и я слышал, как удаляется машина. Теперь я ждал, когда хлопнет дверь, возвещая о том, что они

вернулись в коттедж. Линда сказала что-то, чего я не расслышал.

— Просто мне это не нравится, вот и все! — сказал Джефф. — Не нравится с начала и до конца. — Голос его звучал выше обычного, и в нем слышалось раздражение. — Что до меня, то я предпочел бы сесть в машину и разыскать какой-нибудь мотель...

— Замолчи! Замолчи! — сказала она резко. — Господи, неужели ты думаешь, что он сейчас выскочит из-за куста?

— Нет, но...

— Пожалуйста, успокойся.

— Но мы не...

— Пойдем, — позвала она.

Я услышал их приближающиеся шаги. В молчании они прошли мимо лодки, и слышно было, как под их ногами закрипели доски причала. Они сели рядышком, свесив над водой ноги, и так близко от меня, что я мог слышать их дыхание. Я приподнялся, приблизив глаз к щели. Линда была в широкой белой пляжной юбке. Пламя спички осветило их лица.

— Завтра, — негромко сказала Линда, — ты передешь в Босвортс. Глупо было возвращаться в коттедж. Я останусь здесь. Зря мы дали им повод к пересудам на наш счет.

— Он ничего не заподозрил. Почему бы нам не пойти в дом? Здесь полно мошкар.

— Мы не идем в дом, потому что мне надо поговорить с тобой... Один из них — этот молодой по фамилии Хилл — мне не нравится. Как он разговаривает и как он на меня смотрит... Я буду осторожна. Чертовски осторожна. Он мог установить в коттедже, в обоих коттеджах аппарат для подслушивания. Хорошо, что мы условились всегда разговаривать так, будто все это сделал Пол. Но сейчас мне надо поговорить с тобой.

— Этот Мэтьюс ничего не заподозрил, — угрюмо сказал Джефф.

— Если и так, чья это заслуга? Ведь это я услышала его машину. Я как сумасшедшая помчалась к себе, пока ты открывал дверь. Ты завтра же передешь в город.

— Хорошо, хорошо. Но мне все это не нравится. Почему он убежал?

— Неужели ты не понимаешь, что для нас это лучше всего? Его поймут и решат, что он пытался бежать, потому что виновен. После этого у него не останется и тени надежды.

— Но меня не оставляет мысль, что он подумал о чем-то, о чем мы не подумали. Пол не дурак. Тебе следовало бы это знать. А что, если он решил вернуться сюда за какой-то уликой, которую мы упустили?

— Ты всегда твердил мне, что у тебя крепкие нервы. Что ты уверен в себе и ничто не может тебя испугать. Только действовать по плану, а затем спокойно ждать. Все учтено.

— Но...

— Никаких «но». Что может быть не так? Подумай сам своей тупой головой. Мы ведь позаботились даже об окурках в доказательство того, что я достаточно долго была там с тобой. Ни с берега, ни с лодки ничего нельзя было видеть. Посмотрел бы ты, как они меня встречают. Я — верная жена, мужественно переносящая свое горе. Меня даже тошнит от такой моей примерности.

Последовало долгое молчание. Было слышно, как с шипением упал в воду горящий окурочек. Джефф сказал:

— Я не знал, что это будет так... так, как оно было. Я думал, она будет выглядеть, как если бы уснула. Но ее глаза... и кровь...

— Замолчи!

— Перестань говорить мне, чтобы я замолчал!

Я чувствовал, что ей с трудом удалось ответить спокойно:

— Джефф, дорогой, прости. Я просто не хочу, чтобы ты об этом думал. Я... мне ведь тоже приходится думать об этом.

— Да, тебе действительно приходится думать об этом, а?

— Только оставь этот тон. С точки зрения закона, мой друг, это наш, а не только мой палец спустил курочку. Наш. Пожалуйста, Джефф, будь благодарен. Ничего не может с нами случиться. Мы так тщательно все продумали. И не мучайся ты из-за Пола. У него решительности меньше, чем у кролика. Нам надо только спокойно ждать и быть заодно с ними. Когда все кончится, мы переждем, сколько требуют приличия, а потом сможем соединиться.

— На ее деньги.

— Разве не они были нашей целью?

— О черт, не знаю. Я ничего больше не знаю. Я бы только хотел, чтобы мы этого не делали. Я хотел бы, чтобы существовали магические часы и чтобы можно было перевести обратно их стрелки, чтобы мы снова были все вместе на пляже и...

— Это невозможно.

— Знаю.

— Дело сделано, и мы должны действовать, как договорились. И все будет хорошо.

— И нам только останется жить с этим.

— Право, я... Иди лучше спать. И запри все двери и окна и спрячь голову под подушку.

— Это ни к чему.

— Иногда мне делается дурно от тебя. Спокойной ночи, Джефф.

Я слышал, как он поднялся.

— Ты бы лучше пошла и забрала свою одежду.

— Я заберу ее завтра, — ответила она еле слышно.

Он прошел мимо лодки, и вскоре дверь коттеджа захлопнулась за ним. Линда закурила новую сигарету. Мне было интересно, о чем она думает, сидя здесь и глядя на черную воду. Виделось ли и ей лицо Стеллы, как виделось оно мне, как виделось Джеффу? Или она сделана из льда и в ней нет ничего человеческого? Это создание делило со мной постель, и я думал, что знаю ее лучше, чем кого-либо другого на свете. А оказывается, я совсем ее не знал.

Свет в коттедже Джеффа погас. Я слышал, как Линда прошла рядом с моей лодкой. Я мог схватить ее за ногу, повалить, дотянуться до ее горла. Я мог думать об этом, но не мог этого сделать. Она знала, что во мне живет кролик. Ночная тьма ничем ей не угрожала.

К моменту, когда небо начало сереть, я все обдумал. Западня была подстроена ловко. Щелей в ней не было. А нажмут они себя сами. Их совместная жизнь началась с убийства. Теперь каждый из них будет для другого заложником, и почти неизбежно наступит такой день, когда снова произойдет убийство.

Я не знал, как далеко сумею уйти. И меня это не очень заботило. Если повезет, я найду новое место, мои руки меня прокормят. И я постараюсь обо всем забыть. Я вылез из-под лодки и смело прошел между коттеджами на песчаную дорогу. Оглянувшись, я посмотрел на берег, на то место, где погибла Стелла. Ярдах в ста от берега плавал дельфин. Я прошел по мосту. Машин здесь не было. Я решил идти по направлению к Хукеру, а затем, не доходя до него, свернуть на север.

Я был в пятидесяти футах от моста, когда резкий голос за моей спиной крикнул:

— Коули!

Я остановился. Они велели мне заложить руки за голову. Я подчинился. Один из них, тот, что с ружьем, был Дайк Мэтьюс. Второго я не знал. Позднее мне сказали, что они ждали меня, спрятавшись под мостом, но не остановили, когда я проходил по нему, боясь, что я прыгну в воду. Они надели на меня наручники и стали подталкивать в спину, так что я едва не упал. Запихнув меня в машину, которая ждала их у поворота на шоссе, Мэтьюс с головокружительной скоростью помчался назад, к коттеджам, чтобы посмотреть, что я сделал там с Линдой и Джеффом.

Эти двое вышли, мигая спросонья и от удивления. Лицо Джеффа при виде меня вновь обрело свое обычное уверенное выражение. Я отвернулся. Линда сказала:

— Нет, он вообще здесь не появлялся. Спасибо, что известили нас. Думаю, это доказывает, как он болен.

Меня отвезли назад. Фотограф быстро отщелкал несколько моих снимков, едва я переступил порог. Наручников с меня не снимали, пока я не был водворен в камеру, противоположную той, откуда бежал. Приходил Вернон, чтобы допросить меня. Приходил Дженимен, чтобы поговорить со мной. Я не ответил ни одному из них. Я начал понимать странную психологию преступника, позволяющую ему отгородиться от всего мира. Я молчал, и меня несколько не интересовало, что мне говорили. Все слова доходили до меня точно издали и были лишены всякого смысла.

Я спал тяжелым сном, когда пришел Дэвид Хилл. Проснувшись, я увидел, что он сидит в камере и спокойно курит, наблюдая за мной. Он вынул изо рта трубку, усмехнулся и сказал:

— Это мне, а не вам надлежало сделать неожиданный ход.

— Ничего хорошего из этого не вышло, — сказал я. Это были первые слова, произнесенные мною после того, как меня поймали.

— Что вы делали?

Я рассказал ему, я рассказал ему, как справился с замком, как вышел отсюда, как залез в грузовик, как добрался до места и как прятался потом под лодкой. Я рассказал ему все подробности их разговора, какие только мог припомнить. Я рассказал ему, как был схвачен неподалеку от моста.

Он опять набил свою трубку и неторопливо раскурил ее.

— Раньше у меня могли быть хоть какие-то сомнения, — сказал он. — Но теперь я знаю, что вы невиновны, Коули.

— Как вы это узнали?

— У вас надежный и логический склад ума, но вам не хватает воображения. Тут ваша оценка невысока. Вы трудились и трудились над этими чернильными кляксами, которые вам показывали, но так и не смогли увидеть в них ничего, кроме чернильных клякс. Необходимо весьма активное творческое воображение, чтобы сочинить разговор, который вы мне сейчас пересказали. Мне не нужно других доказательств. Но только мне. Вернон, или Шепп, или кто угодно другой, от кого это зависит, просто рассмеялись бы мне в лицо. Им надо самим послушать такой разговор, вот тогда они с неохотой поверят в него.

— Она выразила опасение, что в коттеджах может быть подслушивающее устройство. Хотелось бы мне иметь при себе магнитофон. Тогда этот бессмысленный побег сыграл бы свою роль.

Он долго смотрел на меня, забыв даже о своей трубке. Между бровей у него залегли две глубокие морщины.

— Вы говорили еще кому-нибудь об этом? — спросил он.

— Нет.

Он принялся расхаживать взад и вперед. Иногда он останавливался, устремив взгляд в пространство, а затем снова начинал ходить.

— Попробовать, во всяком случае, стоит, — сказал он.

— Что стоит попробовать?

— У вас был с собой магнитофон. Но сперва мне придется хорошенько потрогаться с Верноном и Шеппом.

Он вернулся примерно через час с бумагой, складным столиком и карандашами.

— Пришлось-таки попотеть, — сказал он. — По моему мнению, я фантазер, сосунок, полоумный. Я испытал все средства: угрозы, лесть, высокомерие, насмешки. Фактически я поставил на карту свою должность ради вас, Пол.

— Не думаю, чтобы вам следовало...

— Ладно. Садитесь и пишите. Я хочу иметь подробнейшую запись разговора. Каждое слово, которое вы сможете вспомнить.

Я взял карандаш и посмотрел на чистый лист бумаги.

— Не помню.

— Слушайте. Вы лежите под лодкой. Темно. Вы промокли. Они идут мимо вас. Они садятся на причал. Кто заговорил первым?

Я написал «Л», что означало Линда, открыл кавычки и начал: «Завтра ты передешь в Босвортс. Глупо было возвращаться сюда». Я посмотрел на Хилла.

— Я не уверен, что точно воспроизвожу каждое слово.

— Она могла так сказать? По смыслу?

— Да, но...

— Почему вы думаете, что их память окажется лучше вашей? Пишите, как они говорили. Старайтесь по возможности быть точным.

Я написал: «Я останусь здесь. Зря мы дали им повод к пересудам на наш счет».

Дж.: «Он ничего не заподозрил. Здесь полно мошкар. Почему бы нам не пойти в коттедж?»

Он оставил меня одного за работой. У меня было странное ощущение. Я мог припомнить множеств вещей, но не мог правильно расположить их. Помнит-ся, Линда сказала что-то вроде: «Ты говорил, что у тебя крепкие нервы. Что ты уверен в себе и ничто не может тебя испугать. Только действовать по плану и ждать. Все учтено». И то, что она говорила об окурках. И о том, что ее тошнит от собственной примерности.

Вспомнив что-нибудь, прежде упущенное, я делал на полях пометки, где требовались вставки.

Уже смеркалось, когда Хилл и охранник пришли за мной и повели меня вниз, в маленькую комнату, где меня впервые допрашивали. Хилл прочел написанное и, оставив меня с охранником, ушел. Отсутствовал он больше часа, а затем принес четыре отпечатанных на машинке экземпляра моих заметок и привел с собой четверых людей: двух молодых девушек и двух мужчин. Он не стал представлять нас друг другу, а просто сказал:

— Пол, это профессионалы. Я вызвал их из Саратоты. Вкратце они в курсе дела. Я хочу, чтобы вы послушали их и сказали, какие голоса больше похожи на голоса Линды и Джеффа.

Одна из девушек гондилась. Из мужчин ни один не подходил. Я объяснил это Хиллу, но он сказал, чтобы я не беспокоился и просто выбрал того, чей голос ближе к голосу Джеффа. Затем он поблагодарил двух других, но по их просьбе разрешил им остаться и послушать. Только предупредил, что все, чему они будут свидетелями, должно остаться в строгой тайне.

Я уж не помню, сколько раз все это репетировалось. Принесли сэндвичи и кофе. Охранник, утративший интерес к происходящему, откровенно зевал. Я преодолел свою обычную застенчивость и вносил по

ходу действия поправки. Девушка говорила слишком драматично, а мужчины слишком тихо. Некоторые куски звучали на удивление верно, а другие мне не нравились. По-видимому, они не получались оттого, что я написал не те слова. Но — странное дело — я вспоминал верные слова, когда слышал, как они произносятся неверные.

Наконец, насколько это возможно, я был удовлетворен, хотя и чувствовал, что у них это выходит не так, как было у Линды и Джеффа. Они уловили тон и темп и ударения делали там, где нужно, но все-таки это было не то.

Тут Хилл принес машину — обычный канторский диктофон. Записав часть текста и прослушав ее, он сказал:

— Вот что, ребята, отнесем-ка микрофон подальше. Вас слишком ясно слышно. Сотрем запись и повторим. О'кей?

Он снова записал, стер и опять записал. Услышав запись, я поразился. Голоса благодаря несовершенству записывающего аппарата утратили свою индивидуальность. Их трудно было теперь отличить от голосов Линды и Джеффа. От некоторых мест мне становилось просто жутко. Я чувствовал, как меня мороз по коже подирает. Другие места были не так хороши. Когда я прослушал весь текст, Хилл снова прокрутил его, предложив мне вслушаться внимательно и отметить самые удачные места. Это было то место, когда он сказал: «Да, тебе действительно приходится думать об этом, а?» И она сказала: «Только оставь этот тон. С точки зрения закона, мой друг, это наш, а не только мой палец спустил курок. Наш. Пожалуйста, Джефф, будь благоразумен. Ничего не может с нами случиться. Мы так тщательно все продумали. И не мучайся ты из-за Пола. У него решительности меньше, чем у кролика».

Хилл отметил это место на бумажной ленте, отсчитываяющей ярды пленки. Затем поблагодарил участников спектакля. Девушка с неудовольствием заметила:

— Мы столько трудились, Дэйв, а в итоге наши голоса звучат как будто вовсе и не наши.

— Именно это мне и требовалось, — улыбнулся он. — И если дело выгорит, я уж постараюсь, чтобы вас, ребята, оценили по заслугам.

В десять часов утра меня повели вниз, в большой кабинет, которого я раньше не видел. Хилл сидел за большим письменным столом. Улыбка его была мимолетной и нервной. Шериф Вернон с явным недовольным видом стоял у окна. Прищавив девица пристроилась сбоку со своим блокнотом. Мистер Шепп с выражением оскорбленного достоинства сидел поодаль. Меня усадили на стул у углу.

— Зачем вам надо, чтобы он присутствовал при этом вашем дурацком представлении? — спросил Вернон.

— Я рассчитываю на психологический эффект. Велите вашему стражнику подождать в коридоре. Я хочу, чтобы выглядело так, будто Коули уже на свободе.

Вернон неохотно распорядился. Шепп сказал: — Я считаю своим долгом официально, для протокола, заявить, что не стал бы принимать в этом участия, если бы не настоятельные просьбы моего помощника. Надеюсь, я выразился достаточно ясно? Остается еще добавить, что у меня имеются серьезные сомнения в законности этой процедуры.

Хилл сказал: — Она не будет долгой. Это просто эксперимент.

Вернон презрительно фыркнул, повернулся к присутствующим своей широкой спиной и стал глядеть в окно, демонстративно подчеркивая свою непричастность к подобной чепухе. Мне было очень неудобно сидеть. Мои мокасины высохли и затвердели, и ногам было тесно в них. Пропитавшиеся солью брики раздражали кожу.

Я различил специфический стук ее высоких каблуков, услышал, как она что-то спросила. Затем высокий человек в форме открыл дверь, и она вошла. Я наблюдал за ней. Я видел, как, сделав три шага, она остановилась, окинула всех быстрым взглядом и скользнула на миг глазами по мне. На ней была пушистая белая, замысловато сшитая блузка, хорошо оттенявшая ее загар, кирпично-красная полотняная юбка, перетянутая поясом с большой серебряной мексиканской пряжкой, и туфли из кожи ящерицы с четырехдюймовыми каблуками. Я вспомнил, что эти туфли стоили двадцать девять долларов. В руках она держала продолговатую соломенную сумку.

— Вы хотели побеседовать со мной? — спросила она, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Садитесь, пожалуйста, миссис Коули, — сказал Хилл.

Она грациозно опустилась на стул, выставив свои красивые ноги и чуть приподняв темные брови с выражением вежливого вопроса. Хилл кончиком трубки почесал нос, оценивающе разглядывая наведенный Линдой свежий глянец.

— Миссис Коули, — начал он, — просто ради эксперимента и, должен сказать, вопреки желанию моего начальства я позволил себе установить подслушивающее устройство во владениях Дулея.

Выражение ее лица не изменилось. Я наблюдал за ее руками, державшими широкую ручку сумки. Острым ногтем большого пальца она стала царапать эту ручку. В тишине комнаты казалось, будто скребется мышь.

— Да? — Брови по-прежнему были чуть приподняты.

— Мистер Коули считал, что вы будете достаточно осторожны и ни в одном из коттеджей не скажете ничего лишнего. Пока вы ездите встречать вернувшегося мистера Джеффриса, я заглянул туда и решил установить аппарат под той перевернутой лодкой, возле причала.

— Боюсь, я совершенно вас не понимаю, — вежливо отозвалась Линда. Но ноготь большого пальца все глубже впивался в солому, трепля ее.

— Я хотел бы воспроизвести кое-что из записанного. — Он стал возиться с аппаратом, скрытым от зрителей письменным столом.

В комнате было очень тихо. Аппарат засвистел, захрипел, а затем послышался далекий, заглушаемый фоном, саркастический голос Джеффа:

— Да, тебе действительно приходится думать об этом, а?

— Только оставь этот тон. С точки зрения закона, мой друг, это наш, а не только мой палец спустил курок. Наш. Пожалуйста, Джефф, будь благоразумен. Ничего не может с нами случиться. Мы так тщательно все продумали. И не мучайся ты из-за Пола. У него решительности меньше, чем у кролика.

Хилл выключил аппарат. Линда сидела очень тихо, склонив голову набок, впиваясь ногтем в мягкую ручку сумки, вся напрягшись. Казалось, она все еще вслушивается в смолкший голос. Я видел, как постепенно ослабевает ее напряжение. Я не знаю, что происходило в ее мозгу. Думаю, она уловила какую-то фальшь в дикции или в тоне. У нее были чуткость и хитрость зверя, борющегося за свою жизнь. Она откинулась на спинку стула и рассмеялась.

Этот натурально прозвучавший смех погасил огонь в глубоком посаженных глазах Дэйва Хилла.

— Право, мистер Хилл, я вас решительно не понимаю. Подразумевается, что это мой разговор с мистером Джеффрисом? Не слышно ли странная выдумка? — Она повернулась к Вернону. — Таковы ваши полицейские методы?

— Это не мои методы, сударыня, — сказал Вернон.

— Отлично. — Хилл обратился к стражнику: — Отведите ее в 12-ю комнату и пусть с ней побудет миссис Кэрти, а сюда доставьте Джеффриса.

Когда Хилл заговорил со стражником, она встала. Лицо ее было спокойно. Когда Хилл сказал, чтобы привели Джеффриса, я увидел, как изменилось выражение ее глаз, и понял, что она уже в точности знает, что сейчас произойдет. Кровь отхлынула от ее горячего лица, и оно стало сереть. Улыбка, которую она попыталась изобразить, обратившись к Шеппу, была похожа на гримасу.

— Я думаю, хватит с нас этой чепухи, — сказала она. — Не понимаю, зачем еще заставляют и мистера Джеффриса участвовать в этом фарсе.

— От всей души согласен, — своим громовым голосом поддержал ее Шепп. — Мы и так достаточно долго терпели этот недостойный фарс, Хилл. Я сейчас же прекращаю его. У меня с самого начала не было ни малейших сомнений...

— Постояйте! — сказал Вернон. Он стоял, глядя на Линду, и в его глазах на жирном, потном, нездоровом лице появилось что-то новое. Несколько секунд он смотрел на нее так; затем, словно что-то решив для себя, кивнул и приказал охраннику: — Делайте, как вам велел Хилл.

Шепп встал. — Но я настаиваю, чтобы...

— Сядьте и помолчите! — произнес Вернон, по-прежнему не сводя глаз с Линды. Он улыбнулся ей. Не хотел бы я, чтобы мне когда-нибудь так улыбались.

Линда с усилием повернулась и вместе с охранником вышла из комнаты.

— Спасибо, — просто сказал Хилл.

Прошло долгих две минуты, прежде чем появился Джефф. Крупный, грубоватый, сердечный Джефф. Серая спортивная рубашка с зеленой рыбкой. Туго обтянутые плечи. Настороженная строптивость и обаятельная улыбка.

— Разумеется, — приветливо сказал он, садясь на предложенное Хиллом место. — Рад всячески быть вам полезным.

Хилл повторил ему все, что говорил Линде. У меня было странное ощущение, будто с каждым словом Хилла Джефф съезживается и уменьшается у меня на глазах. Запись, конечно, была та же самая. Те же хриплые, далекие голоса.

Джефф долго не прерывал последовавшего за этим молчания. Хилл мягко сказал:

— У нас здесь все целиком. Весь разговор. Хотите прослушать всю запись?

Джефф не ответил. Лица его мне не было видно. Я видел только, как тяжело поднимается и опускается его широкая грудь. Я чувствовал, что он охвачен страхом и смятением и какой-то животный инстинкт подсказывает ему, что самое лучшее сейчас молчать.

— Миссис Коули сообщила нам, что инициатором всего этого были вы.

Я ожидал различной реакции. Бурных возражений. Отчаянной попытки бежать. Я не ожидал того, что он сделал. Он поднял свои большие руки, закрыл ими лицо, согнулся и громко, отчаянно зарыдал:

— А-а... а-а... а-а...

До нелепости странно было слышать эти детские всхлипывания, производимые густым баритоном. Взрослый ребенок, покинутый и одинокий. Мне стало не по себе. Я невольно заерзал на стуле. Хилл хмурился. Вернон смотрел на Джеффриса с холодным осуждением. Шепп выглядел совершенно ошеломленным.

Все молчали. Джефф медленно овладел собой. Он засопел и тыльной стороной кисти отер нос. Затем уперся локтями в широко расставленные колени и опустил лоб на сжатые кулаки, точно не смея смотреть на кого-либо из присутствующих.

— Это был... не мой план, — заговорил он, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

Хилл сделал знак стенографистке, и она начала записывать.

— Кое-что придумал я. Живую рыбу. И вид оружия. Сначала обо всем этом говорилось в шутку. Когда мы... стали встречаться с ней. Я рассказывал ей, как прижимиста Стелла с деньгами. Она рассказывала мне, какой Пол скучный. По-моему, она первая сказала, как хорошо было бы, если бы... если бы они оба вдруг умерли. А я сказал, хорошо бы Пол... убил Стеллу и его за это повесили. В шутку. Просто в шутку. Но... это развивалось. Мы стали перебирать различные способы. Решать, как и где. У нас было много всяких негодных идей. А потом возникла эта. Странно. До самого... до самого последнего момента я... я думал об этом, как о чем-то нереальном, ненастоящем. Как о таком, что не может случиться на самом деле. А потом... она сделала это. Она выстрелила Стелле в голову, и все стало реальным, и мы... вынуждены были продолжать. — Тут он посмотрел на Хилла и старательно, точно объясняя, произнес: — Когда пуля вылетела, ее уже не вернешь. Здесь вы ничего уже не можете сделать.

— Нет, — мягко сказал Хилл, — здесь вы ничего уже не можете сделать.

— Я этого не хотел, — сказал Джефф.

Мне мало что остается добавить. Об одном я только жалею. Я добился разрешения повидать ее. Я смотрел на нее через решетку. Я ожидал увидеть ее прежней — холодной, решительной, высокомерной, хотя с момента ее ареста прошло уже три недели. Я хотел держаться с ней, как она держалась со мной на свидании в моей камере. Я думал, что глаза ее будут метать молнии и что она готова будет щепиться в меня. Но она неподвижно сидела на койке. Загар ее значительно побледнел, и она прибавила в весе. Ее черные волосы были спутаны, и она перестала следить за своим лицом. За три недели она превратилась в увядшую женщину средних лет и от прибавки в весе начала расплываться. Она смотрела на меня пустыми глазами, и нижняя половина ее лица обвисла, как тогда, когда я отнимал у нее ружье.

Потом она отвернулась.

— Линда, — позвал я.

Она не обернулась ко мне. Я почувствовал, что у меня жмет глаза. Думаю, я плакал не о ней. Я плакал о незнакомой девушке по имени Линда, с которой некогда жил.

На суде они казались мне чужими. Они не смотрели на меня, когда я давал показания. После суда я вернулся к себе, на север. Накануне казни я допоздна работал в своей мастерской. Я помыл здесь же, в подвале, руки, повесил свой запыленный комбинезон и прошел в кухню. Я глянул на электрические часы, которые она когда-то купила. Они были из керамики и сделаны в форме тарелки. На них было двадцать минут второго, и я понял, что все уже кончилось. Я налил стакан воды и медленно выпил его, глядя в темный двор. Дом был пуст, и весь мир тоже казался странно опустевшим. Я чувствовал, что должен сделать что-то драматическое, решительное, подчеркивающее финал. Наверно, нужен был какой-нибудь особенный жест, и я сделал бы его, если бы знал, что именно требуется.

Кончилось тем, что я принял душ, побрился и поехал в кантору. Было еще рано. Когда шеф пришел, он сказал, что я могу не работать день или неделю, сколько мне нужно.

Я ответил, что со мной все в порядке.

ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНЫ»

Письма — важнейший канал живой связи редакции с читателями. Они помогают нам лучше ориентироваться в обстановке, яснее видеть недостатки и пути их устранения, лучше планировать журнальные публикации. Читатели подсказали немало интересных тем, которые были воплощены на страницах журнала, приняли активное участие в обсуждении различных проблем. Редакция сердечно благодарит всех за добрую помощь в работе.

1982 год — год очередного, XIX съезда ВЛКСМ. На нем пойдет серьезный, деловой разговор о том, как комсомольцы и молодежь страны включились в борьбу за выполнение грандиозных свершений, начертанных историческим XXVI съездом партии, о том, как Ленинский комсомол воспитывает молодых строителей коммунизма.

1. В новой рубрике «Первичная организация: слово и дело», открытой в этом году, мы начали обсуждение работы низовых комсомольских организаций, составляющих основу ВЛКСМ. Использование опыта лучших из них — вот что требуется сегодня прежде всего. Подскажите нам адреса таких организаций.

2. Судя по почте 1981 года, наших читателей заинтересовали проблемы, поднятые в рубриках отдела рабочей молодежи: «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость», «Работа как дело жизни». Какие новые темы вас волнуют? Мы, например, предлагаем рассмотреть под рубрикой «Работа как дело жизни» такие: «Освоение» — об участии комсомольцев и молодежи в развитии районов Сибири, Дальнего Востока; «Социалистическое соревнование» — об опыте и проблемах трудовых комсомольско-молодежных коллективов; «Творчество» — об ударном труде и поиске молодых во втором году XI пятилетки... Ждем ваших предложений, дополнений.

3. В дискуссиях, которые провела за последнее время «Смена», «Что значит — порядочный человек?» и «Далекие близкие», приняли участие многие наши читатели. Какую тему для новой дискуссии вы могли бы предложить еще?

МЕСТО ПРИКЛЕИВАНИЯ КЛАПАНА

МЕСТО
ДЛЯ
МАРКИ

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена»

линия отреза

линия сгиба

линия сгиба

линия отреза

линия отреза

клапан

4. «Мир подростка» — этой теме журнал традиционно уделяет много внимания. О каких проблемах воспитания юношества вы хотели бы прочитать на наших страницах?

5. Самые важные открытия сделаны в последние годы на стыках различных областей знаний. О каких открытиях и каких науках вы хотели бы узнать подробнее? С кем из ученых надеетесь встретиться на страницах журнала?

6. По каким дорогам вы хотели бы пройти вместе с нашими журналистами; с прошлым и настоящим каких городов и регионов страны хотели бы познакомиться?

7. Традиционная рубрика «А что у вас?» сообщает о наиболее интересных событиях, которые произошли в жизни вашего города, поселка, трудового коллектива. Итак, что у вас нового?

8. Каково ваше мнение о публикациях журнала, посвященных зарубежным странам, темам международной жизни? О чем вы хотели бы прочитать, с какими авторами встретиться в наших рубриках: «Мир капитала», «Литературный глобус «Смены», «Планета неожиданностей», в ежемесячном «Обзрении»? Какие проблемы труда, жизни, борьбы зарубежных сверстников вас особенно интересуют?

9. Читатели заметили новую журнальную рубрику: «Физкульт-ура!». В своих публикациях мы затрагиваем вопросы организации физкультуры и спорта в различных коллективах. На какие проблемы, по вашему мнению, следует обратить особое внимание?

10. Какие повести и рассказы вам понравились, с произведениями каких авторов вы хотели бы познакомиться?

11. На своих страницах в рубрике «Новое имя» мы знакомим вас с творчеством начинающих поэтов и прозаиков — какие имена вам запомнились?

12. О каких проблемах и течениях в современной музыке должен пойти, по вашему мнению, разговор в последующих выпусках клуба «Музыка с тобой»?

13. О каких молодых актерах, режиссерах, художниках вы хотели бы узнать? С кем из выдающихся рабочих, деятелей культуры, искусства, науки хотели бы встретиться в нашей традиционной рубрике «Автобиография»? О ком прочесть в серии «ЖЗЛ»?

14. Какие публикации журнала вызвали обсуждение в ваших коллективах, в семье, среди товарищей?

15. В течение прошлого и нынешнего года «Смена» проводила Конкурс эрудитов, принесший редакции тысячи интересных писем от читателей.

Какие конкурсы, викторины, игры, рассчитанные на молодежь, можете предложить вы сами, дорогие читатели?

Назовите, если хотите, вашу фамилию, имя, возраст, профессию, место жительства.

ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ „ВТОРОЙ СЦЕНЫ“

С народным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР Олегом ТАБАКОВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Светлана ЯРОСЛАВЦЕВА

О б этом театре—хотя Студия молодого актера не имеет еще официального статуса и существует сейчас, как говорится, на любительских началах,—можно сказать, что он уже состоялся. Пристальный, всевозрастающий интерес зрителей, одобрительные отзывы критики, а главное, своеобразное лицо театра—все утверждает: да, это самостоятельный творческий организм. Каждый их спектакль—игра, горячая, заинтересованная игра, все участники самозабвенно поглощены ею, выкладываются до отказа, и, глядя каждому в глаза, понимаешь, сколь глубинное и острое переживание владеет актером, молниеносные реакции которого захватывают безвозвратно. Возникает ощущение максимального сближения с актерами, с тем, что они хотят показать зрителю. И аскетизм оформления сценического пространства, и предельная простота костюма, и отсутствие разграничения между зрителями и актерами: ни рампы, ни сценического планшета—все это как бы призвано выделять в спектаклях студии прежде всего актера, его экспрессию, его творческую сущность.

Размышляя о своеобразии театра, понимаешь, что оно было заложено в нем изначально, когда несколько лет назад народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Олег Табаков, выкраивая часы из перегруженных работой будней, собрал несколько десятков ребятшек и стал отбирать из них лучших. Таких, которые соответствовали его представлениям об истинном актере. Идея ранней профессионализации актера, как обмолвился тогда в одном интервью О. Табаков, овладела опытным мастером. Ему казалась несовершенной система подготовки молодого актера. Он взялся за эксперимент.

Пять лет назад, когда его питомцы окончили школу и поступили в театральный институт, студии потребовалось новое помещение. Ведь, выйдя из школьного возраста, ребята уже не могли ходить в Дом пионеров и школьников Бауманского района Москвы, где занимались прежде. Да и сделанный выбор—сцена и только сцена—требовал какого-то более серьезного этажа. Неподдалеку от «Современника» ребята обнаружили пустующее подвальное помещение, и вскоре оно стало их любимой школой, родным домом их мечтаний об актерском искусстве. Самая большая комната—зал, две поменьше—репетиционные, для гардероба—крошечный закуток. Ни фойе, ни буфета—сюда зрители приходят только ради спектакля.

— Недавние мальчики и девочки закончили курс ГИТИСа под руководством своего мастера. Казалось

бы, эксперимент подготовки актера окончен. Можно подвести итоги? Не правда ли, Олег Павлович?

— Действительно, итоги подвести можно, и мы собираемся сделать это в скором времени на общем собрании. Конечно, условия существования сейчас у студии жесточайшие, ребята работают на износ. Мы не можем позволить себе играть в самодеятельность, ведь ребятам после окончания учебы нужно обрести уверенность в себе, да и быт заедает: многие еще не устроены, а значит, не имеют жилья, заработка. А это—не будем закрывать глаза на прозу человеческого существования—не позволяет им выкладываться на спектаклях так полно, как они способны.

Мы были озабочены не только актерской подготовкой наших ребят. Не менее важно то, что мы решили вопрос заполнения души, добились роста их культуры, стремления стать интеллигентными людьми. Но, пожалуй, самое главное, что удалось нам сделать,—мы привили ребятам вкус к коллективизму, а для актера, особенно в начале пути, очень важно не чувствовать себя одиноким, не замыкаться ни в своих неудачах, ни тем более—в победах. Всегда очень нужно знать, что тебе есть на кого опереться, что у тебя спина защищена. Сейчас мы испытываем кризис коллективизма в театре. А его—как способ человеческого общежития—палкой не построишь. Это вопрос веры.

— Вы хотите сказать, что ощущали какие-то ошибки в своей актерской подготовке, мешавшие вам на первых порах в театре, и это подвигло вас на создание студии, чтобы попытаться как-либо их исправить, найти иной путь подготовки актера? Расскажите о своих первых впечатлениях о театре и своем ремесле, о проблемах, вставших тогда.

— Ошибки в моей подготовке, конечно, были... Я бы сказал, все они вытекали из недостаточного внимания к моему «я», его росту, его культуре, а главное, к познанию своего «я». Кстати, условия студии для этого наиболее благоприятны, и, естественно, мы обращали особое внимание на пробуждение самосознания.

Были у меня и проблемы—не находил приложения своей энергии в первые годы после выпуска. Пом-

ВМЕСТЕ РАЗМЫШЛЯТЬ, ИСКАТЬ, ВОПЛОЩАТЬ ЗАМЫСЛЫ—ТАКОВ ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП СЦЕНИЧЕСКИХ УРОКОВ ОЛЕГА ТАБАКОВА

ню—мы тогда переехали в здание на площади Маяковского,—репетировал я одну маленькую роль: так, поверите ли, бегал по лестницам туда-сюда, туда-сюда... лишь бы чем-то заняться.

Многим помогла мне Студия молодого актера, из которой вырос в свое время «Современник». Здесь я всегда точно знал, ощущал, что от моего вклада, как бы мал он ни был, зависит общее дело. Это способствовало моему человеческому росту одновременно с ростом профессиональным. От той студии, от Олега Николаевича Ефремова, может быть, и исходил изначальный импульс, который позднее подтолкнул меня к созданию студии. Ведь не секрет, что для многих актеров, а особенно для подавляющего большинства молодежи, старающейся попасть в актеры, определяющим порой становится стремление стяжать себе славу, предстать перед миром недостижимым кумиром в белом костюме и упиваться аплодисментами. Так вот, все это актерское премьерство, весь тот хлам, который является хламом актерской души, вытраивал у нас Олег Николаевич. И я понимал, что только коллективизм студии мог вытравить возникавшее у молодого, особенно удачливого актера премьерство.

Все, наверно, копилось исподволь, формировало некий образец, коему должен был соответствовать актер.

Сказалось это, когда в 1970 году меня назначили директором «Современника». Один-другой год набираю молодых актеров—а выбор был широкий, знакомился обычно со всем курсом, сразу во многих театральных вузах—и обнаруживаю в каждом что-либо такое, что хотелось бы исправить, с чем не мог мириться. Тогда и определился тот перечень требований, который стал основой подготовки ребят в студии. Видимо, все сводится не к индивидуальному, а к коллективному вступлению молодого актера в театр. А это требует студийной подготовки.

— Деятели театра немало говорят сейчас о пользе студийного развития как первоначальной стадии жизни театрального коллектива. У вас большой

опыт: вы выросли в студии и пришли в студию же руководителем. Как вы представляете эту проблему?

— Я считаю, вопрос должен ставиться значительно шире. Студии—это естественный способ обновления театра. И когда говорят: «Вперед к Станиславскому!»—это должно означать возобновление проповедуемого им студийного способа самовозрождения театра. При этом необходимо ввести раннюю специализацию актеров. Она существовала в России издавна. Из школ, организованных при императорских театрах, вышли и гримеры, и фигуранты, но и Яблочкина, и сама Ермолова, в шестнадцать лет дебютировавшая на профессиональной сцене. В наших условиях, вероятно, должны быть созданы некие подготовительные группы при театральных учебных заведениях. Ведь существует же подобная система подготовки и музыкантов, и художников, и танцоров. Почему же драматическое искусство лишено такой возможности? Почему до сих пор нет научного подхода к проблеме подготовки драматического актера? Ни психологи, ни специалисты по профориентации не сочли нужным разработать необходимые тесты, пригодные для профессионального отбора будущих актеров. Немаловажно и то, какие люди будут заниматься отбором. Ведь как сейчас: один отбирает, другой учит, с третьим работают. Это плохо: ведь каждый требует свое, порой отличное от предыдущего.

— На что вы обращали первоочередное внимание при подготовке актеров в студии, в ГИТИСе? Какую цель преследует пластическое «размягчение» актеров, характерное не для драматических актеров, а скорее для театра пантомимы?

— Все знают, что дикция—вежливость актера. Но я считаю, что и пластика тоже. Однако вы посмотрите, как дурно порой двигаются по сцене актеры. Пластика в театральных учебных заведениях пока что находится в загоне. А ведь тело несколько не менее важное орудие актерского труда, чем речь. Но привить необходимые пластические навыки значительно труднее, чем научить красиво, выразительно говорить, тем более, что при приеме именно, и только, речевые способности являются решающими. Да, впо-

следствии дисциплинам, развивающим творческий потенциал студентов в ГИТИСе, уделяется недостаточно времени и внимания. По-моему, программы по специальным дисциплинам: дикции, пластике, актерскому мастерству—должны быть расширены по меньшей мере в два раза.

Но мы в студии стремились не только научить молодых актеров грамотно ходить по сцене. Пластика действующая, пластика как активный элемент сценического языка—вот чего мы добивались. И, кажется, нам многое удалось (во всяком случае, зрители это заметили). Стоит только упомянуть спектакли «Маугли» и «Две стрелы», где наши замыслы обрели реальное воплощение. Смело могу сказать, что без того уровня владения своим телом, которого добились наши ребята, эти спектакли не появились бы. Хочу отметить, что львиная доля в этом одного из педагогов студии, Андрея Дроздина, настоящего фанатика своего дела.

— Но и в других спектаклях, более традиционных по своему сценическому решению, пластическое начало исполнителей вызывает необычные связи между словом и его отражением в физической природе актера, позволяет использовать исключительно подвижные мизансцены, вести действие в напряженном темпоритме. И в этом общность всех постановок, хотя режиссеры работали разные.

— Совершенно верно, спектакли ставили и Валерий Фокин и Константин Райкин, которые вместе со мной создавали студию и занимались с ее учениками. Впрочем, это сходство закономерно. Ведь наши общие замыслы при создании студии явились следствием некоторого единства взглядов на процесс развития театрального дела.

— Ваши слова напомнили мне очень точную фразу Георгия Товстоногова, которая приведена в его книге «Круг мыслей»: «Выразительные средства театра, как и живые люди, умирают, стареют, рождаются... Ход событий общественной жизни меняет зрителей, меняет их восприятие искусства и должен менять выразительные средства театра».

— Великолепно сказано. Но ведь изменить вырази-

тельные средства театра волевым решением невозможно. Нужно постоянно иметь под рукой чуткий творческий коллектив, способный уловить и воплотить то новое, что пришло извне. Естественно, что молодым это наиболее доступно. Мы это понимали—отсюда и возникла основная задача, которую мы ставим перед своими учениками,—рассказывать о себе, о своем поколении.

— Вероятно, эта задача определила и единство репертуара Студии молодого актера? Любопытно, что один из критиков обозначил интонационное единство всех спектаклей как «крик боли, словно застывший в воздухе».

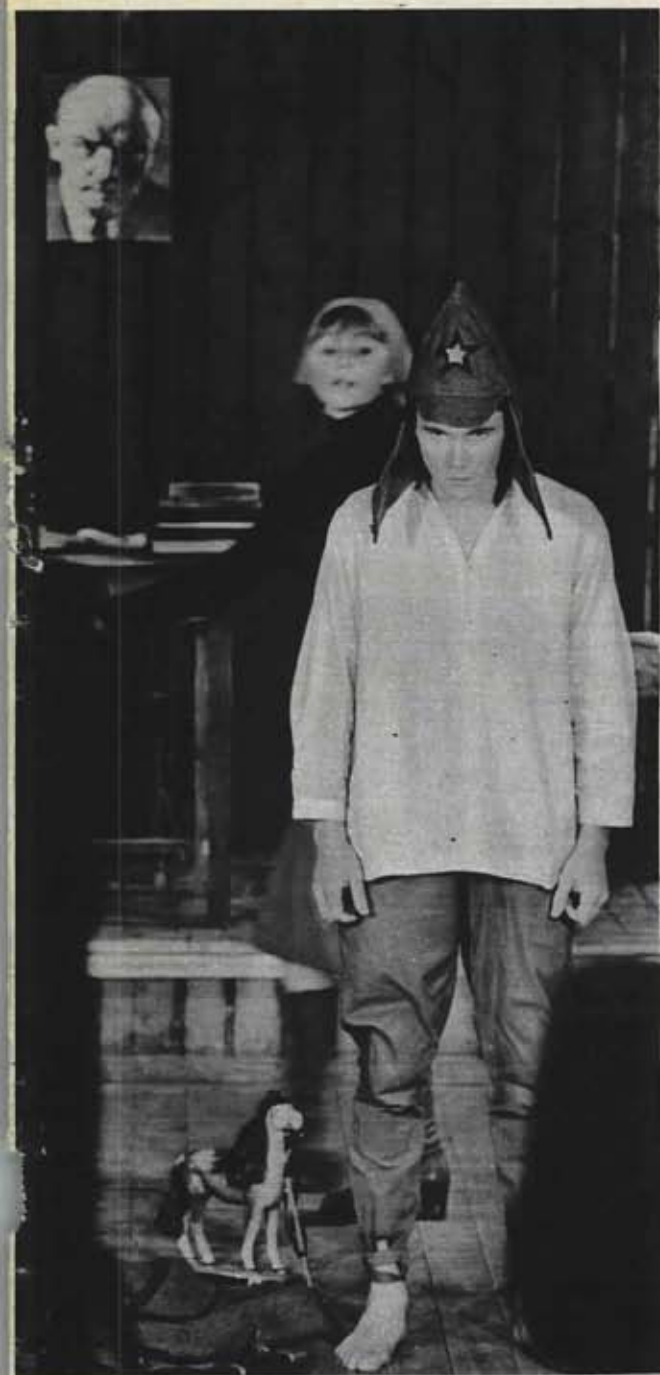
— А что же вы хотите? Когда рождается человек, сплошной крик стоит. И в пьесах, которые мы выбираем, все определяет момент открытия нравственных истин, момент рождения Человека. А это не менее болезненно и драматично, чем появление на свет младенца. Тут многое зависит от точки зрения постановщика. Интересно, что англичане не узнали в нашем спектакле «Прищучил» пьесу Барри Киффа. У них это смешная история о чудачковом парне. А для меня куда важнее непримиримость конфликта директора и мальчика. Ну, и, конечно, не менее важен при выборе пьесы талант автора, его гражданская позиция, его ярко и определенно выраженное желание изменить жизнь к лучшему. Причем нельзя забывать, что каждую пьесу мы утверждаем к постановке на общем собрании студии. И если возникают какие-то разногласия, неприятие предлагаемой пьесы,—она отвергается.

— Значит, можно сказать, что репертуар определяется и стремлением студийцев выразить свое отношение к миру?

— Так говорить, по-моему, преждевременно. Право иметь свое отношение к миру мы должны еще оплатить своей жизнью. К ученикам предъявлялось неизменное требование развиваться—нравственно и профессионально. Это, собственно, и отражает наше отношение к миру. Загляните в «Положение о студии», там каждая строка определяет тот этический уровень, которого мы добиваемся от учеников, кото-

фото Александра Земляниченко

**СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ:
«ДВЕ СТРЕЛЫ»,
«Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ ВЕСНОЙ»,
«СТРАСТИ ПО ВАРВАРЕ».**

рым мы руководствуемся на всех стадиях жизни студии, от набора до выпуска.

ИЗ «ПОЛОЖЕНИЯ О СТУДИИ»

Студийцы ставят своей целью:
утверждение нравственных принципов общества развитого социализма;
раскрытие проблем и конфликтов современности;
поиск нового драматургического материала, позволяющего решать эту задачу;
поиск уникальных для каждого спектакля художественных средств;
творческое развитие идеи театра психологического реализма;
практическое воплощение театральной этики К. С. Станиславского;
постоянное повышение своего профессионального уровня.

Ежегодно на общем собрании студийцев проводится поименное обсуждение каждого члена студии. Если более половины членов студии выражает недоверие данному студийцу, он выбывает из студии. Причиной исключения студийца могут стать этические или дисциплинарные проступки.

Каждые полгода на общем собрании избирают трех человек в совет студии. На нем лежит каждодневное руководство жизнью студии, репетиции, спектакли, наказание за нарушения (согласно положению о наказаниях) и пр. В течение суток решение студии доводится до каждого студийца.

Студиец обязан:
быть принципиальным и выявлять свою позицию по всем вопросам студийной жизни;
подчинить свои интересы интересам студии;
честно выполнять общественную работу и творчески—профессиональную;
лично предупреждать и извещать диспетчера о всех своих делах на случай экстренного вызова.

— Вы избрали за образец для учеников Станиславского. Значит, именно его система определяет ваши поиски, ваш принцип работы со студийцами?

— Да, и прежде всего в области театральной этики, особенно этики студийных взаимоотношений. Та безоглядная юношеская самоотверженность, самоотречение ради театра, которое буквально излучали студийцы Художественного театра,— вот пример для истинных артистов.

Система Станиславского, определяющая принципы работы актера над собой, над ролью, для нас, естественно, первостепенна. Но ведь надо признать, что и другие театральные корифеи вносили в искусство что-то весомое, неординарное. И если мы сумеем добиться логики развития образа, правды в поведении актера, вызывающей доверие и расположение зрителя (по Станиславскому), то как одновременно достичь той уникальности каждого спектакля, которую создавал на сцене Мейерхольд?

— И все-таки вам удается сделать спектакли непохожими друг на друга. Но при этом есть и нечто общее: единый исходный принцип решения спектакля—зритель и актер на одном уровне, глаза в глаза. Этот подход к постановке связан с системой подготовки молодых актеров, обусловлен ею?

— В общем-то вся система сводилась к тому, чтобы максимально раскрепостить и дух и тело актера. Ведь как в старину начался театр: вышли двое, расстелили коврик—пошло действие. Все решалось не местом игры, не декорациями или костюмами, а внутренней раскованностью.

— Значит, вы намеренно подбирали для студии такую игровую площадку, как ваш нынешний подвальныйчик, а не обычную сцену, отделенную от зрителей рампой? Ведь вам, я думаю, не составило бы особого труда договориться с любым профсоюзным клубом, где, как известно, залы пустуют. Вас наверняка приняли бы с распростертыми объятиями. Камерность спектаклей и оригинальность комнатных постановок—ваше творческое кредо? Но ведь на третьем курсе вы выводили их на сцену «Современника»?

— Конечно, все было не случайно. Мы не искали сцену и поэтому не обращались в пустующие профсоюзные клубы (хотя едва ли были бы для них удобными постоянльцами, наши планы могли бы не совпасть). Нам было важно прежде всего создать ученикам возможность играть в таких условиях, где они говорят своим голосом, где они не надрываются, работают на близких расстояниях. Надрыв в актерам у меня, например, вызывает чувство неловкости за то, что на глазах как бы совершается насилие. Здесь, на нашей учебной сцене, они должны были научиться жить полной мерой, не отгораживаясь от зрителя рампой, не уходя в свою скорлупу. Даже если у нас будет большая сцена—эта останется как лаборатория, где не должно быть общих мест в актерской технологии, приблизительности, пустоты души, где связь с партнерами наиболее усилена. Приблизительность—враг для актера, и наш подвал—средство в борьбе с нею.

— Кстати, многие деятели театра отмечают в нынешней системе подготовки невозможность актив-

ной практики актера и режиссера. Это приучает художника к приблизительности, необязательности: ведь спектакль, который ставит студент в учебном театре, переживает, как бабочка-однодневка, одно-два представления. Вам в студии удалось этого избежать?

— Действительно, это очень острая проблема для учеников театральных школ. Поэтому мы в студии с самого начала стремились к тому, чтобы все наши спектакли игрались долго, в полную нагрузку. Именно это приблизило нас к ощущению себя настоящим, живым театром. Именно это привлекло к нам зрителя, и мы почувствовали свою самостоятельность, свою самоценность. Могу сказать, что и сейчас двое наших ребят, вошедшие в режиссерскую группу студии, ставят свои интересные спектакли.

— Вы хотите сказать, что студия молодых актеров готова и способна стать театром? А не нарушится ли при переходе в стадию взрослости, а значит, определенной стабилизации, здоровая студийная творческая атмосфера? Ведь вы как-то сказали, что студийный период театра может длиться пять—семь лет, а потом потребуются искать новые формы студийного равенства.

— Да, студия готова стать театром. Это видно прежде всего по тому, как растут ее актеры в старых, уже не раз сыгранных ролях, как вносят новые неожиданные оттенки в уже привычные фразы и движения. В этом свидетельство их духовного здоровья, саморазвития, когда те накопления, которые дает им жизнь, они переплавляют в свой театральный опыт. Это—свойство настоящих профессионалов.

И все же стабилизация постепенно начинает становиться врагом новшеств, и ничего с этим не поделаешь. Естественно, что мы стремимся себя утвердить. Но как утвердить себя, чтобы иметь при этом возможность все начать сначала? Весь мой семилетний опыт со студией подсказывает, что студийная привычка—единственное спасение. Я уже давно готовлю ребят к мысли, что через два года после окончания курса мы снова будем набирать ребятшек и на этот раз готовить и заниматься с ними станут мои недавние выпускники. Это своего рода способ борьбы с их эгоизмом, эгоцентризмом, самолюбованием. В нашем театре должны быть люди, вместе, бок о бок вступающие в жизнь, а не отталкивающие друг друга локтями в споре за лучшую роль. А через два года после второго выпуска—вновь набор, и так далее. То есть студийность как постоянная форма самообновления театра.

Трудно сказать, как сложится наша судьба, но сводить на нет, делать из нашего театра клуб встреч, а не настоящий театр неможе. И мы с этим согласиться не можем.

— Театр ломится от зрителей, в театры не попасть, и не только в самые модные, недоступные для робкого любителя, но подчас и во многие рядовые, еще недавно ничем не блиставшие. И в то же время отмечаются кризисные явления в театре: он как бы оторван от массового зрителя, слабо отражает современную жизнь народа. Почему это происходит?

— Московские театры переполнены. Тем более, что полтора миллиона гостей столицы тоже штурмуют театральные кассы и залы... Вот и получается порой: кто в своем городе в театр не ходит, московский посетить считает своим долгом. Здесь ведь известные актеры играют, разговор об этом потом на весь год хватит. Что говорить, посещение московского театра становится престижным, как мебель, как книги. Однако этот ажиотаж не характеризует действительного театрального процесса. Да и значимость театра для зрителя определяется не местом его на карте. Все зависит от его режиссеров, актеров, от их совместных усилий сделать каждый спектакль интересным, актуальным, не бояться использовать непривычные для окружающих приемы декоративного оформления, построения мизансцен—короче, иметь свое оригинальное видение каждого спектакля. Впрочем, это настолько бесспорно, что нет смысла повторять всем известные истины. Конечно, трудно порой добиться необходимой перестройки сил для режиссера, задумавшего что-либо новое, и здесь очень важна поддержка и понимание дирекции театра. Талантливый администратор в театре—это очень весомая фигура и необходимая для творческого процесса. И, наверное, в театрах, ставших известными—Красноярский ТЮЗ, «Лучафэрул» в Кишиневе, драмтеатр в Павлодаре,—подобрался хороший, дружный коллектив. И все же если смотреть в корень, то и здесь нужно думать о постоянной поддержке творческой атмосферы в театре, независимо от очередного появившегося режиссера. Театру необходимо вернуть студийный способ его обновления. Надо думать, как это сделать реальным для каждого театра. Недаром же театры-студии появляются по всей стране, как грибы после дождя.

Рисунок Владимира БУРКИНА

Рисунок Владимира КОЖОКИНА

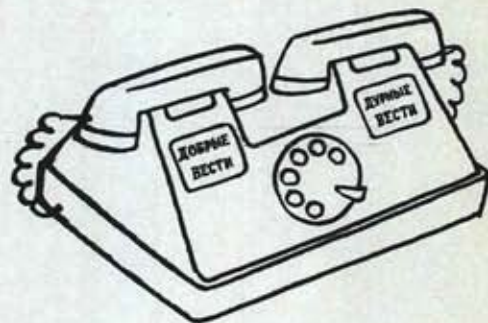

Рисунок Олега ГАЛИМОВА

Рисунок Александра ПАНАСЕНКО

Под редакцией международного арбитра,
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение.
Начало см. в №№ 11—15, 17 и 18
журнала)

Восьмой тур

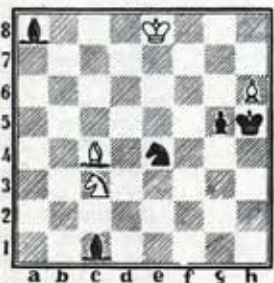
Белые начинают и дают мат в два хода.

II

Белые начинают и дают мат в пять ходов.

III

Ход черных. Какой путь ведет их к победе?

УДАЧИ СПОРТИВНЫЕ И ТВОРЧЕСКИЕ

Немало советских шахматистов порадовали в нынешнем году успешными выступлениями на крупнейших соревнованиях. Приятно отметить не только их спортивные удачи, но и творческие достижения. Проиллюстрируем это несколькими яркими фрагментами.

К такому положению пришел после 29-го хода белых поединк молодого чемпиона СССР Льва Псахиса из Красноярска (у него были черные фигуры) с югославским мастером В. Османовичем. Случилось это на международном турнире в Сараево (Югославия) «Босна-81», где 22-летний сибиряк уверенно победил с 11 очками из 15 возможных и завоевал балл международного гроссмейстера.

29. ... Фd7—e7! 30. Крf2—e2

Фе7—g5 31. Лf1—f2 Фg5—h4.

Черные активизировали ферзя и создали опасные угрозы бастионам короткой рокировки соперника. Последний предпринимает попытку перебазировать своего короля в безопасную зону на противоположный фланг. «По дороге» король белых попадает под «шквальный огонь».

32. Лb1—h1 Сb7—c8 33. Фd3—c2 Сс8—f5 34. Кре2—d1

Ле8—e5! 35. Лf2—e2 Cf5—e4 36. Ле2:e4 Ле5:e4 37. f3:e4 Фh4—f6. 38. Лh1—f1 Фf6—d4—39. Крd1—e2 Фd4—e3—40. Кре2—d1 Фe3—d4—41. Крd1—e2 Фd4—e3—42. Кре2—d1 Cf4—g5! 43. Фс2—b2? Фe3—d3—, и белые капитулировали.

Перед вами позиция, сложившаяся после 24-го хода белых во встрече Евгения Свешникова из Челябинска с Г. Рее (Голландия). Партия эта была сыграна на международном турнире гроссмейстеров в Гронингене.

где Свешников вместе с ленинградцем Марком Таймановым разделили третье—четвертое призовые места (по 7 из 12).

Своевременным разменом коней черные, которыми играл челябинец, прочно овладевают инициативой и ставят партнера перед лицом трудноразрешимых проблем.

24. ... Кd7—e5! 25. Кс4:e5 Ле8:e5 26. Cd3—c4 Лс8—e8 27. Лс2—c1 g7—g6 28. Ка4—b2 Ле5—f5 29. Фf3—d3 Cd6—e5 30. Лс1—c2 Се5—d4!

Меньшим злом для белых была бы в сей критический момент отдача центральной пешки. Попытка же сохранить материальное равновесие резко ослабляет пешечное прикрытие их короля. 31. g2—g4? Лf5—f6 32. Лd1—f1 Ле8—e3!!

На редкость красивая жертва ладьи позволяет черным вырваться ферзем из засады и учинить разгромную атаку.

33. f2:e3 Фb8—g3—34. Лс2—g2 Cd4:e3—35. Крg1—h1 Фg3:h3—, и белые сложили «оружие».

Здесь отображено интересное, нестандартное окончание, возникшее после 33-го хода черных в партии гроссмейстера из Риги Айвара Гипслиса (он играл белыми) с эстонским мастером А. Хермлином. Поединок этот состоялся на традиционном фестивале в Таллине.

34. f4—f5! g6:f5 35. e4:f5 Кеb—g7 36. Ке2—d4!

Сдвоение собственных пешек не испугало белых. Неприятельского коня они заставили отступить, а своего—водрузили на центральном пункте, господствующем над полем «битвы».

36. ... Лd8—d6 37. Лd1—g1 Лd6—f6 38. Лg1—g5 Ла6—b6 39. Крc1—d2! Крh7—h6 40. Крd2—d3 Лf6—d6 41. Лс3—c5 Лb6—a6

42. Крd3—e2! Лd6—f6 43. Кре2—e3 Лf6—d6 44. Кре3—f4 Лd6—f6 45. Крf4—e5 Кg7—e8

Не спасал бы черных и вариант 45. ... Лd6 46. f6! Ке8 47. Кf5—Крh7 48. Лh5— и т. д.

46. Лg5—g8!, и черные сдались.

Не забывайте, что свои решения вы должны доказать не словесными комментариями, а только вариантами, исполненными в сокращенной шахматной нотации. Ответ на каждое из указанных выше трех заданий присылается в адрес нашей редакции на отдельной открытке. Необходимо четко написать адрес и фамилию отправителя и сделать пометку «Шахматный конкурс «Смена-81», тур восьмой».

Срок отправки писем с решениями заданий этого тура—10 декабря сего года.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.08.81. Подписано к печати 03.09.81. А 05167. Формат 70×100¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. п. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 2324. Заказ № 1190. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Евгения МАРТЫНОВА
Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

ЗВУЧИ, ЛЮБОВЬ!

Я тебя люблю, моя награда.
Я тебя люблю, заря моя.
Если мне не веришь, ты меня испытай,—
Все исполню я!

ПРИПЕВ:
Горы и моря пройду я для тебя.
Радугу в степи зажгу я для тебя.
Тайну синих звезд открою для тебя.
Ты во мне звучи,
любовь моя!

Я пою о том, что я тебя люблю.
Думаю о том, что я тебя люблю.

Знаю лишь одно, что я тебя люблю.
Ты во мне звучи, любовь моя!

Жизнь моя теперь идет иначе,
Не было таких просторных дней.
Вижу я тебя и становлюсь во сто крат
Выше и сильнее!

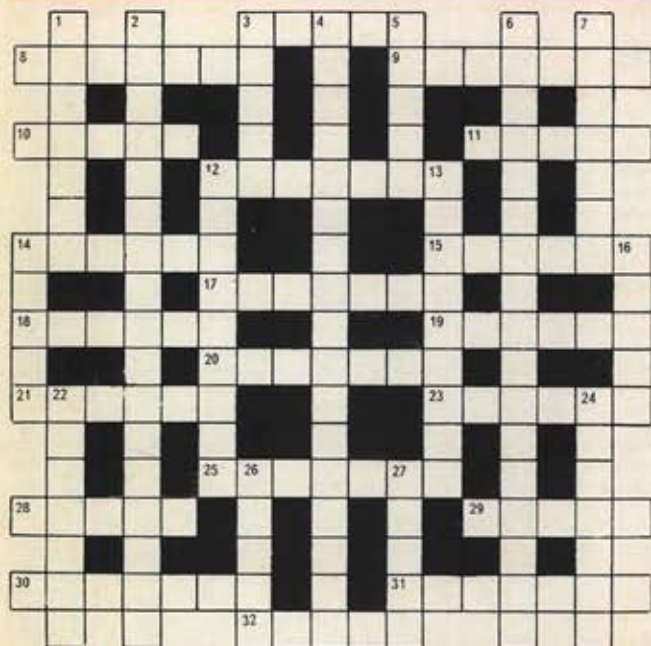
ПРИПЕВ.
Я живу одной твоей улыбкой,
Я твоим дыханием живу.
Если это сон, то пусть тогда этот сон
Будет наяву!

ПРИПЕВ.

КРОССВОРД

Составила А. ХАПКО,
г. Барань, Витебской обл.

По горизонтали:

3. Картина А. А. Пластова. 8. Город в Калининской области. 9. Советский летчик-космонавт. 10. Автор слов гимна «Интернационал». 11. Ценная промысловая рыба. 12. Комсомолка-молодогвардейка, Герой Советского Союза. 14. Опера П. И. Чайковского. 15. Декоративная композиция из цветного стекла. 17. Представительница коренного населения автономной советской республики. 18. Пьеса М. Горького. 19. Высшее воинское звание. 20. Стихотворение А. А. Фета. 21. Северное созвездие. 23. Река в Восточной Африке. 25. Татарский писатель, публицист-просветитель. 28. Большевицкая легальная газета, издаваемая в начале XX века. 29. Материковая отмель. 30. Публичное исполнение различных музыкальных, литературных, эстрадных номеров. 31. Тропическое растение, цветок. 32. Конструктор авиационных и ракетных двигателей, Герой Социалистического Труда.

По вертикали:

1. Оперетта Н. М. Стрельникова. 2. Спортсменка, легкоатлетка. 3. Немецкий композитор, дирижер, музыкальный критик XIX века. 4. Сельскохозяйственная машина для измельчения стеблей растений на корм. 5. Советский осетинский поэт. 6. Наука о художественных произведениях письменности. 7. Рапсодия для скрипки М. Равеля. 12. Государство в Центральной Америке. 13. Минерал, драгоценный камень. 14. Спутник Сатурна. 16. Птица семейства дятлов. 22. Киноактер, народный артист СССР. 24. Полевод-новатор, дважды Герой Социалистического Труда. 26. Национальный герой Кубы, поэт. 27. Советский писатель, автор юмористических рассказов.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 18**

По горизонтали:

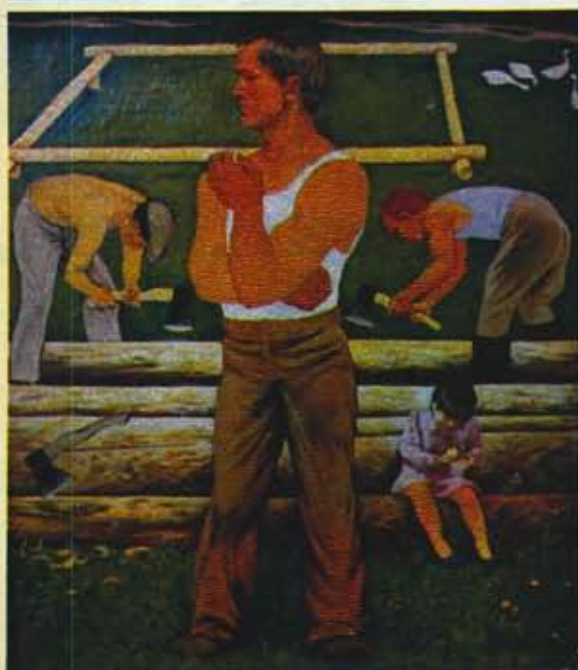
5. Ольга. 7. Надым. 8. «Червоочина». 9. Ферма. 13. Ясень. 15. Полуостров. 16. «Прогресс». 18. Прометей. 19. Красавка. 20. Аттестат. 23. Кипрегель. 24. Хомяк. 26. «Париж». 27. Безыменский. 28. Улита. 29. Молот.

По вертикали:

1. Глазенап. 2. Пачка. 3. «Знамя». 4. Бытантай. 6. Статуя. 10. Монография. 11. «Полесовицки». 12. Накопитель. 14. Статистика. 17. Сова. 18. Пума. 19. «Колокола». 21. Тиристор. 22. Беляев. 25. «Кабак». 26. Пойма.

МИР И ВЗГЛЯД ХУДОЖНИКА

Начало на 21-й стр.

НОВЫЙ ДОМ.

начинается сюжетом «Благословение на битву», который занимает один из боковых холстов. Для Дмитрия момент исполнен огромного значения. Он сделал свой выбор. Ответственность за судьбу Родины на нем.

Центр — «Предстояние» — остановил мгновение, когда в предутреннем тумане уже построились в боевом порядке полки, последние минуты перед битвой продлевают тишину. Дмитрий уже в рубахе и кольчуге простого воина — он сам пойдет в пешем строю. По правую руку князя — Бренко. Прототипом этого образа послужил художнику Василий Шукшин. С плеч Бренко ниспадает алый княжеский плащ.

Действие второго бокового полотна, «Плач жен», разворачивается вокруг Евдокии, жены Дмитрия. Это момент прощания, момент тихой внутренней скорби. Что принесет ей этот день? Вокруг Евдокии собрались плакальщицы.

Герои картины несут в себе настолько разнообразные эмоциональные заряды, сами фигуры столь колоритны, что глаз еще и еще возвращается к какому-то лицу, деталям, вновь рассматривает уже виденное и, казалось, прочувствованное.

...Отбившийся жеребенок мечется в предощущении страшного — символ неотвратимости грозного боя и одновременно детская растерянность и мольба о защите...

...Конь, яро выгнувший шею, приветствующий наступающее утро веселым ржанием, — тема молодецкой удалости, рвущейся в битву, не боящейся ее, полной веры в победу.

...Юноша, опустившийся на колени перед щитом Дмитрия, — его взгляд устремлен в будущее, в нашу жизнь...

Все образы картины чрезвычайно динамичны, активны во времени. Они словно ведут разговор со зрителем, заставляя его самого переживать те мгновения. И это не просто прием художника. Беседа со зрителем — суть живописи Юрия Рахши. Он никогда не ограничивал тот или иной жанр определенным сюжетом, раскрывающим определенные действия. Вместо действия всегда изображается состояние, предшествующее этому действию, предстояние — момент наибольшей эмоциональной силы, наивысшей внутренней собранности.

...Его не стало утром того дня, когда в мастерской появились служащие Третьяковки, приехавшие за картиной.

Боковые части триптиха были благополучно погружены в машину, а центральное полотно, огромное по

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА.

ных, но программных работ и явилась событием не только для меня.

Эти слова Юрий Михайлович Рахша произнес еще совсем недавно.

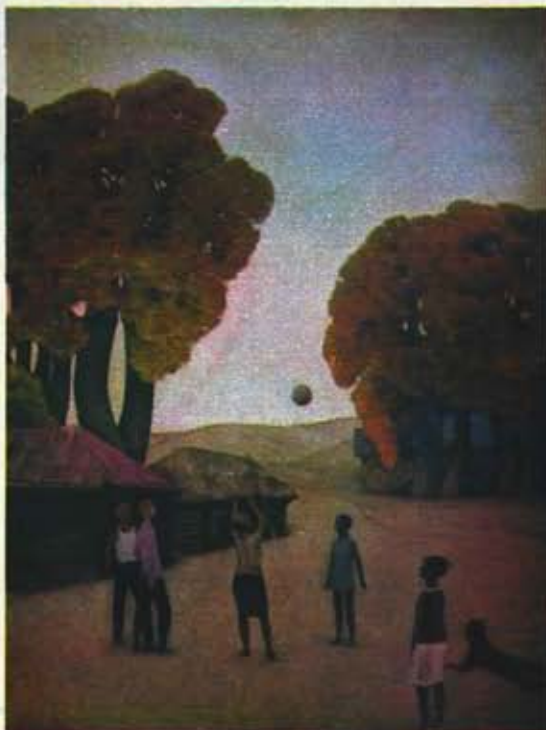
Персональная выставка художника состоялась уже после его смерти. В выставочном зале на Кузнецком мосту, где висели его картины, весь месяц было многолюдно. Сюда приходили те, кто хорошо знал Юрия, любил его творчество, и те, кто лишь сегодня открыл его для себя.

Имя Юрия Рахши зазвучало впервые немногим больше десятилетия назад. А в последние годы это был уже известный мастер, вступивший в пору творческой зрелости.

— Когда есть на что оглянуться в творчестве и в жизни, понимаешь, что век твой измеряется лишь тем, что ты успеешь сделать, и потому все мысли устремлены в будущее, и так важно хоть немного опередить время...

И Юрию Рахше это удалось. В последние дни он едва мог работать. Кисть уже падала из рук, и все же он успел закончить главную свою картину и подарил ее людям.

ЖУЖА И ЯНОШ ИЗ БУДАПЕШТА.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

размеру, не проходило в дверь мастерской. Вынуть холст из рамы и свернуть нельзя — еще не просохли краски. Оставался один выход — опустить картину с семнадцатого этажа на веревках через балконную дверь. И вот она уже движется, подхватываемая, поддерживаемая на каждом этаже руками друзей. На балконы дома выходят люди — и буквально передают огромный холст из рук в руки.

Картина плывет вдоль стены дома, все выше и выше — к людям, которые уже ждут ее, столпившись на тротуаре, как мальчишки, задрыв головы вверх...

Триптих Юрия Рахши занял свое место на выставке в Третьяковской галерее. «Поле Куликово» — вершина творчества художника. В этой картине заключено все то, что он хотел оставить живущим на земле: свою доброту, великую убежденность, любовь. Это он сам, его суть, сильно, разом выплеснутая на холст.

Это та самая земля, которая вскормила нас, на которой стоим и которой держимся мы в этом мире.

...Выставки. Их было немало. Выездные, международные, молодежные, московские.

И постоянно меняющаяся экспозиция на стенах мастерской.

— С персональной выставкой я пока не спешу, надо, чтобы она состояла не из случайно подобран-

